

№11 (65)
НОЯБРЬ

2018

Литературный журнал

СИМБИРСКЪ

12+

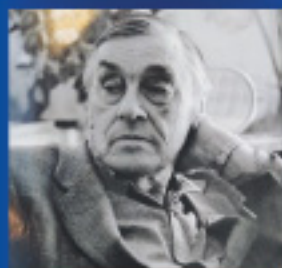
ПРОДОЛЖАЕТСЯ
почтовая подписка
на 1-е полугодие
2019 года

Индекс 54516

Цена подписки:
1 мес. - 91,00 руб.
6 мес. - 546,00 руб.

Индекс 54526

год - 1085 руб.

«Голоса из хора. Русская поэзия XX века».

Арсений Тарковский

стр. 7-11

Гала Узрютова. Слова и звуки
Словении. Писательская
резиденция в Любляне

стр. 53-62

Гость «Симбирска».
Поэт Мария Ватутина.
Творческий вечер в
Ульяновске

стр. 70-74

«Мы с тобой на Земле не
случайны...» Памяти поэта
Людмилы Бурлаковой

стр. 83-88

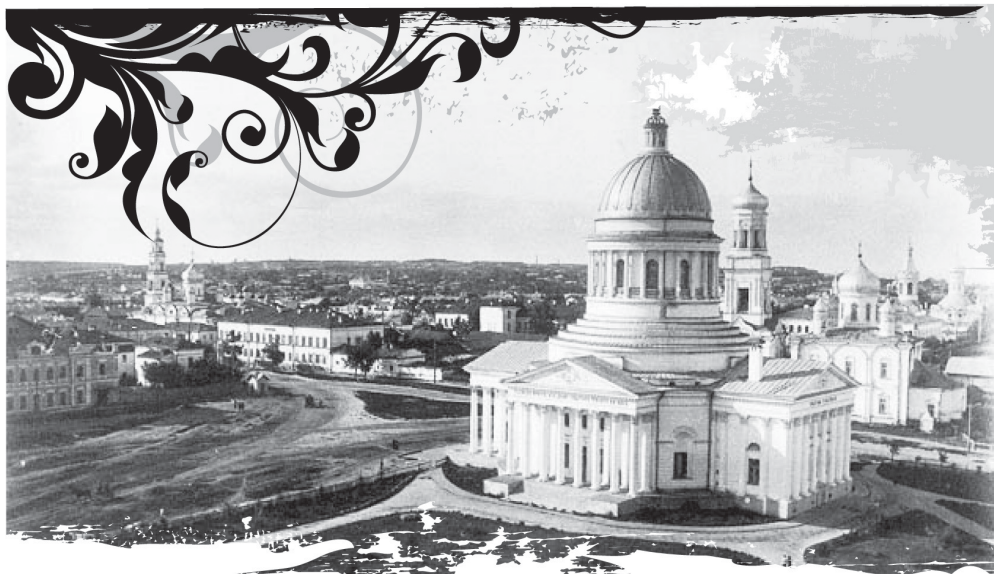

СИМБИРСКЪ

№11 (65)
НОЯБРЬ
2018

Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ»

Содержание

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89603693212

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Александра Белова
Ольга Даранова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции:
г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.

Подписано в печать 30.11.2018 г.
Дата выхода 7.12.2018 г.
Тираж 700 экз. Заказ № 1911.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Стэнком» 127299, г. Москва,
ул. Большая Академическая, дом № 4 пом. IV,
к. 1, оф. 3. Тел. 8 (8332)22-82-97

© Литературный журнал «СИБИРСКИЙ» №11 (65), 2018

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Ольга Абрамова, Ксения Нечаева.

На обложке: Часовня Ксении Петербургской. (Село Арское,
Ульяновская область.) Фотография Ильи Таранова.
На обороте обложки: Замёрзший друг. Фотография Марии
Фуфыгиной.

Слово доброе вместо награды	3
Литературное наследие	
Анна Григорьева. «Мы жили с потрясающим, неординарным человеком...» (о драматурге Николае Шестакове).....	4-6
Книжная полка	
Ольга Даранова. «Его присутствие на земле всеяло надежду...» Об Арсени Тарковском.....	7-11
Река воспоминаний	
Свидетель времени. Иван Иноземцев. Как мы жили раньше. Дневники Публикацию подготовил В. Ястребов.....	12-19
Александр Лукьянов, Галина Морозова. Анна Лукьянова – секретарь горкома	20-23
Вячеслав Люлько. В октябре семнадцатого. Сказка	24
Владимир Дворянсков. Прерванные танцы. Повесть	25-37
Страна поэзия	
Любовь Турбина. Жизнь – упущенное чудо. Стихи.....	38-40
Ветер странствий	
Владимир Кочетков. Звёзды над Буэнос – Айресом.....	41-52
Гала Узрютова. Слова и звуки Словении. Писательская резиденция в Любляне	53-54
Гала Узрютова. Словенские стихотворения	54-56
Прекрасная Словения.....	57-62
Ольга Шейпак. Царёв град на Кокшаге. Путешествие в Йошкар-Олу.....	63-69
Гость	
Голос нашего времени. Поэт Мария Ватутина.....	70-71
Мария Ватутина. «Белые крылья мои...» Стихи.....	72-74
Лукоморье	
Сергей Гогин. Сказка про 10.....	75
Двое	
Людмила Свирская. Любовь-невидимка	76-82
Память сердца	
«Мы с тобой на земле не случайны...». Вечер памяти Людмилы Бурлаковой	83-85
Людмила Бурлакова. Всю Вселенную видно с креста.....	86-88
Юбилейный календарь	90-96

Внимание! Теперь читать любимые издания стало возможным с монитора компьютера, экрана телефона и планшета! С марта 2017 года можно оформить не только почтовую, но и электронную подписку на газеты «Ульяновская правда», «Народная газета», «Чемпион» и журналы «Мономах», «Сибирский», «Сибик». Подробности, цены и пошаговая инструкция на информационном портале ulpravda.ru. Электронная подписка – оперативно, современно, выгодно!

ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ

можно тремя способами:

1) Подпишитесь на почте

и журнал принесут вам домой:

– цена на 6 мес. – 528,00 руб., индекс издания 54516

– цена на 12 мес. – 1057,00 руб., индекс издания 54526

2) Подпишитесь в редакции и заберите журнал сами

по адресу: г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11;

пр-т Ленинского Комсомола, 41, ком. 204 (Новый город).

(цена на 6 мес. – 348.00 руб).

г. Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107

(тел. 884(235) 3-26-49)

3) Подпишитесь через ООО «Урал-Пресс Поволжье»

(тел. 41-01-41)

Журнал «Сибирский» можно приобрести
в киосках «Сибирская печать»
и в отделе распространения по адресу:
ул. Пушкинская, 11.

По всем вопросам подписки
на журнал (в том числе альтернативной) можно
проконсультироваться по телефону

41-04-32

Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность предоставленных материалов.

Мнения автора и редакции могут не совпадать.

При перепечатке ссылка на «Сибирский» обязательна.

«СЛОВО ДОБРОЕ ВМЕСТО НАГРАДЫ...»

В ноябрьском выпуске журнала стихи и проза, публицистика, воспоминания об ушедших писателях, пронзительная «поэзопроза» о любви, путевые заметки и страницы хроники культурной жизни.

В рубрике «Литературное наследие» публикация, посвященная нашему земляку – драматургу, писателю Н.Я. Шестакову. Недавно на ульяновской земле побывали его внуки, москвички Мария и Елена. На встрече с читателями во Дворце книги они поделились воспоминаниями о своем знаменитом деде.

Читайте статью Ольги Дарановой, посвященную Арсению Тарковскому (из цикла «Голоса из хора. Русская поэзия XX века»). Поэт Светлана Кекова писала: «Понимание поэзии есть понимание языка поэзии. А поэтический язык у каждого поэта индивидуален. Именно в поэтическом языке явлено нам мироощущение поэта. Постичь это мироощущение и означает постичь поэзию...». Поэт – хранитель огня. Таковым был Арсений Тарковский.

В рубрике «Река воспоминаний» знакомим читателей с дневниками Ивана Павловича Иноземцева (1913 – 2006). Иван Иноземцев – уникальный человек. Фронтовик, героически сражавшийся на войне, а потом прошедший через немецкие и советские лагеря, врач, прослуживший более 50 лет в Ульяновском здравоохранении. Свидетель времени, запечатлевший запомнившиеся эпизоды жизни в своих записках. Публикацию подготовил Владислав Ястребов.

Александр Лукьянов из Эстонии предлагает вниманию читателей публикацию «Анна Лукьянова – секретарь горкома», материалы подготовлены совместно с Галиной Морозовой и продолжают сквозную тему «Человек в истории». «Анна Лукьянова, уроженка Симбирской губернии, прошла путь от простой ткачихи до депутата и заместителя председателя горсовета, секретаря горкома партии, директора предприятия. Прочсть ее биографию – то же самое, что перелистать учебник истории и понять, какой трудный путь прошла наша страна в первой половине XX века».

По-своему продолжает историческую тему автор из Москвы – художник Вячеслав Люлько. Предлагаем прочсть его сказку «В октябре семнадцатого».

В ноябре исполнилось 70 лет со дня рождения

ульяновского писателя Владимира Николаевича Дворянского (1948 – 2016). Читайте его неопубликованную ранее повесть «Прерванные танцы». Детективный сюжет, место действия – небольшой волжский городок (узнаваемы родные автору сенгилеевские пейзажи). А то, что это проза поэта, ощутимо в лирических отступлениях. В разделе «Страна поэзия» публикуем стихи Любови Турбиной.

Продолжаем публикацию фантастической повести для детей Владимира Кочеткова «Звёзды над Буэнос-Айресом».

В рубрике «Ветер странствий» Гала Узрютова делится впечатлениями о вдохновляющей поездке в Словению. В частности, она пишет: «Язык поэзии всегда всё проясняет, возвращает нас к изначальному и очевидному, к самой сути...». Публикуем стихи, написанные Галой Узрютовой в Словении, и фотографии, красочно дополняющие рассказы.

В путевых заметках Ольга Шейпак рассказывает о городе Йошкар-Оле. На цветной вкладке фотографии, иллюстрирующие череду ярких впечатлений.

В рубрике «Гость» публикуем подборку стихов замечательного современного поэта Марии Ватутиной (Москва). Она побывала в нашем городе в минувшем сентябре и выступила перед ульяновскими любителями поэзии.

Предлагаем нашим читателям поразмыслить над сказкой Сергея Гогина «Про 10», найти ответ на вопрос, который автор задает в конце истории.

В рубрике «Двое» читайте (советую!) публикацию Людмилы Свирской (Чехия) «Любовь=невидимка». Поэзопроза? Короткий и трагичный роман в письмах и стихах? История любви. «До полной гибели всерьёз».

На страницах журнала Ольга Даранова рассказывает о вечере, посвященном памяти поэтессы Людмилы Бурлаковой (1953 – 1994). Публикуем подборку стихов «Всю Вселенную видно с креста».

Завершает номер «Юбилейный календарь», подготовленный Николаем Маряниным.

«Человеку немного надо, // Слово доброе вместо награды, // Верность щедрой родной земле // Да горячий хлеб на столе...» (Людмила Бурлакова).

Слово доброе – то, на которое может опереться душа.

Елена КУВШИННИКОВА

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

В журнале «Симбирскъ» №12 – 2017 была опубликована статья Владимира Нехотина «Свидетель страшных лет» о судьбе нашего земляка, писателя, драматурга Николая Шестакова (1894 – 1974). Недавно в Ульяновске побывали гости из Москвы – внучки драматурга Н.Я. Шестакова Мария и Елена. Во Дворце книги состоялась творческая встреча с московскими гостями. Они поделились воспоминаниями о своем знаменитом деде.

Анна ГРИГОРЬЕВА

«МЫ ЖИЛИ С ПОТРЯСАЮЩИМ, НЕОРДИНАРНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ»

«Два внука и сахарная наука», «О машинах на резиновых шинах», «Строк двести про книжкины болести», «Вся стая, кроме трамвая», «Про удалого Кольку Соколова». Читали эти книжки? Или, может, слышали? А между тем написал их наш земляк, человек, немало сделавший для советской литературы.

Его зовут Николай Яковлевич Шестаков. Грустно, что большинство из нас не вспоминает, да и не знает о его жизни и творчестве. А вспомнить есть что.

С него началась драматургия для детей

Вот суховатые строки его биографии. Николай Яковлевич родился в 1894 году в селе Барышская Слобода Алатырского уезда (ныне Сурский район Ульяновской области) в многодетной семье. Окончил Симбирскую гимназию, а в 1918 году – историко-филологический факультет Казанского университета. С осени 1918 года жил и работал в занятом Колчаком Омске, был корректором, автором и редактором белогвардейской «Нашей газеты». После установления советской власти в Сибири работал в сфере внешкольного образования в Новониколаевске (ныне Новосибирск). В 1921 году переехал в Москву.

Начал литературную деятельность в 1915-м. Шестаков считается основоположником драматургии для детей. В 1928 году Московский Центральный детский театр поставил его первую пьесу «Алтайские Робинзоны». Ежегодно по две-три премьеры по произведениям Николая Яковлевича шли на сценах московских театров. «На заре туманной юности», написанная в 1942-м, одна из первых детских пьес, посвященных Великой Отечественной войне. В 1930 году спектаклем «Аул Гидже» по пьесе Шестакова был открыт Куйбышевский ТЮЗ. В 1931 году Тульский ТЮЗ, а в 1933 году Астраханский ТЮЗ открываются спектаклем по его пьесе «Путь далекий». Написал более 40 пьес, книги и стихи для детей.

Мария Николаевна Шестакова

В 1939 году всесоюзную славу принесла Шестакову патриотическая пьеса «Финист-Ясный Сокол», созданная на основе русской народной сказки. В 1975 году по этой сказке Александр Роу снял одноименный фильм.

Умер Николай Шестаков в 1974 году. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Знал латынь и греческий

Наконец имя Николая Яковлевича возвращается на родную землю. Центральной библиотеке Сурского района в следующем году будет присвоено имя Шестакова. Недавно там провели фестиваль, посвященный драматургу. На нем побывали его внучки, сестры – переводчица Мария Шестакова и редактор книжного издательства Елена Самойло.

Они и рассказали много интереснейших подробностей о своем дедушке.

Елена: Для нас он был в первую очередь дедушкой. Мы прожили с дедом со своего рождения и до его смерти. Были подростками, когда он ушел из жизни, но успели оценить всю прелесть жизни с таким потрясающим, неординарным, талантливым человеком.

Елена Николаевна Самойло

Он был невероятно эрудированным, так как получил высшее классическое образование. В доме была огромная библиотека. И как многие интеллектуалы того времени знал латынь, греческий и несколько европейских языков, не говорил на них – говорить особо было не с кем, но читал, и книг на этих языках в библиотеке находилось немало. Там же были книги, подаренные его коллегами по цеху.

Мария: У деда была блестящая память, безумное желание знать как можно больше, энциклопедические знания. Он отказался от дачи в Переделкино, от машины и привилегий. Но летом мы снимали дачу, где и жили с дедом. У него были многочисленные справочники по цветам, растениям, бог знает чему. Он и нас, внучек, натаскивал. Имел такую тягу к знаниям, что он мог бы быть универсальным ученым. Но обожал театр и от этого чуть не пострадал. Его отчислили из гимназии из-за увлечения театром. Но он блестяще сдал экзамены экстерном и поступил в Казанский университет.

Булгаков и «Зеленая лампа»

Елена: Прекрасно помним, что дедушкин дом отличался невероятным гостеприимством. К нему постоянно приходили его друзья. Для нас это были просто веселые, интересные, остроумные люди. Если бы мы знали, что они классики советской литературы, то, наверное, не просто присутствовали при их общении, но и больше прислушивались. Например, приходил Арсений Тарковский, всегда с новыми стихами, Самуил Маршак, поэт и прозаик Михаил Зенкевич. Писатель Всеволод Иванов оставил в своих воспоминаниях рассказ о том, как приходил в гости к Шестакову и как его вкусно кормили. Наша бабушка Надежда Владимировна Глен-Шестакова (урожденная фон Глен), дворянка с великолепным образованием, пекла вкуснейшие пироги. Не помню, рассказывал ли дед, что у него бывал Михаил Булгаков, но точно знаю, что они встречались, дружили. На книге «Роковые яйца» Булгаков оставил дарственную надпись деду – «С любовью и уважением, дорогому Николаю Яковлевичу». И та-

ких дарственных надписей дедушкиных друзей у нас немало.

Мария: Дед входил в столичное литературное объединение «Зеленая лампа», о котором, кстати, известно очень мало. Однажды мне попал в руки любопытный документ – агента ГПУ, который был внедрен в «Зеленую лампу», присутствовал на заседаниях и писал подробные отчеты. Когда Булгаков читал «Собачье сердце», этот агент написал отчет, в котором страшно исказил смысл произведения, назвал его антисоветским и перечислил, кто присутствовал на заседании. В том числе назвал Шестакова. Но в отношении его никаких репрессий не последовало. Дело в том, что дед никогда никому не рассказывал о колчаковском прошлом. Даже наша мама не знала. Он молчал всю жизнь, это было смертельно опасно. Как уцелел? А может потому и уцелел...

Елена: Но в 1938 году дед все-таки получил повестку – явиться в ГПУ. Все писатели, получившие такие бумаги, дрожа, туда отправлялись. И вся наша семья заволновалась, кроме деда. Он просто выбросил эту повестку в мусор и никуда не пошел. Неизвестно, что произошло, но о нем больше не вспомнили.

Мария: Дед отказался уехать в 1941-м из Москвы в эвакуацию, не хотел покидать свою библиотеку, свое уютное гнездо. Хотя уютным его дом особо не назовешь. Отдельная квартирка на втором этаже в коммунальном двухэтажном доме. Домик был настолько ветхим, что в конце концов нам поставили много-много деревянных опор, чтобы они держали трещавший потолок.

Подруга – вдова Колчака

Елена: Со времен Омска у семьи остались удивительные знакомства. Самой лучшей подругой бабушки была Анна Васильевна Тимирёва, гражданская жена Колчака (это ее сыграла Елизавета Боярская в фильме «Адмирал» – прим. авт.). И она к нам приходила очень часто, жила недалеко, на Плющихе, в подвальчике. Мы тоже у нее бывали. Я так понимаю, что у Анны Васильевны, кроме бабушки, и подруг-то не было, она же просидела много лет в лагерях. Обе эту дружбу очень ценили. Потому что это была их молодость, их воспоминания, которыми они с нами не делились, поскольку в те годы было опасно. В 1960-м Тимирёвой разрешили вернуться в Москву, она получала крохотную пенсию. Но в ней был истинный аристократизм. Когда Сергей Бондарчук начал снимать «Войну и мир», он искал консультанта по этикету. Никто не знал, как в светском обществе надо держаться, общаться, носить платье, держать вилку и так далее. Он пригласил Анну Васильевну за хорошую зарплату стать консультантом. И она работала два с половиной года, даже снялась в крохотной роли в сцене бала.

Мария: Мы думали, что знали о нем все. Он говорил, что гордился тем, что никогда не примыкал ни к красным, ни к белым. И вдруг год назад раздался звонок от ульяновского краеведа Сергея Петрова. И для нас начал раскручиваться сюжет о колчаковском прошлом. Благодаря Сергею Борисовичу мы впервые побывали на родине деда, увидели эти фантастически красивые края, поднимались на Николину гору. Совершенно неудивительно, что такие края рожают писателей и поэтов, дарят творческое вдохновение.

Сергей Борисович Петров вручает московским гостям книги на память

Произведения деда до сих пор востребованы. В Волгоградском, Омском ТЮЗах идет «Финист-Ясный Сокол». На либретто Шестакова классиком советской музыки Тихоном Хренниковым была написана опера-сказка «Мальчик-великан», поставила ее Наталья Сац. И этой сказкой открывался первый в мире Московский оперный театр для детей. До сих пор мы, как единственные наследники, получаем просьбы об использовании наследия деда. Недавно попросили согласия исполнить в новом фильме его песню, которая много лет была гимном пионерского лагеря «Артек». Фильм покажут на Первом канале.

...Что еще добавить? До войны вышла 21 книга Шестакова тиражом от 8 до 75 тысяч экземпляров. Их трудно найти. А последнее издание «Пьесы для детей» датируется 1979-м годом. На будущий год исполнится 125 лет со дня рождения Николая Яковлевича. Почему бы не провести в Ульяновске фестиваль ТЮЗов, посвященный драматургу? Ведь многие детские театры, родившиеся в 30-е годы, всегда говорят, что открылись пьесами Николая Шестакова. Ульяновские театры его пьесы не ставят. Мы их не знаем. Пора вернуть наше наследие, не так ли?

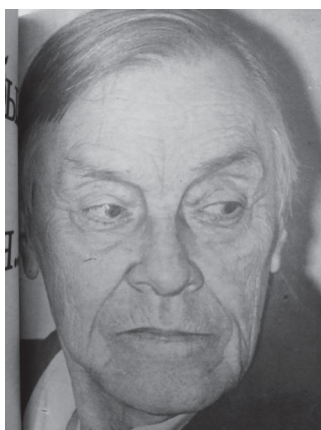
Фото Павла ШАЛАГИНА

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Ольга ДАРАНОВА, учёный секретарь Ульяновской областной библиотеки им. Ленина – Дворца книги. Автор проекта «Голоса из хора. Русская поэзия XX века»

«ЕГО ПРИСУТСТВИЕ НА ЗЕМЛЕ ВСЕЛЯЛО НАДЕЖДУ...».

Арсений ТАРКОВСКИЙ (1907 – 1989)

*И страшно умереть, и жаль оставить
Всю шуштуру пленительную эту...*

Его день рождения – 25 июня. Он очень любил этот день. Поэт Григорий Корин вспоминает, что накануне дня рождения Арсений Александрович надолго укладывался в постель, ставил перед собой лёгкую деревянную доску, кнопками прикреплял к ней чистый лист бумаги и не вставал до тех пор, пока на листе не появлялось новое стихотворение. Это был подарок самому себе. И его настроение в праздничный день зависело от того, удалось ли стихотворение. Вот фрагмент одного из стихотворений, посвящённых дню рождения. Называется оно «25 июня 1939 года».

*И страшно умереть, и жаль оставить
Всю шуштуру пленительную эту,
Всю чепуху, столь милую поэту,
Которую не удалось прославить.*

*Я так любил домой прийти к рассвету
И в полчаса все вещи переставить,
Ещё любил я белый подоконник,
Цветок, и воду, и стакан гранёный,*

*И небосвод голубизны зелёной,
И то, что я – поэт и беззаконник.
А если был июнь и день рождения,
Боготворил я праздник суетливый,*

*Стихи друзей и женщин поздравленья,
Хрустальный смех*

и звон стекла счастливый,

*И завиток волос неповторимый,
И этот поцелуй неотвратимый.*

Родился поэт в 1907 году в городе Елисаветграде, уездном городе Херсонской губернии в семье революционера, бывшего члена партии «Народная воля», окончил семилетку и вскоре покинул родной дом. Несколько лет скитался по Украине, Крыму, России, перепробовал разные профессии, а к середине 20-х годов обосновался в Москве. Как пишет в своих воспоминаниях его дочь, Марина Тарковская, «...его приезд чем-то напоминал приезд Лариосика к родным в пьесе Булгакова «Дни Турбиных». Был Асик юн, беден и голоден. Багаж его состоял из стопки книг, подушки и стёганого ватного одеяла». А далее поэт сам напишет в своей автобиографии: «...учился в двух-трёх литературных вузах, но не окончил ни один из них: не сдал выпускных экзаменов из-за болезни лёгких». В Москве Тарковский знакомится с Марусей Вишняковой, слушательницей литературных курсов, женится на ней, они живут в Гороховском переулке в доме №21. Близкие друзья поэта – Мария Петровых и Юлия Нейман, позже Владимир Любин, Семён Липкин и Аркадий Штейнберг.

В 20-е годы пишет стихотворные фельетоны для газеты «Гудок», много пишет для радио и театра. В 1932 году поэт впервые взялся за стихотворный перевод, и, как сам написал в автобиографии, «всего я перевёл более восьмидесяти тысяч строк стихов».

Тарковские часто меняли адреса, жили в Немецкой слободе, потом в Замоскворечье. Большие дворы 1-го Щиповского переулка были раздольем для мальчишек из коммунальных квартир. В них собирались дворовые компании, играли в разные игры, в зависимости от возраста – в прятки, салочки, казаки-разбойники, в ножички, в пристеночек, расшибалку, жосточку. В военные и послевоенные годы по рукам ходило много настоящего оружия – немецкие кинжалы, финки. Народ, живший в Щиповском переулке, был весьма разношёрстным, интеллигентные и полуинтеллигентные люди, выходцы из деревень, разночинцы.

*Порой по улице бредёшь –
Нахлынет вдруг невесть откуда
И по спине пройдет, как дрожь,
Бессмысленная жажда чуда.*

*Твой город, и твоя земля,
И невзлетевшая комета,
И даже парус корабля,
Сто лет как сгнувшийся со света.
Затем и на земле живем,
Работаем и узнаем
Друг друга по её приметам,
Что ей придется стать стихом,
Когда и ты рожден поэтом.*

Везде, где жил, Тарковский создавал домашний уют, любил книги на полках, музыку, у него была большая коллекция грампластинок. Он умел самую убогую обстановку квартиры преобразить, озарить волшебным светом. «Он создавал уют минимальными средствами: полки с книгами, украинский рушник на стене». Но жить приходилось в разных квартирах и Домах творчества. Такую жизнь он называл «жизнь на бивуаке».

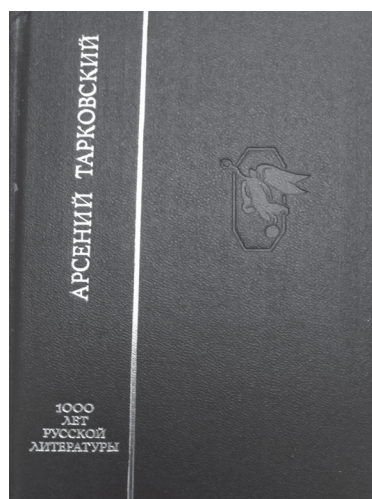
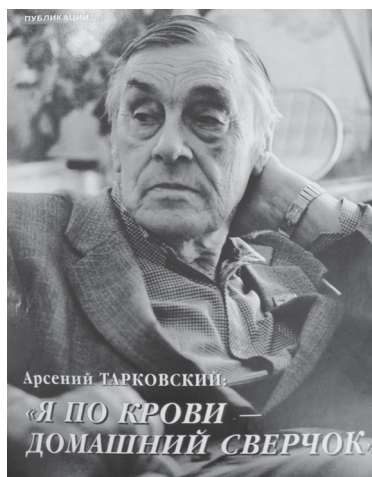
Одно из памятных детских потрясений – вечер знаменитых российских поэтов Игоря Северянина и Фёдора Соллогуба. Поэзия Соллогуба врезалась в память с детства. Соллогуб первым дал суровую оценку его стихам: «Это очень плохие стихи, молодой человек, но вы не теряйте надежды, пишите, быть может, у вас что-нибудь и получится». Эти слова запомнились будущему поэту на всю жизнь.

В начале войны Тарковский одиннадцать раз писал заявление с просьбой взять его в армию и каждый раз получал отказ. Потом всё же добровольцем его мобилизовали. В армии Арсений работал в должности писателя армейской газеты «Боевая тревога».

Земное и небесное

Как известно первая книга Арсения Тарковского «Перед снегом» вышла в 1962-м году, когда поэту было 56 лет. В 1966 году вышла вторая книга «Земле – земное». Тогда же в «Литературной газете» появилась рецензия Владимира Солоухина, в которой он назвал Тарковского «хранителем огня». Он говорил, что была древнейшая старину, в доисторический период такая почётная и ответственная должность. Люди, исполняющие её, назывались, вероятно, хранителями огня. Важно было во время битвы ли, на долгом ли переходе с одного края земли на другой сберечь золотую искорку, чтобы потом в мирное время и в безопасном месте опять запылало пламя. Арсений Тарковский – такой хранитель огня.

Поэт Светлана Кекова писала: «Понимание поэзии есть понимание языка поэзии. А поэтический

язык у каждого поэта индивидуален. Именно в поэтическом языке явлено нам мироощущение поэта. Постичь это мироощущение и означает постичь поэзию...».

Анализируя поэтику Тарковского, основными доминантами его мироощущения Светлана Кекова считает категории земного и «небесного», не случайно один из сборников поэта назван «Земле – земное». Образ «земли», по мнению Светланы Кековой, выступает одним из центральных мотивов поэзии Тарковского. С ним связаны и конкретные представления о Родине, и представление о жизни в целом, и та материя, из которой человек слеплен, и флора (цветы, деревья, трава, корни деревьев, стволы деревьев), и такие категории, как «камень», «хлеб земной», «вода». Категория «небесное» непосредственным образом связана с категорией «земное». Как пишет Светлана Кекова, «...если с «земным» началом мира у Тарковского связаны представления о надёжности, прочности, устойчивости (даже если они окажутся для человека тяжестью и мукой: «...что тяжёк я всей тяжестью земною, // как якорь, волочащийся по дну»), то «небесность» у поэта – это полюс бытия, притягивающий к себе изначально своей незамутнённой духовностью, одающей человека другим (по сравнению с земным измерением) аспектом существования. Не случайно в небесный ряд в противовес земному («тяжесть») втягивается представление о лёгкости: «И пожелал я лёгкости небесной...».

Категории «небесного» – это гостя-звезда, облака, стрекоза, бабочка, мотыльки, птицы и не только чисто физические характеристики. Внутренняя личность человека тоже осмысливается через отношение к «небесному» («...и пожелал я лёгкости земной», «в горло вобрать бы лучистое небо»).

Светлана Кекова удивительно точно отметила и ещё один сквозной мотив поэзии Арсения Тарковского – частота употребления слова «рукав» в стихах: «И мы уже не дети, // и разве я не прав, // когда всего на свете // светлее твой рукав»; «звёзды падали мне на рукав»; «я из шапки вытряхнул светила // выпустил я птиц из рукава» и т.д. Светлана Кекова отмечает не только фольклорные истоки употребления образа, но и иные причины. «Рукав» в поэтической системе поэта – аналог крыла. Крыло же, в свою очередь, как атрибут птицы, стрекозы, бабочки выступает в качестве знака категории «небесное».

Мир, преображённый любовью

*Свиданий наших каждое мгновенье
Мы праздновали, как богоявленье,
Одни на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла,
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбежала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.*

Одним из шедевров лирики Арсения Тарковского является стихотворение «Первые свидания» (1962). Мир, преображённый любовью, мир земной и небесный слит в стихотворении воедино. «Ар-

сений Тарковский пишет о любви, и высота этого чувства дерзновенна <...> В этом пространстве изменяются даже привычные вещи: таз, кувшин, вода. Но что является для поэта самым главным – преображается речь». Светлана Кекова прослеживает тончайшую связь земного мира двух любящих людей и мира небесного. Любовь воспринимается как богоявление, как сошествие неба на землю. Открытые алтарные врата – это символ единства Бога и человека. Человек – царь и священник, когда он любит и когда любим. И тем, перед чьими глазами уже «развернулось небо», никакая сумасшедшая судьба не страшна.

*Когда настала ночь, была мне милость
Дарована, алтарные врата
Отворены, и в темноте светилась
И медленно клонилась нагота,
И, просыпаясь: «Будь благословенна!» –
Я говорил и знал, что дерзновенно
Моё благословенье: ты спала,
И тронуть веки синевой вселенной
К тебе сирень тянулась со стола,
И синевой тронутые веки
Спокойны были, и рука тепла.*

*А в хрустале пульсировали реки,
Дымились горы, брезжили моря,
И ты держала сферу на ладони
Хрустальную, и ты спала на троне,
И – боже правый! – ты была моя.
Ты пробудилась и преобразила
Вседневный человеческий словарь,
И речь по горло полнозвучной силой
Наполнилась, и слово ты раскрыло
Свой новый смысл и означало царь.*

*На свете всё преобразилось, даже
Простые вещи – таз, кувшин, – когда
Стояла между нами, как на страже,
Слоистая и твёрдая вода.
Нас повело неведомо куда.
Пред нами расступались, как миражи,
Построенные чудом города,
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы подымались по реке,
И небо развернулось пред глазами...
Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.*

**И тень моя пройдёт перед тобою
В девятый день и в день сороковой**

Из воспоминаний об Арсении Тарковском людей, близко знавших его.

Евгения Таратута: «Звёзды, трава и птицы – то, что чаще всего я встречала в его стихах: «Мимо всей вселенной / Я пойду, смиренный.../ За благословенной / Утренней звездой». На многих страницах я находила звёздное кредо поэта: «За то, что в родимую душную землю сойду, / В траву перельюсь / За то, что мой путь – от земли до высокой звезды, / Спасибо скажу...».

Марина Тарковская, дочь поэта: Папа был стройным, подвижным юношей с большими чуть раскосыми глазами на бледном лице. Слушательницы

курсов находили в нём что-то декадентское. Позже многие его принимали за восточного человека <...>. Мы были совсем маленькими детьми, когда остались без его тепла, привычных запахов табака и кожаного длинного пальто. После войны нам с Андреем было мучительно видеть его инвалидом, но папа всегда был элегантен, хорошо подстрижен, от него пахло хорошим одеколоном и трубочным табаком».

Николай Панченко: «Он был общителен и красив, был прекрасный рассказчик, с ним никогда не было скучно. Стоило ему оказаться в компании, как все смолкали и внимательно слушали его. Я ни разу в жизни не заметил равнодушных взглядов женщин. Он был джентльменом и при всей страстности натуры никогда не допускал рассказов о своих увлечениях. Он любил в себе и свои чувства выливал в поэтические строки».

Марина Тарковская: «...Так получилось, что большую часть жизни папа провёл в «казённых домах», лишь ненадолго возвращаясь в любимую домашнюю обстановку. Последние годы отец жил в Доме ветеранов кино. Теперь он был навсегда разлучен со своими книгами, пластинками и любимыми вещами».

*Если правду сказать,
я по крови – домашний сверчок,
Заповедную песню пою над печною золой,
и один для меня приготовит
крутой кипяток,
а другой для меня приготовит
шесток золотой...*

Феликс Медведев пишет о дружбе Тарковского и Марины Цветаевой. Во время одной из встреч Тарковский прочитал Цветаевой только что сочинённое им стихотворение:

*Стол накрыт на шестерых –
Розы да хрусталь...
А среди гостей моих –
Горе да печаль.
И со мною мой отец,
И со мною брат.
Час проходит. Наконец
У дверей стучат.
Как двенадцать лет назад,
Холодна рука,
И немодные шумят
Синие шелка.
И вино поет из тьмы,
И звенит стекло:
«Как тебя любили мы,
Сколько лет прошло».
Улыбнется мне отец,
Брат нальет вина,
Даст мне руку без колец,
Скажет мне она:
«Каблучки мои в пыли,
Выцвела коса,
И звучат из-под земли
Наши голоса».*

Уже в пятидесятых годах от писательницы М. Белкиной он узнал о том, что существует как бы

ответное стихотворение поэтессы:

*Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
– «Я стол накрыл на шестерых...».
Ты одного забыл – седьмого.*

Как оказалось, это стихотворение – подлинный шедевр цветаевской лирики, одно из самых последних её творений, помеченное 6 марта 1941 г.

Сердечная, искренняя дружба связывала Тарковского с Анной Ахматовой. Её смерть поразила поэта, он не находил себе места, сопровождал её тело в Ленинград, присутствовал при отпевании у Николая Морского, хоронил в Комарове. Тогда же появились стихи:

*Когда у Николая Морского
Лежала в цветах нищета,
Смирненное чуждое слово
Светилось темно и сурово
На воске державного рта.
Но смысл его был непонятен,
А если понять – не сберечь,
И был он, как небыль, невнятен
И разве что – в трепете пятен
Вокруг оплывающих свеч.
И тень бездомной гордыни
По чёрному Невскому льду,
По снежной Балтийской пустыне
И по Адриатике синей
Летела у всех на виду.*

Вновь звучит здесь ахматовская рифма «сурово – слово», для воплощения образа поэтессы автор пользуется её самохарактеристиками: «лежала в цветах нищета», «бездомная гордыня». Всю жизнь Ахматова считала себя нищей, подчёркивала свою нищету, бездомность и гордость.

Феликс Медведев: «Заговорили о любимых Тарковским поэтах. Первый из первых тот, что всегда был с ним, – Пушкин.

– А всё началось со сказок. Мне было семь лет. В подарок я получил большой серо-голубой однотомник. Спрятался с ним в чулане, чтобы никто не мешал, и меня искали по всему дому до глубокой ночи. В моей детской библиотечке все книги стояли по алфавиту и были пронумерованы. Но Пушкин? Пушкина я поставил особняком, нацарапав на нём: «Номер один». Я не мог поместить его в толпу других книг. Так первым он и прошёл через всю мою жизнь. Он и сейчас для меня жив. Это самый близкий мне, моему сердцу друг, живой, только отъединённый от меня пространством и временем. Я всегда веду с ним беседу, вопрошаю, ищу ответа и совета. Я не могу думать о его судьбе, о дуэли. Только о стихах. Наипрекраснейших в нашем подлунном мире».

Из времени во время

Одна из последних книг Арсения Тарковского – «Зимний день». Белоснежная обложка и на ней чёрными буквами написано название. Зима у Тарковского – метафора старости, времени подведения жизненных итогов, причём временной отсчёт ведётся не с детства и юности поэта, а с исторического опыта, отложившегося в его личности, и веки

собственной биографии поэта осознаются в свете истории и мифологии:

**Я гляжу из-под ладони
На тебя, судьба моя,
Не готовый к обороне,
Будто в книге бытия.**

Путешествуя из минувшего в настоящее и наоборот, поэт общается и с историей, и с мифами. Движение времени, его текучесть являются доминантой авторских раздумий: «через годы и века», «из времени во время». Нам открывается мир, полный чудес: время можно носить в кувшинах, ведрах и банках из-под компота, время «ходит и плачет на шарнирах и в дырах», «осины застыли вверх ногами и зарылись в землю головой», «столько было сирени в июне, что сияние мира синело», у него «ласточки говорят по-варварски, а бабочки хохочут как безумные». Плачут и птица, и погорелец, мать над пустой люлькой и камень под пятой.

И поэт готов «благословить земное чудо», а потом «вернуться в родной погост» и даже «на склоне горчайшей жизни», когда «меркнет зрение» и «глохнет слух», вопреки всем потерям, верит в праздничные щедроты счастливых бурь», надеется сохранить в душе,

**Что напела мне птица,
Белый день наболтав, наморгала звезда,
Намигала вода, накислолила кислица...**

События далёкого и близкого прошлого, тени великих предшественников – от Феофана Грека до Пушкина, библейских предков – от Адама до апостолов, друзей и родных, проходят через всю книгу. А кульминация её – размышления (в основном ночные) о старости и смерти, о совести и счастье, о творчестве и славе.

**Я – свеча, я сгорел на пиру.
Соберите мой воск поутру,
И подскажет вам эта страница,
Как вам плакать и чем вам гордиться.**

**Как веселья последнюю треть
Раздарить и легко умереть
И под сенью случайного крова
Загореться посмертно, как слово.**

Круговая порука ремесла

Цветаева писала в открытом письме Ал. Толстому: «Есть над литературными дружбами, частными письмами, литературными тщеславиями

круговая порука ремесла, круговая порука человечности». Тарковский знал, что такое круговая порука ремесла. Ему всегда был важен сам предмет. Ему было интересно, что пишут другие. Он радовался, когда встречался с талантом, воспринимал это как праздник.

Вот как вспоминает о своём учителе поэтесса Лариса Миллер: «Тарковский оставался для нас заповедником, где мы находили то, что исчезало на глазах: корневую, Нерушимую связь с Русской и Мировой Культурой, благоговейное отношение к Слову, Музыке, Жизни. Арсений Александрович не любил пафоса, и мы никогда не говорили ему высоких слов, хотя каждый из нас понимал, что такое Тарковский. Его присутствие на земле вселяло надежду. И он сам всегда призывал надеяться, не опускать рук, хотя вовсе не был оптимистом. Вот как он подписывал свои сборники: «...с надеждой добра и пожеланием счастья, в ожидании новых стихов и книги, с заветом писать во что бы то ни стало, с неистребимой верой в физическое бессмертие произведений подлинного искусства, в неодолимую силу их духовности, в том, что грядущему они – хлеб насущный...».

**Хорош ли праздник мой,
малиновый иль серый,
Но всё мне кажется, что розы на окне,
И не признательность,
а чувство полной меры
Бывает в этот день всегда присуще мне.
А если я не прав, тогда скажи – на что же
Мне тишина травы, и дружба роц моих,
И стрелы птичьих крыл,
и плеск ручьёв, похожий
На объяснение в любви глухонемых?**

...Небо на востоке постепенно светлело, померкли звёзды. Начинался новый день. Его ждал письменный стол с подстрочниками восточных переводов. Ждал труд, который он называл своим «постылым подвигом». Он старался оттянуть момент, когда надо было приниматься за работу, заваривал чай по своему специальному рецепту (смесь нескольких сортов с обязательным добавлением чёрного «кирпичного» чая), набивал трубку «Золотым руном». Открывал в сад дверь собаке, выходил на крыльцо, чтобы вдохнуть утренний воздух, пахнущий яблоками и мятой. В окне чердака темнел телескоп, направленный в утреннее небо.

Использованы источники:

Арсений Тарковский: «Я по крови – домашний сверчок» / монологи об Арсении Тарковском записала Ирина Зайчик // Огонёк. – 1998. – №9. – с. 37-40.

Бельская Л.Л. «Твои ледяные А». О цикле А. Тарковского «Памяти АА. Ахматовой» // Русская речь. – 2003. – №2. – с. 27-33.

Медведев Ф. «Судьба моя сгорела между строк». Де-

сять вечеров у Арсения Тарковского // Огонёк. – 1987. – 3 января. – с. 18-21.

Миллер Л. А если был июнь и день рожденья... // Смена. – 1991. – №4. – с. 96-109.

Таратута Е. Гори, гори, моя звезда... // Юность. – 1991. – №7. – с. 82-83.

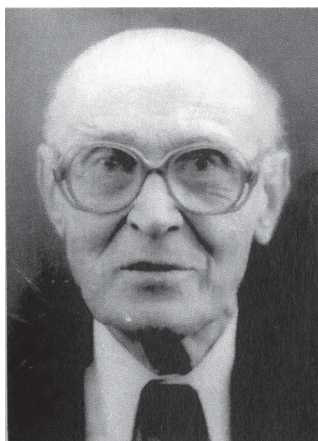
Тарковская М. «Теперь у нас новый адрес...». Московские адреса Тарковских. – М., 2014.

РЕКА

ВОСПОМИНАНИЙ

СВИДЕТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Герой этой публикации – Иван Павлович Иноземцев (1913 – 2006) – уникальный человек, живший в уникальной стране в уникальное время.

Он родился 13 октября 1913 года в Бугульме, тогда административном центре Бугульминского уезда Самарской губернии.

В начале 1916 года семья Иноземцевых переехала в Симбирск и обосновалась в заволжской слободе Канава. Ещё через два года, в 1918 году, Иноземцевы переехали в Мелекесс, где отец Ивана получил должность начальника телеграфа железнодорожной станции Мелекесс. В Мелекессе же семья Иноземцевых пережила Гражданскую войну и голодные годы. Осенью 1921 года Иван пошёл в школу, а в 1923 году вступил в пионерский отряд при Железнодорожном клубе.

В 1926 году семья Иноземцевых переехала в Ульяновск, где приобрела большой дом на Никольском спуске. Тогда же Ваня поступил в 3-ю советскую школу, которую успешно окончил в 1931 году. В 1931 – 1933 годах учился в Ульяновском химико-технологическом техникуме бродильной промышленности по винокурению и виноделию. Техникум не окончил по независящим от него причинам – учебное заведение было переведено в г. Грязи в Липецкой области.

В декабре 1933 года Ваня, до этого продолжительное время помогавший отцу в его часовой мастерской, устроился на должность часового мастера в артель «Велочас». В июне 1934 года он уволился из мастерской и уехал в Ленинград, где поступил на последний курс вечернего рабфака при Ленинградском институте точной механики и оптики (ЛИТМО).

Осенью 1934 года поступил в 1-й Ленинградский медицинский институт. В декабре 1938 года перешёл на военно-морской медицинский факультет института, что во многом определило его судьбу сначала как морского офицера, а затем – на долгие годы – как замечательного врача.

В апреле 1940 года выпускник института Иван Иноземцев получил назначение в 8-й истребительный авиационный полк ВВС ВМФ, базировавшийся в Евпатории, а уже в январе 1941 года был переведён старшим врачом в 12-ю

авиабазу гидроавиации в Севастополе. Там его и застала война.

С октября 1941 года по июль 1942 года принимал участие в героической обороне Севастополя. 4 июля 1942 года, будучи тяжело раненым, попал в плен. Более полутора лет находился в Славутском концентрационном лагере.

В январе 1944 года бежал из плена и попал в эвакогоспиталь ЭГ-133 60-й армии 1-го Украинского фронта. В 1944 – 1945 годах находился в провенточно-фильтрационном лагере №283 НКВД СССР. После освобождения, с января 1946 года по декабрь 1947 года продолжил службу в ВМФ СССР.

В январе 1948 года Иван Павлович был зачислен на должность врача-рентгенолога в Ульяновскую областную больницу. В апреле 1966 года ему

первому в Ульяновской области была присвоена квалификация рентгенолога высшей категории.

В июне 1989 года Иван Павлович Иноземцев, имея почти 50 лет врачебного стажа, вышел на пенсию.

Скончался 16 февраля 2006 года в Ульяновске. Похоронен на Ишеевском городском кладбище.

И.П. Иноземцев многие годы вёл дневник, куда записывал факты своей жизни и события, которые запомнились. Это не художественная проза, а очень личные записки о пережитом и забытом. Нам ценно, что большая часть воспоминаний связана с Мелекесом и Ульяновском. Предлагаем читателям отрывки из подготовленной к печати книги «Иван Иноземцев: «Я любил жизнь». Воспоминания. Стихи. Публикации».

Иван ИНОЗЕМЦЕВ

КАК МЫ ЖИЛИ РАНЬШЕ¹

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКОВ

Как забавлялся помещик Карпов

Мне рассказывал тесть², который работал садовником у помещика Карпова. Тот был обижен, что его отцу³, богатому помещику из села Максимовка Симбирской губернии⁴ не дали почётного звания дворянина. Вот он и мстил дворянам за это⁵.

Однажды помещик Карпов⁶ узнал, что дворяне собираются праздновать по какому-то случаю и заказали в ресторане «Россия»⁷ в Симбирске хороший обед. Обед был готов, и Карпов спросил, сколько стоит обед для дворян. Хозяйка ресторана назвала сумму, и Карпов предложил сумму в два раза больше, только чтобы обед был вылит в овраг. Кузнецова согласилась и вылила обед в овраг, а дворяне остались без обеда. Помещик злорадствовал.

В другой раз осенью была непогода, лил проливной дождь, а дворяне собрались в театре на какое-то торжество. Извозчики их ждали, а помещик Карпов опять потешался: дал извозчикам двойную цену и отправил их на Северный выгон⁸. Дворянам в ботиночках и туфельках пришлось шлёпать под дождём по грязи.

Потом помещик Карпов решил отпороть всех жандармов⁹ в Симбирске. Он говорил своему куче-

ру: «*Степан, отпори вон того мордастого плёткой по морде*». Степан подъезжал к жандарму и хлестал его плёткой по лицу. Жандарм свистел и вынимал револьвер. А Карпов совал жандарму купюру в 25 рублей и говорил: «*Ты извини, пожалуйста, он у меня дурак*».

Мешочники

В 1917 году закончились революции, и армию стали частично распускать. Тогда в стране начинался голод. Солдаты с оружием с Украины ехали на расформирование домой и везли с собой мешки с мукой, их называли мешочники. Поезда с мешочниками останавливали и требовали сдать муку.

Остановили поезд на Верхней Часовне¹⁰, и комиссар дороги Степанов выступил с речью. Мешочники открыли стрельбу, избили комиссара и потребовали отправить поезд. Но начальник вокзала и машинист поезда спрятались, а на бугре у вокзала поставили пулемёты и дали предупредительные выстрелы. Тогда солдаты стали сдавать муку, при этом кричали, что у них дома тоже голодают семьи.

Шаровая молния

В июне 1917 года на Верхней Часовне, около Симбирска, была построена железнодорожная станция¹¹. Она представляла собой большой деревянный дом с сорокаметровым крыльцом вдоль полотна железной дороги.

Я с ребятами бегал тогда на станцию смотреть паровозы и был на освящении станции. Мой отец¹² на этой станции был механиком телеграфа и в отгороженной комнатке установил немецкий телеграфный аппарат системы Морзе¹³.

Вскоре произошёл удивительный случай. Во время грозы в открытое окно телеграфной комнатки влетела шаровая молния. Она представляла собой огненный шар величиной почти с тарелку. Шар коснулся работающего телеграфного аппарата и разорвался с оглушительной силой. Во все стороны

Гостиница (и ресторан) «Россия». Совр. адрес. г. Ульяновск, ул. Карла Маркса, 19

полетели искры. Телеграфный аппарат разлетелся на части, все провода сгорели. Телеграфиста оглушило, обожгло и швырнуло головой о стену. С сотрясением головного мозга его увезли в Симбирскую больницу¹⁴. На следующий день на станцию приехал из Симбирска инженер связи железной дороги. Осмотрел опалённую молнией телеграфную комнатку и осведомился: «*Была ли освящена станция?*». Сказал, что это дело нечистой силы, и уехал.

Необыкновенный сон

В 1918 году в Мелекесе¹⁵, как и везде, железнодорожники праздновали 1 Мая¹⁶, расположившись на лужайке в берёзовой роще. Взрослые пили трёхсосенское пиво¹⁷, а дети – берёзовый сок.

В 12 часов дня к железнодорожной станции тихо подошёл эшелон, и выгрузились войска. Два взвода прошли мимо отдыхающих железнодорожников с примкнутыми к винтовкам штыками и запели «Смело, товарищи, в ногу»¹⁸. А третий взвод залёг вокруг вокзала¹⁹ с пулемётами. Железнодорожники всполошились: в чём дело? Мой отец пошёл в свой телеграф на вокзале, сам отстучал ключом на аппарате телеграмму в Симбирск в управление дороги. Там ответили, что подходят белогвардейские войска. Нас с братиком²⁰ отправили в село к бабушке. Через день в городе поднялась стрельба. Пулемёты трещали целый день.

Железнодорожная станция Мелекесс. Совр. адрес. г. Димитровград, ул. Вокзальная, 28

На следующий день рано утром в телеграф прискакал кавалерист и приказал срочно дать телеграмму в Симбирск, в штаб армии²¹, с просьбой прислать подкрепление. Начальник телеграфа, мой отец, принял телеграмму, расписался и передал её телеграфисту. Тот не успел докурить папиросу, как через 15 минут по железнодорожной станции ударил шрапнельный снаряд²². Начальник станции приказал разрушить телеграф, железный аппарат²³ и всем укрыться. Телеграмму передать не успели.

Через час к вокзалу подошёл эшелон с белогвардейскими войсками. Отыскали моего отца, и белогвардейский генерал приказал провести ему в вагон телефон.

Четыре месяца шли бои в Симбирске²⁴, а потом белогвардейцы отступили на Иркутск. Мой измученный отец стал отсыпаться. И рассказал тогда необычный сон. Будто бы он попал в глубокий подвал и не мог из него выбраться. Потом встретил там своего железнодорожника, и тот указал ему выход из подвала.

Как только отец рассказал свой сон, как вдруг в окно постучал посыльный и сказал, что его срочно вызывают в телеграф. Он дошёл до двери телеграфа, но там ему сказали, что идти надо в ЧК²⁵. Там сидели военные и телеграфист, который указал пальцем на отца, мол, он виновник того, что не передали телеграмму в штаб армии с просьбой о подкреплении. Отец растерялся и не мог оправдаться. Попал в затруднительное положение, точно как во сне. Но через несколько минут он вспомнил, что показывал телеграмму начальнику станции, и тот телеграмму передавал сам. Вызвали начальника, он подтвердил, а телеграфиста повели на расстрел.

Детские свистульки

В двадцатом году у нас в городе ездил на большой телеге старик-татарин и обменивал старые рваные калоши, сапоги и разное изношенное барахло на глиняные свистульки и конфетки для детей. Я обменял старые рваные калоши на свистульку, а братик – новые бабушкины калоши, а новый сарафан – на конфетку. Бабушка братика ругала, а он ей сказал: «*Бабушка, ты только послушай, как она хорошо свистит*».

Могила комиссара

Отец был начальником телеграфа, и жили мы тогда в левом крыле вокзала. Мы с братиком дружили с младшим сыном полковника Ромой, катались на его трёхколёсном велосипеде и один раз зашли в кабинет его отца. Там стоял на трёх ножках пулемёт системы «Кольта»²⁶. От пулемёта свисала длинная лента с патронами. Ствол пулемёта был направлен в открытое окно. Рома хотел нам продемонстрировать стрельбу из пулемёта. Взял его за ручку и стал нажимать все рычажки. Но выстрела у него не получилось. Он не знал, где второй предохранитель у пулемёта, поэтому беды не произошло. Вспотевший Рома повёл нас во двор, где девочки играли в скакалки. Когда мы к ним подошли, одна из них предложила посмотреть могилу её папы, которая находилась недалеко от вокзала, около леса. Его как комиссара расстреляли год назад белогвардейцы. Мы побежали гурьбой смотреть могилу её отца. Девочка показала нам небольшой холмик, заросший травой. Мы дружно оборвали траву, набрали цветов и положили их на могилу.

Позже я рассказал об этом своей матери. Она прослезилась и была удивлена тем, какие тогда были малыши.

Наказан за икону

В 1920 году в Мелекесе около вокзала родители построили дом. Время было очень тяжёлое. После гражданской войны²⁷ свирепствовал голод²⁸. Мебели не было, дети спали на полу. Отец сколотил стол и купил четыре табуретки. Бабушка из деревни привезла старую икону с едва заметным изображением Христа. Мать молилась на икону и заставляла молиться нас с братиком. Отцу не понравилась икона, и он её сжёг в печке. Вскоре приехали родственники из деревни в тулупах. Они сняли меховые шапки у порога и стали глазами искать по углам икону, чтобы помолиться, но ничего не увидели и спросили:

«Вы разве живёте без иконы, как разбойники?». Мать сказала, что икона была очень плохая, и муж Павел её сжег. Гости недовольно загудели, сказали, что Бог за это накажет, и помолились на Восток.

Долгое время мы жили без иконы и молились на Восток. Прошло четыре года. Отец имел часовую мастерскую и хорошо зарабатывал, влюбился в учительницу и не жил нормально с семьёй. В то время по домам ходили священники, чтобы святить квартиры и выгонять нечистую силу. Мать пожаловалась священнику на то, что муж не живёт с семьёй, а дети сняли кресты и перестали молиться. Священник сказал, что в мужа Павла, очевидно, вселился бес. Мы с братиком тогда были пионерами и засмеялись. Бабушка погрозила нам пальцем и заплакала, сказав: «Теперь люди будут жить без защиты Христа!».

А мать говорила, что её муж Павел мучается от любви потому, что наказан Богом за икону.

Монах Сёма

В начале 1920-х годов в Симбирске разогнали все монастыри. Монаху Семёну Махорину пришлось жить в Подгорье²⁹ у престарелой матери, в ветхом домишке по Никольскому спуску³⁰, недалеко от нашего дома, в глубине фруктового сада. Я его хорошо помню. Это был здоровенный старик высокого роста.

Симбирск. Подгорье. Фото И. Иноземцева

Весь город тогда охранялся сторожами, и монах Сёма, как его тогда звали, охранял Подгорье с громадной собакой. Он носил с собой свисток и колотушку³¹. Всю ночь он обходил 50 домов в Подгорье и стучал колотушкой. Охрана тогда была для города необходима: после Гражданской войны развелось много воров-домушников³².

Однажды под утро, возвращаясь в свой домик через садовые заросли, Сёма заметил, что у соседнего маленького дома выломаны окна. Он заглянул в проём окна и увидел страшное зрелище. На полу в лужах крови валялись растерзанные трупы соседа, его жены и их малолетней дочурки. Этот сосед жил очень бедно, пьянствовал. Околичиваясь на толкучке, он всем болтал, что живёт хорошо и у него много золота. Бандиты-татары поверили и решили ночью залезть к нему в дом. Золота бандиты не нашли. Че-

рез год бандитов поймали в Астрахани и расстреляли, а монах Сёма долго чесал затылок.

Позже такую охрану сняли, и обходы в городе ночью делала вооружённая милиция без всякого шума.

Артисты

Начал я учиться в Мелекессе в железнодорожной школе³³ в 1921 году. Моей первой учительницей была весьма культурная и образованная Екатерина Ивановна Торчевская, жена белогвардейского генерала и [дочь] петербургского фабриканта. Её мужа расстреляли, отец успел удрать в Париж, а её сослали в Мелекесс.

Бывшая Железнодорожная школа. Ныне библиотека семейного чтения. (г. Димитровград, ул. Куйбышева, 144)

В 1924 году она организовала самодеятельный драматический кружок. Школьники выступали в железнодорожном клубе³⁴ и весьма успешно. Но сцена в клубе была плохая. Доски на полу ещё не просохли, ходили ходуном, и декорации во время спектакля дважды падали. Школьные самодеятельные артисты Мерзляков и Субботин влюбились в красивую библиотекаршу, которая лет на десять была старше их, и подрались. Все смеялись, потом смеялись и они сами.

Бандиты

В 1921 году в городе Мелекессе орудовала шайка бандитов. Они вечерами грабили прохожих, нападали на подводы, а иногда и врываются в квартиры. Милиция пыталась поймать бандитов, но те ловко укрывались. Потом милиция узнала, что бандиты иногда приходят ночевать к одной девушке на окраине города. Долго милиционеры дежурили около домика вдовушки, но бандиты не появлялись. Однажды в домике остались дежурить два милиционера. Они улеглись спать на печке. Потом один из них среди ночи пошёл к себе домой на минутку и не вернулся, а через час пришли бандиты. Они уселись за стол и стали распивать самогон.

Милиционер понял, что ему одному не справиться с тремя бандитами, и решил бежать. Незаметно слез с печки и вышел во двор. При этом дверь сильно скрипнула. Милиционер заторопился и побежал к калитке, но та была крепко заперта. Тогда он, недолго думая, прыгнул в колодезь. Там воды было ему до пояса. Затем он выпустил из колодеца две ракеты.

Бандиты услышали выстрелы ракетниц и за-

волновались. Захмелевшие, спотыкаясь и падая, они выбежали во двор. С большим трудом отперли калитку, а когда стали выходить, подъехала милиция.

Бандитов расстреляли. Этот случай рассказал моему отцу милиционер, который прыгал в колодец.

Тётя Даша

В 1921 году из деревни переехал в Мелекес мужичок Аксёнов. Он открыл торговлю продуктами. Был голод, и все продукты были очень дорогие. Мужик стал богатеть. Построил большой ресторан.

У вокзала торговала бакалеей его младшая семнадцатилетняя дочь Даша. Мы с братиком ходили к ней, здоровались и поздравляли с праздником Воскресения³⁵, а она нам давала по конфеточке, очень сладкие. Сахара тогда не было. И я говорил братику, что пойдём ещё здороваться с тётей Дашей. Так ходили мы к ней целый месяц. Потом тётя Даша нас прогнала. Через семь лет отца Даши раскулачили³⁶, всё у него отобрали, а его самого сослали в Сибирь на каторгу.

Бродяжка

В 1921 году в стране, особенно в Поволжье, был страшный голод. Однажды к окну нашего дома подошёл мальчик лет девяти просить милостыню – кусочек хлеба. Он был грязный, босой, в рваной рубашке и в рваных штанишках. Моей матери его стало жалко. Она дала ему кусочек хлеба, варёную картошку, огурец и расспросила его. Мальчик рассказал, что его отец погиб в гражданскую войну, он

ушёл из дома и уже второй год разъезжает по железной дороге в собачьем ящике³⁷ под вагоном или на раме в передней части паровоза. Зимой кондуктора пускают его в вагон под скамейку. На остановках он бежит по вокзалам, выпрашивая копейку, в буфетах облизывает тарелки, а иногда подносит багаж пассажирам. Его забирали в детский дом, но он убегал, продолжал бродяжничать.

Безпризорники 1920-х гг.

Как погиб Артамонов

В 1922 году из Старого Салавана³⁸ в Мелекес приехал молодой человек Артамонов. Он снял уголок в большом доме на главной улице и стал скупать и продавать золотые вещи, украшения и часы. Пригласил для реставрации ювелира, а также моего отца в качестве часового мастера. Через год с небольшим он так разбогател, что смог купить весь

большой дом. Ходил в парике с золотой булавкой и в белом шёлковом халате. Завёл красотку и обедал с ней в ресторане с заморскими винами.

Через три года дела у него пошли хуже. С похмелья болел и по неделе не открывал свой магазин. Пропил весь дом, а красотка ушла.

В 1932 году он приехал в Ульяновск. Явился в рваном костюмчике к моему отцу и выпросил денег на дорогу в Самару к сестре. В Самаре устроился часовым мастером. Зарабатывал только на бутылку. Сестра выгнала его. В декабре он выпил последнюю бутылку и лёг под забор. Так погиб Артамонов, а ведь ему не было и сорока.

Лягушки

В детстве я очень любил лягушек. Они мне заменяли игрушки. Жили мы тогда в Мелекесе, около вокзала, в лесу. Рядом был пруд³⁹. Недалеко жил лесничий. Жена у него была обрусевшая француженка. Они вели большое хозяйство. У них было две коровы, две лошади и пять гектаров земли. Тогда мне исполнилось десять⁴⁰, и я дружил с их сыном Шуркой. Мы с ним пасли лошадей, охраняли бахчу⁴¹, и я ему помогал ловить лягушек.

Одно время у нас не было коровы, и мать брала молоко у них. Продавала молоко обычно сама хозяйка, выливая молоко из горшка. Однажды хозяйки не было дома, и продала молоко их прислуга прямо с горшком. Когда мать стала переливать дома молоко в свою посуду, из горшка выпрыгнула большая лягушка. Мать вылила молоко в помойное ведро и впредь не стала брать у них молоко.

Она не знала, что лягушки охлаждают молоко, оно не киснет и делается вкуснее.

В этом же году, осенью, когда я учился уже в третьем классе, урок вела моя первая учительница Екатерина Ивановна Торчевская. Однажды, закончив урок пораньше, она открыла дверь, испуганно вскрикнула и отскочила от двери. Мы подумали, что за дверью страшный зверь. Все бросились смотреть, кто там. По коридору прыгала большая лягушка. Её из ручья зачерпнула ведром сторожиха. Лягушка попала в бак для питья, а потом выпрыгнула из бака. Я схватил её и начал рассматривать её красивый перламутровый живот. Она надула около рта пузыри и квакнула. Мне жалко было с ней расставаться, но пришлось бросить обратно в ручей.

Когда мы переехали в Ульяновск и жили под горой⁴² около Нового Венца⁴³, я таскал лягушек соседям Ширяевым. Они мне платили по 15 копеек за десяток: жена у Ширяева была француженка. Она плохо знала русский язык, но хорошо выговаривала имена козлов и кричала: «Марат, Пушкин, Гаркуша!»

Охранник застрелил свою жену

У охранника железнодорожной станции Мелекес в 1923 году умерла жена. Осталось двое детей. Ему уже было около сорока лет, и он решил жениться на 20-летней девушке, работавшей уборщицей на вокзале. А она дружила с молодым телеграфистом и бегала с ним в лес. И когда охранник женился, ему рассказали об этом. Он предупредил молодую жену. Вскоре у них родился ребёнок. Мужа предупредили,

что молодая жена продолжает бегать с телеграфистом в лес. Как-то охранник ночью пришёл с дежурства домой. Молодая жена спала, прижав к себе грудного ребёнка. Муж снял с плеча винтовку и выстрелил ей в сердце.

Новая экономическая политика

В 1922 году в России после разорительной войны была страшная разруха и голод. Помещиков и буржуев выгнали из страны, а поднять экономику не могли. Тогда Ленин объявил в стране новую экономическую политику (НЭП)⁴⁴. Он написал брошюру о НЭПе. Я ее нашёл в столе у отца и прочёл.

В Россию тогда были приглашены иностранные капиталисты. Они построили нам тракторные и автомобильные заводы, много фабрик, построили ДнепроГЭС⁴⁵. Возродилось предпринимательство, появились зажиточные крестьяне-кулаки⁴⁶. Расцвела торговля. И всё это произошло буквально за два года. Чеканили золотые и серебряные монеты. Троцкий⁴⁷ на монетах отчеканил лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Но для чего? Может быть, для того, чтобы сделать революцию во всём мире? Опоздал. Пролетариат уже разоблачили как неполноценное сословие!

Никольская базарная площадь посада Мелекесс.
Фото из архива Димитровградского краеведческого музея

Я с удивлением вспоминаю то время. Фунт хлеба (400 гр.) стоил 3 копейки, а фунт калача – 5 копеек. Калачи теперь не пекут. Нет подовых печей⁴⁸, а хлеб пекут только в электропечах. Говяжье мясо стоило 30 копеек за килограмм.

Помню, как летом 1924 года в Мелекессе была ярмарка. На базарной площади⁴⁹ было много магазинов, а в центре стоял магазин в виде огромной бутылки с шампанским вином. Продавали там всевозможные сладости и пиво (был сухой закон, и водку не продавали). В центре площади крутилась карусель с красивыми деревянными конями под гром барабана и звуки гармошки.

Змея

Наша железнодорожная школа находилась около вокзала в лесу. Во время большой перемены мы бегали по лесу. Однажды мой одноклассник Петя Ховрин убил в лесу ужа и пугал им девочек. Он потешался, а девочки визжали. Когда он с ужом подбежал к Рае Аксютченко, она не напугалась, вырвала

у него из рук ужа и отхлестала им Петю, потом положила ужа в парту.

Затем был урок пения. Пришла учительница по пению. Стола в классе почему-то не было, и учительница положила свою сумочку на край первой парты, где сидела дочь начальника железнодорожной станции Рая. Пока учительница писала на доске мелом ноты, Рая положила ужа на сумочку учительницы. Учительница подошла за платочком и увидела ужа. Она вскрикнула, сказала, что тут ужасные дети, и пошла жаловаться директору.

Рая схватила ужа и бросила его на заднюю парту, а затем ребята выбросили его в форточку. Пришла директор школы разбираться. Учительница сказала, что вот здесь на сумочке лежала змея. «Кто мог положить?» – спросила директор. – *Ведь тут сидят девочки*. Девочки сказали, что никакой змеи не было. Учительница смутилась, и тогда директор сказала, что это ей показалось.

Самосуд

Мне рассказал отец, как у них в селе Слобода Выходцева⁵⁰ в 1909 году завёлся вор-пьяница, 25-летний Петька Архипов. Он угонял у односельчан лошадей из табунов и коров из стада. И у моего деда Николая угнал корову. Долго Петьку ловили и, наконец, поймали. Судья решил судить Петьку всем селом. В воскресный день урядник⁵¹ повёл Петьку со связанными руками в центр села. Увидели мужики и стали нещадно бить вора. Последний удар кулаком по виску нанёс мой дед. От удара Петька упал на землю и скончался. Бабушка заплакала: что же теперь будет? Но судья сказал: мы честных людей не судим.

Как ребята шутили в Мелекессе

Когда шла Гражданская война, ребята играли с патронами и гранатными детонаторами. В связи с этим было много несчастных случаев. Ребята научили меня бросить боевой патрон в растопленную печь. Произошёл сильный взрыв. Все горящие дрова из печи выбросило, а чугун с мясом в печке перевернуло. Я испугался, а мать меня отпорола.

На этом забавы детей не закончились. Старшие ребята придумали бросать патроны в костёр около дороги, когда подъезжала телега с мужичком. Происходил выстрел, лошадь пугалась и убегала. При этом телега обычно переворачивалась, а мужик бежал за нами с кнутом. Но мы успевали убежать в лес.

А однажды ехала баба. Телегу также перевернуло, лошадь с передком умчалась, баба плакала. Нас это очень забавляло. Закончилось всё тем, что нас поймали и надрали нам уши. Потом отец отобрал у меня все патроны и разрядил их.

Кто такой Ленин

Я вспомнил 1924 год, когда в Мелекессе 21 января вдруг загудели все гудки города и гудели около часа. Все встревожились. Не знали, что случилось. Тогда мой отец побежал на железнодорожный вокзал. Будучи начальником на телеграфе, он отстучал запрос в Симбирск. Ответили, что умер Ленин, а кто он такой, не сказали. На следующий день я спросил свою учительницу Торчевскую. Она тоже не знала. В

документах по выселению её из Москвы была подпись председателя Совнаркома⁵² Ульянова.

Вскоре в школе повесили портрет Ленина с чёрной каймой и большим красным бантом. На портрете было написано: «Ленин умер, но дело его живёт!»⁵³. Потом стали продавать ученические тетради с изображением всех членов Совнаркома во главе с председателем Лениным. Появились брошюры, разъясняющие, кто такой Ленин. Мой отец занимался самообразованием и накопил много литературы. Я тогда рылся в его столе и читал брошюры.

В 1922 году закончилась Гражданская война. В стране была разруха, развал экономики и голод. Коммунистическая система терпела крах. Учение Карла Маркса оказалось ложным. Лозунг о пролетариате у всех вызывал усмешку.

Сталин разогнал всех капиталистов, а кулаков, предпринимателей и торговцев сослал на каторгу в Сибирь. Недовольных расстреливали. За литературу о Ленине сажали в тюрьму. Вот тогда стало понятно, кто такой Ленин. Поняли, что он был гениальным преобразователем общества, необыкновенным экономистом. Его политика была чрезвычайно мудрой, и он был честнейшим человеком.

С тех пор прошло много времени. Люди забыли законы развития общества. Хозяина нет, и нет энтузиазма.

Публикацию подготовил Владислав Ястребов
✉ yastrebov73@gmail.com

¹ Материалы любезно предоставлены ОГБУ «Государственный архив новейшей истории Ульяновской области» (адрес: г. Ульяновск, ул. Александра Матросова, 16; <http://gani73.ru/> (дата обращения: 18.05.2018) и Музеем МБОУ «Мариинская гимназия» г. Ульяновска (адрес: г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 97; <http://www.mariinka.mv.ru/> (дата обращения: 18.05.2018).

² Николай Васильевич Ефимов (1891-1967).

³ Николай Петрович Карпов (?-?) – коллежский секретарь.

⁴ Ныне с. Максимовка в Ульяновском р-не Ульяновской обл.

⁵ По другим данным, помещики Карповы были дворянами.

⁶ Имеется в виду весьма эксцентричный купец Александр Николаевич Карпов (?-?). В г. Ульяновске сохранился принадлежавший ему двухэтажный деревянный дом, построенный в 1905 – 1906 гг. Ныне он входит в комплекс зданий Областной детской школы искусств, адрес: г. Ульяновск, ул. Ленина, 51; <http://www.ulodshi.ru/> (дата обращения: 28.04.2018).

⁷ Ресторан «Россия» (вместе с гостиницей) располагался в трёхэтажном каменном здании, построенном в 1913 г. симбирским купцом 2-й гильдии Ермилом Николаевичем Забориным (1851-1914) на Дворцовой ул. Совр. адрес: г. Ульяновск, ул. Карла Маркса, 19.

⁸ Северный городской выгон – огромное пространство, находившееся северо-восточнее района т.н. Кирпичных Сараев. «Большая часть северного выгона (263 дес. 1000 саж. (ок. 288 га. – В. Я.), находящаяся на покатоности к р. Волге, покрытая листовым лесом, носит название «колки» и служит местом для летних прогулок городских жителей; остальная часть выгона отведена главным образом для пастбы скота» (источ.: Мартынов П.Л. Город Симбирск за 250 лет его существования : сист. сб. ист. сведений о г. Симбирске. – Симбирск : Типо-литогр. А.Т. Токарева, 1898. – С. 58).

⁹ Жандарм (ист., от фр. Gendarme; в Российской империи) – полицейский чин жандармерии; (иногда) конный полицейский, имеющий особые права и двойной оклад.

¹⁰ В 1914 г. в 7 верстах (ок. 7,5 км) восточнее заволжской слободы Часовня на «подъездном пути» от заволжских пристаней к ст. Мелекес-посад была построена железнодорожная станция, получившая название «Верхняя Часовня».

¹¹ Ныне железнодорожная станция (вокзал) Верхняя Терраса, адрес: г. Ульяновск, ул. Привокзальная, 4.

¹² Павел Николаевич Иноземцев (род. 14 декабря 1889 г., ум. 18 ноября 1975 г.).

¹³ Электромагнитный пишущий телеграфный «аппарат Морзе» был разработан американским изобретателем и художником Сэмюэлом Финли Бриз Морзе (англ. Samuel Finley Breese Morse, 1791 – 1872) в 1836 г. Хотя многие специалисты считают его лишь одним из изобретателей подобного аппарата.

¹⁴ Имеется в виду Александровская губернская земская больница. Ныне это комплекс зданий Ульяновской областной клинической больницы, адрес: г. Ульяновск, ул. III Интернационала, 7; <http://uokb.ru/> (дата обращения: 25.03.2018).

¹⁵ Ныне (с 1972 г.) г. Димитровград, адм. центр Мелекесского р-на Ульяновской обл.

¹⁶ Официальным праздник стал после Октябрьской революции. В РСФСР он первоначально назывался «День Интернационала», позднее – «День международной солидарности трудящихся – Первое Мая» (отмечался 1 и 2 мая). В РСФСР (а затем и в СССР) 1 мая был нерабочим днём с 1918 г., 2 мая – с 1928 г.

¹⁷ Имеется в виду пиво производства пивоваренного завода «Трёхсосенский», до Октябрьской революции 1917 г. принадлежавшего Прасковье Степановне Марковой (?-?), жене Александра Григорьевича Маркова (1851-1904), председателя Мелекесской думы в 1894 – 1897 гг. Ныне ООО «Трёхсосенский», адрес: Ульяновская обл., г. Димитровград, ул. 50 лет Октября, 113; <http://trehsosensky.ru/> (дата обращения: 28.03.2018).

¹⁸ «Смело, товарищи, в ногу» – песня, написанная профессиональным революционером, химиком и поэтом Леонидом Петровичем Радиным (1860 – 1900), когда он сидел в одиночной камере московской Таганской тюрьмы. Впервые песня прозвучала 4 марта 1898 г. (её пела колонна заключённых пересыльной тюрьмы, среди которых был и автор песни), а первая публикация (без указания автора) состоялась в г. Женеве (Швейцария) в 1902 г.

¹⁹ Железнодорожный вокзал ст. Мелекесс был построен в 1901 г. в связи с началом движения поездов от ст. Верхняя Часовня. В 1915 г. на ст. Мелекесс Волго-Бугульминской железной дороги было построено каменное здание вокзала с водяным отоплением и вытяжной вентиляцией.

Совр. адрес: г. Димитровград, ул. Вокзальная, 28.

²⁰ Пётр Павлович Иноземцев (род. 11 января 1915 г., ум. 25 марта 2003 г.).

²¹ В то время в г. Симбирске располагался штаб и Реввоенсовет Восточного фронта.

²² Шрапнельный снаряд (или Шрапнель) – разрывной артиллерийский снаряд, у которого внутренняя полость заполнена картечными пулями (или другими поражающими средствами) для поражения живой силы противника. Назван в честь офицера британской армии Генри Шрэпнела (англ. Henry Shrapnel, 1761 – 1842), который первым создал снаряд такого вида.

²³ Жезловый аппарат – электромеханический аппарат связи при движении поездов на однопутных участках железных дорог. Жезловая система обеспечивала безопасность движения, исключая одновременное пребывание на перегоне более одного поезда.

²⁴ На самом деле чуть менее двух месяцев: в июле–сентябре 1918 г.

²⁵ Полн.: ВЧК при СНК РСФСР (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики). Была сформирована 7 [20] декабря 1917 г. Упразднена 6 февраля 1922 г. с передачей полномочий ГПУ при НКВД РСФСР (Государственное политическое управление при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР).

²⁶ Американский станковый пулемёт с воздушным охлаждением «Кольт-Браунинг М1895» был сконструирован на основе разработок 1889 г. американского изобретателя и конструктора Джона Мозеса Браунинга (англ. John Moses Browning, 1855–1926).

²⁷ Гражданская война в России (1917/1918 – 1922/1923).

²⁸ Имеется в виду массовый голод в Поволжье, пик которого пришёлся на осень 1921 – весну 1922 гг. От голода и его последствий погибло около 5 млн. человек.

²⁹ Подгорье – так ранее назывался волжский косогор «под» г. Симбирском (Ульяновском) и набережная вдоль р. Волги. По некоторым данным, как поселение Подгорье (возможно, в качестве рыбацкой деревушки) возникло задолго до построения Симбирска. Часть Подгорья была затоплена в 1956 – 1957 гг. при создании Куйбышевского водохранилища.

³⁰ Никольский спуск (или Тимарцевский спуск) получил своё название благодаря расположенным поблизости Никольской церкви и ул. Никольской (в 1900 – 1923 гг. – Николаевская ул., ныне (с 1923 г.) – ул. Гимова). В 1933 – 1968 гг. – спуск Железной Дивизии. Ныне безымянный лестничный спуск вниз от Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова к р. Волге.

³¹ Колотушка (у ночных сторожей) – устройство из досечек для постукивания во время обхода охраняемого участка.

³² Вор-домушник (жарг.) – вор, специализирующийся на квартирных (или домашних, отсюда название) кражах с помощью отмычек.

³³ Двухэтажное кирпичное здание было построено на одной из старейших улиц города – ул. Старо-Заводской (ныне ул. Куйбышева) в начале XX в. В 1914 г. в нём было открыто начальное 4-х классное мужское училище. После 1917 г. здесь размещалась начальная образцовая школа, в обиходе известная как «железнодорожная». В настоящее время (с 1 сентября 2004 г.) здание занимает Библиотека семейного чтения имени писателя А.С. Неверова, адрес:

г. Димитровград, ул. Куйбышева, 144; <https://vk.com/id162500079> (дата обращения: 13.04.2018).

³⁴ Одноэтажное здание железнодорожного клуба находилось напротив железнодорожного вокзала Мелекесса (совр. адрес: г. Димитровград, ул. Вокзальная, 28). В 1990-е гг. клуб был закрыт. Некоторое время в здании располагалась администрация вокзала. В настоящее время не эксплуатируется.

³⁵ Воскресение Христово – то же, что и Пасха.

³⁶ Раскулачивание – ликвидация в СССР в середине 1930-х гг. хозяйств крестьян, считавшихся кулаками, с лишением их средств производства, прав пользования землёй, политических прав и одновременной высылкой в отдалённые районы, иногда малопригодные для жизни.

³⁷ Собачий ящик (жарг., угол.) – ящик под вагоном, в котором перевозили собак, а в их отсутствие ездили безбилетные пассажиры.

³⁸ Ныне (с 1962 г.) пос. Новочеремшанск в Новомалыклинском р-не Ульяновской обл.

³⁹ Имеется в виду Марков пруд.

⁴⁰ Т.е. примерно в 1923 г.

⁴¹ Бахча (перс. Вагъä – садик) – участок, предназначенный для выращивания бахчевых культур (арбузов, дынь и тыкв).

⁴² Около Никольского спуска. Ныне спуск вниз от Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова к р. Волге.

⁴³ Ныне (с 1959 г.) б-р Новый Венец.

⁴⁴ Новая экономическая политика (НЭП) была принята 15 марта 1921 г. X съездом РКП(б), прошедшим 8–16 марта 1921 г. в г. Москве. НЭП пришла на смену политике «военного коммунизма», проводившейся в ходе Гражданской войны (1917/1918–1922/1923), и приведшей Россию к экономическому упадку.

⁴⁵ Первая очередь ДнепроГЭС была построена в 1927 – 1932 гг.

⁴⁶ Кулак – богатый крестьянин, систематически использующий наёмный труд.

⁴⁷ Лев Давидович Троцкий (наст. Лейба Давидович Бронштейн, 1879–1940) – российский революционный, политический и государственный деятель, идеолог троцкизма.

⁴⁸ Подовая печь – универсальное тепловое (отопительное) устройство, для которого характерно отсутствие зольника (дрова размещаются на решётке или на дне). Использовалась для обогрева помещений, но чаще – в хлебопечкарнях: наличие нескольких ярусов позволяет выпекать сразу несколько видов хлебобулочных изделий. В подовых печах можно было готовить разнообразные блюда, запаривать корма для домашних животных, греть воду, сушить зерно, фрукты и т.п.

⁴⁹ Никольская базарная площадь. Ныне площадь Советов в г. Димитровграде, адм. центре Мелекесского р-на Ульяновской обл.

⁵⁰ Ныне с. Слобода-Выходцево в Мелекесском р-не Ульяновской обл.

⁵¹ Урядник (в 1878 – 1917 гг.) – нижний чин уездной полиции, ближайший помощник станового пристава.

⁵² Совнарком – сокр. от Совет народных комиссаров.

⁵³ Плакаты с таким текстом появились практически сразу после смерти В.И. Ульянова (Ленина) (1870 – 1924).

*Александр ЛУКЬЯНОВ (г. Таллин), доктор экономических наук
Галина МОРОЗОВА (г. Ульяновск), кандидат психологических наук*

АННА ЛУКЬЯНОВА – СЕКРЕТАРЬ ГОРКОМА

Если сегодня спросить кого-нибудь в Ульяновске или в Базарном Сызгане, кто такая Анна Степановна Лукьянова, вряд ли услышим что-то определенное. А ведь с Базарным Сызганом связаны 17 лет жизни Анны Степановны. Здесь она пошла в школу, начала трудовую деятельность, встретила Февральскую и Октябрьскую революции, пережила Гражданскую войну. Долгая трудовая жизнь связана с Ульяновском. От простой ткачихи Анна Степановна прошла путь до депутата и заместителя председателя горсовета, секретаря и члена бюро горкома партии, директора предприятия. Прочтите ее биографию – то же самое, что перелистать учебник истории и понять, какой трудный путь прошла наша страна в первой половине XX века. И выстояла, несмотря ни на что.

* * *

А.С. Лукьянова (1946 г.)

Анна Степановна Лукьянова родилась 22 января (7 февраля) 1901 года в крестьянской семье в небольшой деревушке Анненково Карсунского уезда Симбирской губернии, что расположена в 11 км от города Инза. В начале XX века здесь насчитывалось более 40 дворов. Через сто лет, в 2015 году, её покинул последний житель, предприниматель, разводивший рыбу в некогда ухоженных барских прудах. Так деревня Анненково разделила

судьбу многих других умирающих селений России.

Деревня когда-то принадлежала известным в Симбирской губернии потомственным дворянам Анненковым. Позже была продана помещику Ксернову. Отец Анны Степановны работал у него конюхом. В 1906 году он умер от тяжелой болезни. Мать осталась одна с двумя маленькими детьми на руках, Аней и её братом. В 1907 году она вторично вышла замуж – за вдовца Кузьму Николаевича Лукьянова из Базарного Сызгана, и семья переехала в это село. А детей в семье стало намного больше...

В своей автобиографии Анна Степановна говорит об 11 братьях и сестрах, сводных и родных по матери. Для России того времени – ничего необычного.

Село в те времена славилось производством хлебобулочных изделий: калачей, пряников, кренделей. На реке Сызганка стояло несколько водяных мельниц. Отчим Анны Степановны обрабатывал небольшой клочок земли и выпекал хлеб, которым

торговал в рыночные дни. В зимнее время, свободное от полевых работ, он подрабатывал на местной суконной фабрике. Отчим умер в 1916 году, подорвав здоровье на тяжелых работах. В его доме (ныне улица Авдеева, д. 73) с большой печкой для выпечки хлеба Анна прожила более полутора десятка лет. Дом отчима, ставший для неё родным, не сохранился. На его месте в 1960-е годы внуком Кузьмы Николаевича Борисом Васильевичем Лукьяновым был построен новый дом.

В 1908 году Анна поступила в сельскую школу, которую успешно закончила в июле 1911 года, получив начальное образование. На этот факт её биографии важно обратить внимание: среди сельских девушек России в возрасте от 10 до 19 лет в то время доля грамотных составляла не более 36%. В Государственной думе России еще только обсуждался закон о всеобщем начальном образовании, но он так и не был принят до революции 1917 года. В крестьянской семье Кузьмы Николаевича Лукьянова все дети получили начальное образование.

После начальной школы Анна, еще совсем ребенок, пошла работать на суконную фабрику Белоусовых (построена в 1865 году купцом А.К. Щербаковым, позднее продана и переоборудована купцом Н.С. Белоусовым). Работала сначала мотальщицей, а потом освоила более сложную профессию ткача. В совсем юные годы трудилась весь день. Закон о детском труде, принятый в Российской империи в 1882 году, устанавливал запрет на работу детей в возрасте до 12 лет и ограничивал её продолжительность для детей 12-15 лет 8-ю часами в день. Но эти нормы соблюдались лишь на крупных предприятиях, находившихся под контролем фабричной инспекции.

Мы наш, мы новый мир построим...

Анне было 16 лет, когда произошла Февральская революция, а потом и Октябрьская. В дверь стучались новые ценности. Отрекся от престола император, власть перешла к Временному правительству.

В городах и уездах Симбирской губернии, в селах создавались советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на фабриках – фабрично-заводские комитеты (ФЗК) и рабочие комиссии, развивались профсоюзы. Их представители занимались вопросами улучшения положения рабочих. В Симбирской губернии с её многими суконными фабриками к этому времени образовался довольно сильный профсоюз рабочих текстильщиков. В 34 км от Базарного Сызгана, в селе Гурьевка (с 1954 года – часть города Барыш) Карсунского уезда в июне 1917 года прошёл 1-й съезд текстильщиков Поволжского района. В его работе участвовали 68 представителей 26 суконных предприятий Пензенской, Самарской, Саратовской, Симбирской губерний. Был

создан профсоюз текстильщиков всего Поволжского района и избрано его правление, во главе которого встал эсер П.Х. Гладышев. Его партия заняла главенствующее положение в губернии.

Советскую власть в Базарном Сызгане установили в декабре 1917 года решением собрания представителей рабочих и крестьянских депутатов села. В это время большевики еще сотрудничали с левыми эсерами, только что выделившимися в отдельную партию. Обе партии выступали от имени и во имя советов.

Анна пока еще была далека от активного участия в общественной работе. В 1916 году умер отчим. В семье малые дети. Брату Сереже – всего годик. Надо помогать матери и старшему брату Василию, взявшему на себя заботы по хозяйству, выпечке и торговле хлебом.

В 1918 году фабрика Белоусова была национализирована, как и все промышленные предприятия Базарного Сызгана. Её новые хозяева понимали, что без специалистов в организации и управлении фабрикой не обойтись. К прежнему собственнику фабрики рабочие относились с уважением, поэтому его привлекли к работе в качестве советника. В Базарном Сызгане ему выделили небольшой дом, где он прожил до конца своей жизни. Не исключено, что при таком решении учли и то, что Н.С. Белоусов был попечителем местной школы, известен в селе своей благотворительностью, а его сын, Н.Н. Белоусов, в свое время помогал большевикам, прятал у себя дома их литературу.

Анну привлекли социалистические идеи. Уже в 1917 году она становится членом профсоюза. На её фабрике организуются партийная и комсомольская ячейки.

В годы Гражданской войны фабрика, хотя и с временными остановками, продолжала работать. Её основная продукция – грубое солдатское сукно – по-прежнему была востребована. Война не задела село – остановилась у его порога: у окраин Базарного Сызгана были остановлены части белочехов,двигающиеся на запад.

В 1921 году мать Анны в третий раз вышла замуж за крестьянина Степана Сидорова из села Неклюдово Инзенского района и переехала туда с младшими детьми. В новом браке еще появились дети. Анна и взрослые, уже работающие дети остались жить в Базарном Сызгане. В голодные 1921 – 1922 годы они по возможности помогали матери.

1924 год стал поворотным в судьбе Анны Степановны. В январе скончался В.И. Ленин. ЦК РКП(б) принял решение об организации «Ленинского призыва в партию». Причина – не только невысокая доля рабочих в партии, но и реальные опасения Сталина и его сторонников по ЦК потерять власть. Прежде всего в борьбе с Львом Троцким, организовавшим в 1921 – 1923 годы прием в свою партию.

Принятое постановление Пленума ЦК РКП(б) получило название «О приеме рабочих от станка в партию». Набор распространялся в первую очередь на рабочих и проходил под лозунгом «Рабочие от станка, стойкие сторонники пролетарской революции, – входите в РКП! Пролетарии! Шлите в ряды партии лучших, передовых, честных и смелых бойцов!».

К августу 1924 года в партию влилось более 200 тысяч рабочих. В партию вступила и Анна Лукья-

нова. Позже она гордилась тем, что стала коммунистом ленинского набора. Активно участвовала в общественной работе, выполняла отдельные партийные поручения. Бойкую и привлекательную молодую работницу заметили. В июне 1924 года её направили в Ульяновск на курсы женских организаторов. Но к её возвращению летом того же года решением Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР Базарносызганская суконная фабрика была остановлена, а её оборудование передано суконной фабрике в селе Языково Карсунского уезда.

Как высококвалифицированную ткачиху Анну Степановну Лукьянову переводят на суконную фабрику имени П.Х. Гладышева в село Гурьевка Карсунского уезда (с 1954 г. – город Барыш). Фабрика считается одной из старейших в губернии, пущена еще в 1826 году. Имя П.Х. Гладышева, профессионального революционера и организатора профсоюзов в Симбирской губернии, присвоено фабрике в 1921 году. П.Х. Гладышев неоднократно бывал и в Базарном Сызгане, помогал наладить на местной фабрике профсоюзную работу, вел в селе агитацию за установление Советской власти.

На фабрике Анна Степановна познакомилась с будущим мужем. Сметанкин Андрей Павлович, тоже текстищик, был членом РКП(б) с 1918 года. Он был хорошо знаком с П.Х. Гладышевым, чье имя носит фабрика, и участвовал вместе с ним в установлении Советской власти в Гурьевском районе губернии. На момент женитьбы Андрею Павловичу было 35 лет. Высокий, красивый, статный. Убеденный коммунист.

Через год у супругов родился сын, назвали его в честь великого земляка Владимиром.

Осенью 1926 года случился пожар – Гурьевская фабрика сгорела. Анну Степановну и ее мужа перевели на суконную фабрику имени Степана Разина в селе Игнатовка Поповского района (ныне пос. Игнатовка Майнского района).

Анна Степановна работала ткачихой и одновременно занималась решением различных вопросов с женщинами-работницами. Андрей Павлович работал помощником мастера.

На пленуме Поповского районного комитета ВКП(б) в июле 1928 года Анну Степановну избрали кандидатом в члены бюро райкома. В этом же году на 1-й Ульяновской окружной конференции выдвинули в окружной комитет ВКП(б).

Участие в работе бюро райкома и окружкома обогатили ткачиху опытом решения многих вопросов территориального управления. Как передового работника и активного члена партии осенью 1929 года Анну Степановну направили в Ульяновск на краткие курсы «выдвиженцев» (так в СССР называли рабочих, кого предполагалось выдвинуть на руководящую работу). После окончания курсов семья переехала в село Мулловка Мелекесского района, где мужу предложили место мастера на местной суконной фабрике. Анна Степановна продолжила работать ткачихой.

В Мулловке жили недолго – переехали в Ульяновск: в январе 1930 года Анна Степановна Лукьянова получила назначение на высокую должность заместителя председателя Ульяновской окружной страховой кассы. Округ по административному делению охватывал 15 районов Средне-Волжского края (позже – Куйбышевской области). Основная

задача кассы – решение задач социального обеспечения населения, прежде всего – наемных рабочих. Это пенсионное обеспечение, выплата пособий по временной нетрудоспособности, беременности и родам, по безработице, оказание врачебной помощи и поддержка здоровья, диетпитание, детские сады и ясли. С практикой решения таких вопросов Анна Степановна была знакома по общественной работе на суконных фабриках, но на новом уровне требовались более глубокие знания и опыт. Пришлось на рабочем месте изучать законодательство о труде и социальном обеспечении. С новыми задачами Анна Лукьянова успешно справилась.

В связи с новым территориальным делением Среднего Поволжья в 1931 году окружная страховая касса была упразднена. В судьбе Анны Степановны – очередные перемены. В январе 1931 года на 1-й городской партийной конференции её избрали членом Ульяновского горкома ВКП(б). В феврале 1931 года на короткое время (до июля) Анну Степановну Лукьянову перевели на работу в Ульяновский горком ВКП(б). Основная область деятельности – уже хорошо знакомая ей работа с женщинами.

В 1929 году в стране началась коллективизация сельского хозяйства. В колхоз в Неклюдове вступили мать Анны Степановны и другие родственники.

О проблемах на селе Анна была хорошо информирована. Не все шло так, как задумано «наверху». Виноватых искали на местах, клеймили собственников и кулаков. Началось «раскулачивание», а фактически – разрушение крепких крестьянских хозяйств.

Вскоре стало ясно: колхозам надо помочь. Появились МТС, станции защиты от вредителей сельского хозяйства. В село на руководящие должности направили 25 тысяч добровольцев, рабочих-коммунистов, прошедших краткосрочные курсы обучения и небольшую практику работы на селе. Поход в деревню напоминал «красногвардейскую атаку». Без винтовок наперевес, но с «Марсельезой» на устах. Анна Степановна – в передовых шеренгах.

В марте 1931 года Ульяновский райисполком направил её на проведение посевной кампании в Ключищенский сельсовет (22 км от Ульяновска). В советское время село стало центром сельской администрации Ульяновского района области.

В личном деле Анны Степановны в партийном архиве области сохранился интересный документ – удостоверение о её направлении Ульяновским райисполкомом в марте 1931 года в Ключищенский сельский совет. Мы приведем его с небольшими грамматическими правками:

Удостоверение

Выдано Ульяновским райисполкомом тов. Лукьяновой А.С. в том, что она командировается в Ключищенский сельский совет на проведение боевых задач:

1. Засыпка семян и страховых фондов и подготовка семян к весенне-полевой кампании.

2. По выполнению постановлений о коллективизации.

3. По сбору всех видов платежей.

4. По заготовке фуража, хлеба, масла, семян.

Всем сельским советам и общественным организациям оказывать тов. Лукьяновой А.С. всяческое содействие в выполнении порученной ей работы, что и удостоверяется.

(Подпись)

Перечень поставленных задач говорит о том, что коллективизация села идет не так, как предполагалась. Получены не те результаты. Пламенные речи, лозунги и призывы уже не срабатывают. И все же хлебозаготовки по району увеличились в полтора раза, в том числе за счет изъятия излишков запасов зерна у единоличников и колхозов. Если сравнить этот показатель с приростом урожайности с гектара по району (в 1931 г. – только на 9,2%), то можно сделать вывод: колхозное крестьянство и единоличные хозяйства остались с минимальными запасами зерна.

В следующем, 1932 году, в село снова направили партийных работников с широкими полномочиями. Такое поручение получила и Анна Степановна: она была направлена в село на поддержку проведения посевной кампании и для заключения договоров поставки сельхозпродуктов.

Принятые меры, как известно, не спасли Поволжье от голода 1932 – 1933 годов. О его причинах написано много. Мы приведем только две известные статистические цифры. Урожайность зерновых в 1932 году упала почти в два раза по сравнению с предыдущим годом, а изъятие зерна сократилось всего на 16%. Это значит, что оно продолжалось со всей жесткостью и в ущерб сельским хозяйствам. Надо признать, что часть изъятого зерна пошла на создание резервных фондов, из которых потом поддерживались колхозы, но этого оказалось слишком мало.

Выполнение партийных заданий на селе для Анны Степановны не было легкой прогулкой. Своей внучке Галине Владимировне Морозовой в семидесятые годы она рассказывала, как однажды в одном селе при проведении работы по заготовке хлеба ей угрожали расправой, затащили в погреб, где долго держали. Спас случайно зашедший в дом красноармеец, услышавший её крики.

Летом 1931 года Анну Степановну перевели на должность директора рабочей поликлиники. Считалось, что бесплатное медицинское обслуживание должно быть доступно в первую очередь рабочим и их семьям. Остальные группы населения вынуждены были обращаться в платные поликлиники. Для управления рабочими поликлиниками требовались проверенные партийные кадры. У Анны Степановны Лукьяновой были необходимые качества: управленческий опыт, хорошие организационные способности, твердость и решительность. Теперь она – член горкома партии, депутат Ульяновского городского совета рабочих и крестьянских депутатов.

Осенью 1933 года в стране началась перестройка управления системой здравоохранения. Должность директора рабочей поликлиники упразднили. Лукьянову назначили директором швейно-трикотажного комбината имени К.Е. Ворошилова. Предприятие включало несколько цехов по производству товаров народного потребления и бытовому обслуживанию населения, выполняло заказы по пошиву военного обмундирования.

С комбинатом имени К.Е. Ворошилова связаны пять предвоенных лет трудовой деятельности Анны Степановны. Но за три года до начала войны в ее судьбе произошел новый поворот. В августе 1938 года её перевели на место третьего секретаря Ульяновского горкома ВКП(б) с прицелом на будущее партийно-хозяйственное продвижение. А в январе 1941 года Куйбышевский обком партии направил

ее на двухгодичные Ленинские (высшие) курсы при ЦК ВКП(б) в Ленинград. Курсы и общежитие расположены в самом центре города, на Исаакиевской площади в историческом здании Марининского дворца. Жить и учиться в таком месте – подарок судьбы. О нем Анна Степановна будет вспоминать всю жизнь. В связи с началом войны в конце июня 1941 года курсы прекращают работу. Часть слушателей направили в Москву в Военно-политическое училище им. В.И. Ленина, другая часть мобилизована в армию, остальные откомандированы на места прежней работы. Кому-то надо работать и в тылу. Это тоже фронт.

«Все для фронта, все для победы!»

В июле 1941 года Анна Степановна возвращается в Ульяновск. Уже в первые дни войны в Ульяновске создан городской комитет обороны, объявлена мобилизация, местные предприятия перепрофилируются на выпуск военной продукции, начата подготовка к приему эвакуированных предприятий.

В августе 1941 года Лукьянову направляют на работу директором Ульяновской базы Главного управления соляной промышленности Народного комиссариата пищевой промышленности СССР – Главсоль. Теперь Анне Степановне приходится решать сложные кадровые и организационные вопросы, обеспечивать все производственные процессы: поставку, прием, хранение, разлом и расфасовку соли и другой продукции для армии и населения, предотвращение их расхищения.

В мае 1942 года Анну Степановну переводят начальником отдела кадров Ульяновского швейного завода №8 имени К.Е. Ворошилова. Он образован на базе хорошо знакомого ей комбината имени К.Е. Ворошилова и эвакуированного осенью 1941 года из подмосковного Солнечногорска завода (текстильной фабрики) №8 Народного комиссариата легкой промышленности. Основная продукция – парашюты, шинели и другое армейское обмундирование.

К 1943 году численность населения города по сравнению с довоенным временем увеличилась почти в два раза, до 200 тысяч человек. В основном – за счет эвакуированных и привлеченных на действующие и строящиеся предприятия жителей области. По оценкам ульяновских исследователей (журнал «Мономах», 2005, №2), город в 1941 – 1944 годах был переполнен эвакуированными предприятиями, учреждениями, военными училищами, учебными заведениями, госпиталями. Прибывающих людей нужно было обеспечить жильем, одеждой, продовольствием, работой, детям дать возможность продолжить обучение. В особой помощи нуждались оставшиеся без кормильцев семьи погибших воинов и фронтовиков, люди, эвакуированные из блокадного Ленинграда и Сталинграда. В основном – женщины, старики и дети. Для работы с ними в горисполкоме вводится должность заместителя председателя горсовета по работе с семьями военнослужащих. На неё в феврале 1943 года направляют Анну Степановну Лукьянову, имеющую большой опыт организационной работы с разными группами женщин. В июне 1943 года она также избирается членом партбюро, а с октября становится секретарем парторганизации горисполкома. В круг ее забот входит весь город.

Сыну Владимиру исполнилось уже 17 лет. Он рвался на фронт, мечтал стать летчиком. Мать не препятствовала, не пыталась пристроить сына в безопасное место.

Владимир, чтобы стать летчиком, приписал себе год. Военкомат направил его на учебу в Николаевское военно-морское минно-торпедное авиационное училище им. С.А. Леваневского, эвакуированное из Украины в Куйбышевскую область, в поселок Безенчук. После его окончания в марте 1945 года Владимир в чине младшего лейтенанта получил направление на Дальний Восток, в морскую бомбардирочную авиацию дальнего действия. Служил в 52-м гвардейском минно-торпедном полку ВВС Тихоокеанского флота. В одном из боевых вылетов его самолет был сбит. Экипаж покинул самолет на парашютах. Летчиков в море подобрали наши моряки.

За успешное выполнение боевых заданий и проявленные при этом мастерство и отвагу Владимир Андреевич был награжден орденом Великой Отечественной войны 2-й степени. После окончания войны он продолжил службу на Дальнем Востоке.

Анна Степановна очень гордилась сыном.

В январе 1944 года Анну Степановну назначили директором Ульяновского швейного завода №12. Победу в мае 1945 Лукьянова встретила на заводе. Указом Президиума Верховного Совета СССР она в числе первых была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». На 12-м швейном заводе она проработала еще целый год, пока в городе не началась очередная послевоенная перестройка управления народным хозяйством.

Остаюсь коммунистом Ленинского набора

В 1947 году А.С. Лукьянова короткое время работала заведующим орготделом Главного управления союза промышленно-промысловых предприятий Ульяновска (Главпромсоюз), но в связи с его ликвидацией была переведена на должность заместителя председателя по организационной работе артели «Коммунар», где ее избрали секретарем партийной организации. В 1950 году она возглавила Ульяновский швейный комбинат имени «Красных партизан» и бесценно руководила им до ухода на заслуженную пенсию в 1961 году. Все послевоенное время Анна Степановна активно участвовала в общественной работе, избиралась депутатом Ленинского районного Совета депутатов трудящихся Ульяновска. Она была убеждена, что коммунисты должны показывать пример остальным, идти впереди. Особенно коммунисты Ленинского набора. «Вперед, вперед, вперед, вперед!», – как зовут слова «Марсельезы».

Анна Степановна не догадала по жизни до своего 80-летия совсем немного. Дом с нарезными наличниками на окнах на углу Красноармейской и Красногвардейской улиц, где она прожила почти сорок лет, пережил её более чем на четверть века. На его месте построено трехэтажное здание торгово-офисного центра.

Жизнь идет вперед, но уже без «Марсельезы». Под другими лозунгами...

Очерк публикуется в сокращении.

Полностью текст читайте на сайте журнала «Симбирск» <http://litsimbirsk.ru/>

Вячеслав ЛЮЛЬКО

В ОКТЯБРЕ СЕМНАДЦАТОГО

СКАЗКА

Иду по Ордынке. Воротник юнкерской шинели натирает шею. Туман вяжет дыхание. Гляжу, на брусчатке младенец лежит, завернутый в лоскутное одеяло. Беру на руки. Бог подскажет, что делать дальше.

Откуда-то вылезла институтка в сером пальто.

– Дайте, это мой.

– Что ж ты его на землю положила-то?! – Отдаю.

Подъезжает казак.

– Ваш благородь, это ваша баба с дитём? Из обители сбегала монахиня. Антихриста родила. Велели вертать.

– Мои, – безбожно вру. – Сына хотим крестить в Иверской церкви.

– Ну да с Богом!

Казак пустил лошадь в галоп.

Подъезд моего дома набит юнкерами. Все с винтовками, патронов нет.

Гимназист говорит, что знает, где их достать. Вызываюсь посмотреть. Верзила идет на расстоянии. Переходит на бег. Засада! Разворачиваюсь, бегу обратно. Хлопки выстрелов в спину. Разбойники еще не научились целиться – стреляют наугад.

Добежал до своих. Юнкера снимают погоны, расходятся по домам.

С беглой монахиней поднимаемся ко мне, перешагивая через пустые винтовки.

Надо растопить голландку. Разбираю паркет. В буфете – лишь каравай хлеба и бутылка вина. В аптечке – флакон спирта.

Отужинали при свете огня из печки. Монахиня кормит грудью дитя. Веки слипаются.

Приснилось, что я художник. За окном поздняя осень 2017 года. Сажу за компьютером. Виртуальный администратор игры спрашивает: кем хотите быть, в какое время? Наугад выбрал: юнкер, 1917 год.

Летим на воздушном шаре. Холодно. Монахиня доела хлеб. Внизу Санкт-Петербург. Пришвартовываюсь к шпилью Петропавловского собора. На плацу матросы расстреливают офицеров. Отшвартовываюсь. Летим дальше.

Финский залив штормит. Вижу трубы крейсера между двух волн.

Море успокаивается, леденеет. Шведская тундра. Мороз. Спирт не спасает. Шар падает. Нас накрыло корзиной. Темно.

Затеплилась лучина. Женские руки предлагают горячий отвар. Пещера лопарей. Читал, что шведы их стерилизуют как низшую расу. Они и прячутся. Чем не убежище для младенца Антихриста? Вырастет, станет исполнять желания детей в costume Санта-Клауса.

Засыпаю.

Вновь снится 2017 год. За окном падает первый снег. Выключаю компьютер. Завтра доиграю. Не загадать ли желание?

Рисунки Вячеслава Люлько

Владимир ДВОРЯНСКОВ (1948 – 2016). Член Союза писателей России. Поэт, прозаик. Предлагаем вниманию читателей неопубликованную повесть В. Дворянского «Прерванные танцы».

ПРЕРВАННЫЕ ТАНЦЫ

ПОВЕСТЬ

Районный городок, где Павел Векшин приступил к работе в милиции, нравился ему с детства. Весь в садах: яблони, сливы, вишни прямо на улицах вдоль тротуаров растут. А прибрежный бульвар так близко придвинулся к волжскому заливу, что дома в тихую погоду, словно в зеркало глядятся в водную гладь. Здесь и порыбачить можно и просто душой отдохнуть. В райотделе нового сотрудника встретили, как родного. Выделили комнату в коммуналке. Каморка маленькая, но уютная. Единственное окошко смотрит на пристань. И каждый раз видно, как из-за холма появляются идущие с низовья большие и малые пароходы. Замедлив ход, они, словно крадутся по заливу. И у плавучего двухэтажного дебаркадера, где внизу – грузовые склады, а наверху – ресторан, замирают на несколько минут, выпуская на берег пассажиров с чемоданами, корзинами, рюкзаками...

Соседи Павлу тоже сразу понравились: в комнате слева квартировал – дядя Костя, жена у него давно умерла, и он в одиночестве тихо коротал остатние дни. А справа жил молодой сотрудник Серёга Лапшин, приехавший по направлению из областного центра.

...А ещё в городке много красивых девушек. На другом берегу речушки, впадающей в волжский залив, у подножия отрогов Жигулей, притулилось большое красивое здание из красного кирпича.

Раньше, до революции, здесь была земская управа, а сейчас размещается педагогическое училище. Оно единственное в области готовит учителей начальных классов. И поэтому в тихий городок дороги ведут девушек, будущих первых учительниц, не только из разных концов губернии, но даже порой из самых дальних уголков страны.

Начиная с сентября и до лета здесь шумно и весело. Каждую субботу в актовом зале устраиваются танцы. Правда, Павел был всего раза четыре в конце прошлого учебного года. Но сентябрь уже наступил, и он наметил – как только выдастся свободное время, сходит на вечер отдыха.

В пятницу утром до работы отгладил костюм, тёмно-синий, в полосочку, что купил ещё в Москве после демобилизации. Стрелки на брюках отутюжил так, что одно неосторожное движение – и запросто срежешься. В общем, вполне можно профорснуться перед будущими училками.

Но в конце дня план субботнего вечера рухнул. Павла вызвал к себе начальник милиции. Когда он вошёл в кабинет, Александр Фёдорович встал из-за стола, прошёлся вдоль окна. Потом достал из кармана пачку «Беломор-канала». Закурил. Затянулся раза два глубоко. И уже потом не спеша, подбирая слова, сказал:

– Павел Леонтьевич... (назвал по имени-отче-

ству, хотя обычно обращался: то Павел, а то и просто – Паша).

– В «медвежьем углу» объявилась банда. На её счету крупные дела: в сентябре разворовали два тока. Ограбили магазин. Сторож, видимо, оказал сопротивление. И они его убрали. В общем, терпеть их больше нельзя.

(Он помолчал, словно подбирая ещё что-то к подводке, но не нашёл и попытожил).

– Перед нами стоит задача: в короткий срок разоблачить бандитов и обезвредить. И ведущую роль в этом сыграешь ты.

– Как это? – от неожиданности само собой вырвалось у Павла. Но майор, словно не услышав вопроса, продолжал:

– Завтра с утра поедешь в гражданской одежде в Ясино. Там тебя встретит участковый Николай Иванович Колыбелин. Это один из самых опытных сотрудников в нашем районе. Он тебя и переправит в Краюшкино. Под видом приезжего родственника поселишься у местных стариков, надёжных людей. Поживёшь (сколько потребуется) у них. Потолкаешься в пивной, в сельпо, побываешь в лесхозе, на песчаном карьере. Установишь связь с нашим агентом. А постоянный контакт будешь иметь с Николаем Ивановичем. В случае чего, – он тебе поможет.

Предупреждаю: будь осторожен. (И тут же сделал оговорку). Но с другой стороны, – время не терпит: чем быстрее мы их возьмём, тем лучше, тем меньше ущерба они нанесут государству и людям. Вопросы есть?

– Вопросов нет, товарищ майор.

– Если нет, тогда ступай. Сегодня хорошенько выпись, отдохни, а завтра пораньше выезжай. Участковый тебя ждёт.

Шагая домой, Павел с сожалением вспомнил об отглаженном костюме. О стрелках на брюках, о которые «можно срезаться». Всё – и танцы, и девушки отодвигались в сторонку. В общем, почти как у лёгчиков: «Первым делом, первым делом – самолёты, ну, а девушки, а девушки – потом».

«Медвежий угол» (так называлось то лесное место, где располагалась деревня Краюшкино с прилегающими к ней малыми селеньями), Павел знал давно. Ещё в детстве с отцом ездил туда по каким-то хозяйственным делам. Да и слышал, что это самое отдалённое от райцентра, но и самое бойкое место. Рядом – леспромхоз, где работает немало сельчан, потом – песчаный карьер, – там добывают знаменитый кварцевый песок, из которого получается замечательный хрусталь. Сырьё идёт и по стране. И даже – за рубеж. К тому же недалеко от Краюшкино, всего в пяти километрах, – проходит железнодорожная ветка. И хотя станция относится уже к другому району, местные жители считают её

своей. И потому ездят на поездах во все ближние и дальние концы. И к ним тоже приезжают гости отовсюду, поэтому у милиционеров и считается это место одним из самых беспокойных, криминальных. Среди всевозможного приезжего люда встречаются нередко и такие, кто ищет не работу, а смотрит, чем бы поживиться за чужой счёт.

Ведь уважающий себя человек, обросший семьёй и хозяйством, не будет то и дело менять место жительства. «Летуны», как правило, – с криминальным прошлым. А такие люди быстро сходятся, сколачиваются в группы, в шайки, в банды. Вот, видимо, и новое тому подтверждение.

Костюм Павел повесил в шкаф. Что ж, в этот раз не пригодился. Но как только покончим с этим делом – обязательно достану его снова. И на танцы! – успокаивал он себя, хотя не знал ещё, как скоро это произойдёт: задание непростое, тем более в такой неординарной операции он участвует впервые. К тому же главная роль отведена ему, молодому оперативнику. По сути, он должен самостоятельно выйти на след преступной группы, выявить всех её участников и с помощью товарищей по службе обезвредить их.

Милицейскую форму Павел тоже спрятал в шкаф, чтоб не привлекать внимания.

И когда только-только начало светать, вышел из дома: нужно было поспеть на первый рейсовый автобус, а он уходил чуть свет.

Дорога из райцентра, словно скачет по холмам (с крутыми подъемами и почти отвесными спусками), поэтому старенький автобус, почти полный отдыхающих, полз до Ясино, до которого расстояние всего двадцать километров, целый час.

А участковый Колыбелин волновался, то и дело выглядывал в окошки: не появился ли на горе пассажирский транспорт. И, как только Павел переступил порог избы, он широко шагнул к нему, крепко пожал руку. Они друг друга знали, встречались в райотделе. Но всё ж близкого знакомства не имели. Правда, Павел был много наслышан о Николае Ивановиче. За долгую службу на его счету – множество раскрытых преступлений. Собственными руками задерживал самых отъявленных, матёрых преступников. И новая предстоящая операция, настоящее дело, вызывало у старого милиционера не удручённую озабоченность, а какой-то молодой азарт. Это Павел увидел в его загоревшихся, вспыхнувших глазах: живые искорки были видны в их глубине, пока обсуждались конкретные детали операции. В Краюшкине Павел должен был поселиться у местных стариков, живущих почти в самом начале села (третий дом от края). На все вопросы сельчан они будут говорить, что это дальний родственник с Урала, мол, разошёлся с женой, ушёл из дома и приехал сюда, чтоб устроиться на работу и вообще обустроить свою дальнейшую жизнь.

– Старики тебя там сами приоденут, найдут ненужную одежонку, – сообщил участковый.

Встретаться для координации действий решили через день. По ночам. Не доезжая села, в леске есть родник. Местные жители считают его святым, поэтому и называют Богомольным. По преданию, рядом с источником когда-то появилась икона Божией Матери. И потому с тех пор вода в ключе – чудодей-

ственная. Излечивает от многих болезней.

Именно здесь в десять вечера они и решили встретиться – подальше от людских ушей и глаз. Ведь пользоваться родником из-за атеистических соображений было строго запрещено.

Обговорили основные детали операции, наметили план на ближайшее время. Павел встал, чтоб отправиться в дорогу. Но Николай Иванович остановил: «Сначала позавтракай. Наверно, не успел перекусить – выехал рано».

Хозяйка собрала на стол: поставила исходящую паром молодую картошку, вырытую рано утром на огороде специально для гостя, достала полный балакирь молока, нарезала крупными ломтями мягкого, ноздрястого, домашнего хлеба, заварила чай, добавив свежих трав, – душицу и зверобоя. Павел с аппетитом позавтракал: в тарелке не осталось ни одной картофелины, а молоко в кувшине белело лишь на доньшке.

У Николая Ивановича была служебная лошадь, на которой он разъезжал по своим подшефным сёлам. Но в этот раз он не стал запрягать Звёздочку в двуколку и не повёз Павла в Краюшкино: это не ускользнуло бы от людских глаз и могло повредить операции. А проводил оперативщика к своему другу, леснику Максимычу. И объяснил, что дальний родственник его жены хочет доехать до Краюшкина, а ты, мол, как раз сегодня и собирался туда: захвати попутно.

Дорога в соседнее село грунтовая и поэтому разбита колёсами и во многих местах изрыта промоинами от дождей. К тому же, с обеих сторон её обступают сумрачные сосны. Они то подходят к дорожной ленте вплотную, то на несколько метров отодвигаются. Но и так и этак застыт своими вершинами небесный свет. На такой дороге встретиться с бандой – не разминуться.

Максимыч высадил Павла в начале села. А сам, приструнив коня ременными вожжами, затрясся в телеге дальше: лесхоз располагался на другом конце.

Калитка у ветхого домишки, качнувшегося от старости вперёд, была незапертой. Старики Макеевы были дома. И с порога стали приглашать его к столу. И хотя неудобно было чифраться, но Павел был сыт и потому категорически отказался от угощения. Сразу решил приступить к делу: предупредил стариков, чтоб – ни слова, что он из милиции. Никому: ни родственникам, ни соседям. Хотя об этом можно было и не говорить: хозяева были проинформированы Колыбелиным. К тому же они являлись людьми опытными и знали что к чему.

Потом попросил дать ему старую, поношенную одежонку, что попроще. Но дед с бабкой оказались дальновидней. Они рассудили так: Павел ещё совсем молод, и слишком старые вещи могут, наоборот, привлечь посторонние взгляды к нему. Поэтому выбрали, что поприличней.

В тёмном чулане на гвозде висел серый, почти неносеный, ненадёванный картуз. Нашли застиранную до белёсости, но ещё крепкую косоворотку. Отгладили тёмный пиджачишко и пришили к нему пуговицы (правда разные, но это было почти незаметно). Серые, в полоску брюки Павел подпоясал стареньким узким ремешком. Труднее оказалось

отыскать обувь. Самыми подходящими были признаны самодельные тапочки из брезента.

Павел посмотрел в зеркало. И не узнал себя: кажется, даже лицо изменилось. В нём проступили незнакомые, чужие черты. Из обрамлённого деревянными узорами зеркала глядел захудалый деревенский мужичишка: небольшого роста, с курносым носом и еле-еле видимыми веснушками. Правда, подводили, не гармонировали глаза. Они были, не потухшими и равнодушными, а, наоборот, взгляд сиял задором и отвагой. Молодость и кипучую энергию трудно спрятать, замаскировать. Но кто будет вглядываться в глубину глаз? Поэтому эта деталь не имела существенного значения.

Павел между делом спросил у хозяев, где находится клуб, пивная, магазин. (Обычно в этих местах в селе собирается народ, отсюда расходятся и все деревенские новости).

И вышел из дома. Было начало сентября, но некоторые цветы ещё пылали ярким летним пламенем: цикорий, донник, татарник. Правда, уже вовсю качалась на упругих стеблях своих рябинка или, по-другому, пижма, которая является верным признаком окончившегося лета.

И потому, хоть тепло ещё храбрилось изо всех сил, в нём уже чувствовался подступающий осенний холод. Но Павел со своим заданным юношеским максимализмом намеревался с заданием управиться ещё до осенних заморозков и основного листопада.

Тем более начались занятия в училище, и со всех сторон слетелись самые красивые девушки.

И главное – наверняка приехала самая симпатичная из них – Татьяна. Поэтому сентябрь в райцентре нисколько не грустнее летних месяцев. А наоборот, многоцветнее и веселее.

Но Павел вдруг спохватился: «Не о том думаю». И силой воли приглушил своё лирическое настроение, будто его и не было.

Первый обход села был тщательным. Павел прошёл по его, основным улицам.

Завернул в столовую, где было так накурено, хоть топор вешай. Почти за каждым столиком сидела группа подвыпивших мужиков. Они глотили пиво по третьему-четвёртому заходу, к тому же каждый раз доливали в пивные кружки водку, прихватившую с собой из соседнего магазина.

В общем, сидели хорошо. Стоял такой шум, гам, словно при весеннем прилёте грачей, когда они обустроивают свои гнёзда. А в магазине в тот час оказалось малоллюдно. И потому не слышно было громких разговоров и сплетен. Павел дошёл и до лесхоза, он располагался в лесу, на горке.

Чуть левее в лесную чащобу убегала другая дорога – не песчаная, а более накатанная и широкая. Павел догадался, что она идёт к карьере и на станцию. Но по ней не пошёл: будет ещё время.

С возвышенья на окраине села виден ток, окружённый со всех сторон длинными складами, сложенными из красного кирпича.

Клуб тоже виден. Он стоит в самом центре. И явно переделан из закрытой и порушенной в 30-е годы сельской церкви. После длительной прогулки Павел возвратился в приютивший его дом. Опустился тихий вечер.

Вскоре пастухи пригнали сельское стадо. Корова разбрелись по своим дворам с радостным мычанием. И зазвенели молочные струи по подойникам.

И после этого сразу же наступила теплая, непроглядная ночь. Где-то на другом конце села слышался голос гармошки, молодёжь сходилась в клуб, на танцы. Но Павел в клуб решил не ходить. Одежка совсем не клубная, не выходная. К тому же бандитов по ночам обычно клуб не привлекает. Они заняты совсем другими делами. (Хотя он здесь был не прав. И бандитов порой тянет повеселиться. Провальсировать под звуки хрипловатой клубной радиолы).

Павел сел пить со стариками чай. Но перед чаем тётя Груша достала из печи щи из свежей капусты, наваристые, напревшие, да пшённую кашу с молоком. В общем, ужин затянулся. Но Павлу то даже было на руку. Потому что и за едой времени попусту не терял. Исподволь, как бы между прочим, расспрашивал о селе, о его жителях.

И здесь жили такие же разные люди, как и в любой другой деревне. Были работящие и хозяйственные: у кого и дом крепкий, и скотины полон двор. Были и бездельники и лентяи, которые не только не любили работать, но и тянулись к выпивке. И дома у них были похуже, и дворы победнее. Имелись, как и везде, отъявленные хулиганы, которые стремились чесать кулаки с поводом и без повода. Особенно лихими драчунами считались братья Быковы. Если в очередной раз в столовой разразилась драка, можно было безошибочно сказать, что её главные закопёрщики – Быки (так их называли в селе).

Имелись и другие дебоширы. Но чтоб указать на кого-то пальцем и сказать: «Он бандит, он убил сторожа», – язык не повернётся. Вроде бы нет в селе таких отчаянных, чтоб по ночам устраивать разбой да грабежи. Тем более в деревне не скроешься, слух всё равно просочится: кто занимается нехорошими делами.

Но Павел не очень-то доверял этим стариковским предположениям. Преступники могут ловко маскироваться (к тому же если у них опытный главарь). Провернут всё так, что комар носа не подточит. Поэтому можно и не догадываться, что бандиты живут рядом, в соседях.

Обо всём этом Павел размышлял уже лёжа в постели. Было тихо и темно. Лишь однажды слышался у окон весёлый разговор парней и девочек, возвращающихся с танцев. Да где-то в отдалении вновь заиграла гармошка. Но почему-то сразу же смолкла. Может, гармонист оставшись наедине с девчонкой, забыл про двухрядку и пошёл со своей зазновой в обнимку. А может, наоборот, оказавшись один, хлопнул калиткой и подался спать. На том сознание застопорилось потому, что сон густым туманом окутал его и не отпускал до утра.

А проснулся Павел от солнечных лучей которые били прямо в сомкнутые веки. И даже сквозь них доходил до глаз. Поэтому под конец ему снилось что-то светлое. Он открыл глаза и вначале удивился, где это я? Запомнил, заснул, что вчера приехал в дальнее селенье Краюшкино.

И, вспомнив, спохватился: давно пора вставать. Пока он умывался на крыльце из оловянного ручейника захолодавшей за ночь водой, тётка Агра-

фена уже собрала на стол завтрак.

И хотя участковый предупредил, что хозяевам за всё заплачено (за проживание и питание), Павел почему-то поначалу каждый раз как-то стеснялся садиться за обеденный стол. Ему казалось, что он обедает бедных стариков. Но хозяева были так радушны и приветливы, что вся стеснительность вскоре пропала, испарилась. И он чувствовал себя как долгожданный родственник. Позавтракав, он приступил к намеченному ещё вчера плану. Надо хорошо изучить дорогу к роднику, чтобы ночью не заблудиться и не сорвать встречу. Потом освоить столовую-пивную. Хмель развязывает языки. И там можно собрать ценную информацию.

Дом – третий с краю. Потому до леса – рукой подать. Сразу за околицей тропинка уходит влево и петляет мимо овражков и вымоин. Уводит к запретному месту, к святому роднику. Каждый раз, в престольный праздник, когда народ с бидонами стремится попасть к целительной воде, вокруг выставляется оцепление из дружинников и других активистов-атеистов. (А порой и милиция на помощь подъезжает). Плотные кордоны зорко следят, чтоб ни один паломник из Краюшкино и других близлежащих сёл не просочился сквозь живую цепь к духовному «дурману».

Всякому местному жителю путь сюда был строго заказан. Но это как раз на руку Павлу, потому что он может не опасаться, что кто-то сумеет подсмотреть или подслушать. (Хотя всё же были смельчаки, которые, несмотря на запрет, приходили к живонской воде).

Тропинка, идущая вначале по ровному месту, вдруг, словно гибкий ивовый прут, прогнулась и плавно пошла вниз. Сначала Павел услышал звонкий голос воды, а потом открылся и сам источник. Он вырывался мощной струёй из неширокой прожарившей трубы и потом по белым камешкам бежал по дну оврага, который выйдя из леса тянулся вдоль опушки. Со стороны Ясино к роднику подходила заросшая травой, но всё ж угадываемая дорога. По ней и должен был приехать на своей двуколке участковый. Павел прошёл немного ниже по течению: русло было неухоженное, заросло татарником и чертополохом. Родник с чистой, как слезинка, водой заброшен и забыт. И жалко, что такой хрустально-чистой водой никто не пользуется.

Увидев и закрепив в памяти место встречи, Павел теперь в любую самую кромешную тьму мог безошибочно отыскать этот заповедный уголок.

Не заходя домой, он отправился напрямик в столовую, где по случаю воскресного дня народ собирается с утра пораньше. В помещении было накурено. Но синяя дымная завеса казалась не такой густой и непроницаемой. И ещё видно с порога, что не все столики заняты. Павел облюбовал тот, что у окна и прямо напротив двери. Во-первых, можно обозревать улицу, а во-вторых, хорошо видно, кто заходит и выходит.

Больше для маскировки (он не любил пиво), Павел протянул деньги буфетчице за кружку пенящегося напитка. Та, резко отвернув кран, чтоб струя была сильной и больше получилось пены, набуравила ему пивную ёмкость. И он, как заправский выпивоха, уселся за выбранный столик.

Время шло, и столовая всё больше наполнялась народом. Гуще повис дым под потолком,

Громче становился гул от пьяной болтовни. Но все эти разговоры для Павла были пустыми, бесполезными: не несли никакой ценной информации. Собеседники или похвалялись чем-то друг перед другом, или выясняли степень уважения к себе собутельника, задавая неизменно один и тот же вопрос: «Ты меня уважаешь?».

Павел для себя отметил, что среди женщин легче выудить ценную информацию. Они за короткое время поведают о всех слухах и сплетнях, что диву даёшься, каким образом они их раздобыли. А здесь битый час сидишь, изображая из себя потёртого жизнью типа, склонного к алкоголизму, а результат равен нулю. Хотя кое-что Павел всё же узнал: в пивную сейчас больше заходят рабочие с леспромхоза и с карьера, сельчане – на сельхозработках. Хотя есть исключения. Зашли пропустить кружечку-другую брата Быковы. Павел был уверен, что это они. Потому что точь-в-точь совпадали с тем, как описали их старики: упитанные, ростом под матицу с кучерявыми шевелюрами и на одно лицо, – похожие как две капли водицы. Наглотавшись пива с размешанной в нём водкой, они пытались затеять ссору, но мужики быстренько увели с глаз долой их соперника. И шум приутих. И Быковы не стали больше засиживаться, с досадой махнув руками, что драка не состоялась, хлопнув дверью, вышли на улицу. А в столовой продолжалось всё своим чередом. Правда, однажды вошёл молодой чернявый мужик с двумя друзьями, шедшими на полшага сзади. По столикам пробежало: «Серёга... Серёга пришёл». Все стали приглашать новеньких присоединиться к их застолью. Но те, пожимая руки в знак благодарности, сели за отдельный столик. Выпили по кружке пива и потом так же внезапно, как и пришли, исчезли. Павел хотел спросить соседа по столу: кто такие? Но тот так наклюкался, что не поднимал головы.

Допив кружку пива, Павел вышел из прокуренного помещения. На сегодня достаточно.

Голова трещала от табачного дыма и нескончаемого пьяного гула, что вместе с дымом висел день-деньской в столовой.

В небе над головой светило солнышко, но на западе, над лесом, грудились чёрные тучи. Поэтому пришлось прибавить шаг: ещё не хватало, чтоб нахлестал дождь, в чём тогда завтра выходить: для маскировочной сряды замены нет.

Но он всё же забежал в сельмаг. А там привезли из города пышные караваи пшеничного хлеба.

И за ними – очередь. Павел такого хлеба ещё не видел. Караваи белые-белые, сверху с золотистой корочкой. А такие мягкие: если нажать сверху, то до дна прожимаются. А отпустишь – тут же восстанавливают прежнюю форму. Конечно, белый хлеб и в деревенской пекарне пекли (именно его подавала на стол тётя Груша). Но всё же был он не такой, а тёмный и плотный.

И Павлу подумалось: «Удивительно это: деревня растит хлеб, а сама его, по-настоящему высококачественного, не видит. Какая-то несправедливость...».

Хотелось сельчанам протведать городского калача и в первую очередь побаловать детей.

Да только по их деньгам это удовольствие доро-

говато. Поэтому и покупали бабы эту диковину понемногу. Кто половину, а кто и четвертинку просил отрезать.

Павел постоял у витрины, будто размышляя, что купить, а сам прислушался, о чём говорят.

Говорили о домашних заботах: о картошке, которую пора копать о помидорах, которые почему-то в этом году плохо зреют... И ни единого слова об интересующем его деле. Но в нём вскипала злость не на женщин, а на бандитов. Они, наверное, жрут калачи из ворованного зерна каждый день. А честные люди покупают этот калач по четвертинке. И ему захотелось побыстрее завершить операцию. Павел вышел из магазина и взглянул на небо: как быстро примчались тучи. Они висели над околицей, у окраины села. Там уже была развешана частая сетка дождя.

Ливень настиг его у самой калитки. Он открыл дверь и услышал, как крупные капли забарабанили по крыше. Еле успел нырнуть в сени. Дождик теперь был уже не страшен. Хотя затяжной, он был ни к чему: вечером – условленная встреча с участковым. А идти в лес под проливным дождём – непривлекательная перспектива. Хотя, если посмотреть с другой стороны, – в дождик меньше на улице людей.

Дождь быстро прошёл: застучал по окнам реже, реже, а потом и вовсе иссяк. Даже выглянуло солнышко. Правда, совсем ненадолго, потому что нижним краем уже прикасалось к горизонту.

И лишь на мгновенье успело показаться из-за поредевших туч и тут же спряталось до утра за дремучими сосновыми лесами.

Время тянулось медленно. Давно уже отужинали. И заняться было совершенно нечем. Чёрный картонный репродуктор на стенке был неисправен: изъяснялся, словно заика, а порой и вовсе –

отключался. Но вот часовая стрелка на ходиках перевалила через цифру девять. И Павел решил выйти из дома пораньше. Правда, не сразу направился за околицу. А посидел на скамейке у палисадника. Сентябрьская свежесть, словно струилась с тёмного неба, от хрустальных звёзд. И в этой ранней осенней прохладе все ночные звуки были особенно отчетливы и звонки: на одном конце села, ближе к холмам, слышался ленивый лай собаки, на другом – у леса, заливались частушечьим весельем девичьи голоса. И от этого на душе делалось хорошо и покойно. И опять припомнилось, что после операции он вернётся в райцентр. И в первый же выходной день обязательно пойдёт на танцы в педучилище... Но пора. Павел, миновав последний дом, вышел на тропку, которая, забирая влево, обходя овражки и канавки, всё ближе подбиралась к лесу.

Среди деревьев было намного темнее, чем на вольном просторе. Тропа стала резко уходить вниз. И Павел сразу заметил движение. Вгляделся: в стороне от родника в синих сумерках проявлялся нечёткий силуэт лошади, запряженной в двуколку. Это была лошадь участкового.

И Павел уже хотел увеличить шаг, как вдруг услышал голоса. Он внимательно вгляделся: у родника на пенёчках сидели двое и вполголоса о чём-то переговаривались. Павел притаился за могучей ветлой, которая тёмным облаком нависала прямо над водой – звонкой, хрустальной струёй. Но его, видимо,

тоже заметили, и знакомый голос участкового позвал: «Паша, спускайся, свои». Павел перепрыгнул через неширокое русло ручья и очутился рядом с говорящими. Один был участковый. А второй – незнакомец. Поздоровались за руку. Участковый, не выпуская руку Павла из своей, сообщил: «Это наш помощник Виктор Чекмарёв. Он местный житель. Всех здесь знает. О каждом может поведать, кто чем дышит. Будешь с ним держать контакт».

Видимо, от волнения, сельчанин закурил и при этом зажженной спичкой осветил на миг своё лицо. И Павел вдруг вспомнил, что он его уже видел. Вчера. В столовой. Да, да. Он сидел за его столиком. Павел ещё хотел спросить что-то. Но тот казался таким пьяным, до невменяемости.

И тут оперативник понял, что сосед был вовсе не «подшофе». А просто делал вид, что набрался сверх меры. Видимо, проверял его. Увидел, что в столовой появился незнакомец. И решил проследить за ним: кто такой да откуда.

Вероятно, и агент узнал вчерашнего новичка, коротавшего целый день за кружкой пива. И ему, кажется, было сейчас неудобно, что принял сотрудника милиции за подозрительного типа.

И поэтому он старался молчать. В основном говорил Николай Иванович: «Виктор рассказывает, что в селе есть две группы, которые следует взять на учёт. Одна здесь, в самом селе: это братья Быковы и их дружки. И вторая в посёлке, на карьере. Там подобралась лихая братва, от которой нет прохода никому. А предводитель у них – Сергей Махалов.

– Это не тот ли парень, который заглядывал в пивную? – спросил Павел.

– Именно, он, – Серёга, – подтвердил Чекмарёв.

Почему-то тупые, без заметного интеллекта лица братьев Быковых – не очень-то вызвали подозрение. Для проведения разбойных операций нужна была какая-никакая смекалка, сообразительность. Необходимо не просто разработать план, но самое главное – воплотить его так, чтоб всё было шито-крыто. Быковым это явно не под силу. Поэтому интуитивно старший лейтенант понимал: если искать, то надо начинать с того разбитного и знающего себе цену парня.

Конечно, порой, интуиция обманывает.

– В общем, Виктор, – обратился оперативник к агенту, – твоя первейшая задача сейчас – войти в доверие к Махалову. Выяснить, во что бы то ни стало, причастен ли он и его дружки к разбоям на токах и убийству. Если всё это подтвердится, то нужно не отходить от них ни на шаг, разыграй рубаху-парня, своего в доску. Если позовут на дело, не раздумывай, соглашайся. Делай, что скажут, чтоб не вызвать ни малейшего подозрения. Как с помощника милиции с тебя потом снимается всякая ответственность. Об одном лишь предупреждаю: ни в коем случае не иди на мокрое дело. И сам предприми всё возможное, чтоб не пролилась кровь. Иначе здесь тебе никто не поможет... Тот поднялся по тропинке в гору, прошёл вдоль редких деревьев и вышел на открытое место. И только тогда участковый поведал Павлу историю его вербовки.

...В прошлом году совхоз на дальнем поле у леса вырастил великолепный подсолнечник.

Глянешь с пригорка и кажется, – тысяча солнц

шек смотрит снизу вверх. Такая красота, что сердце замирает. Но ближе к осени подсолнухи словно загрустили, уставились в землю. И даже не тянулись взглядом за плывущим в небе солнцем: голову не поднять. Здесь и начались набеги местных жителей на подсолнуховое поле.

Ночью, замаскированные темнотой, они безжалостно срезали созревшие шапки и набивали ими мешки. А дома шелушили семечки и сушили на печке. А перед самым употреблением калили на сковороде. (Иногда с добавлением капельки подсолнечного масла). И получалось неповторимое лакомство, без которого российский человек почти не мыслит своего существования. Потому что повсюду: и дома в длинные зимние вечера, и в сельском клубе он щёлкает, грызёт семечки.

Руководство совхоза пожаловалось на воров участковому. И Николай Иванович решил устроить засаду.

В тёмный августовский вечер он схоронился на опушке леса, в частом подлеске, откуда хорошо просматривалось всё поле. И стал ждать.

И вдруг затрещал мотоцикл. По звуку милиционер определил: ИЖ-49. А таких мотоциклов в селе всего два: у Саньки Кошёлкина и у Витьки Чекмарёва. Мотоциклист, ничего не подозревая, подъехал прямо к меже. И оставив мотоцикл недалеко от дороги, вошёл в подсолнуховые заросли, словно в диковинный лес. Слышно было, как шуршанье уходило вглубь поля.

Николай Иванович вышел из засады и подошёл к мотоциклу. И стал терпеливо ждать, когда вернётся его хозяин. По номеру на заднем крыле определил, что это техника Чекмарёва.

Хозяин с набитым, большим, крапивным мешком на плече вышел в пяти метрах от своего мотоцикла. И уже хотел опустить на землю свою тяжкую ношу, как вдруг на свободное левое плечо легла тяжёлая, крепкая рука. И тихий, но властный, не терпящий возражения голос произнёс: «Что, тяжело? Может, помочь?».

Чекмарёв сразу узнал местного участкового. И сердце улетело куда-то далеко вниз, будто провалилось в пропасть.

«Ну, что, грабитель, попался, – уже без всякой иронии произнёс милиционер. – Неси мешок в мою двуюлку и поедем в сельсовет, составим протокол. А завтра я тебя в район отправлю, в КПЗ. Посидишь там, а потом – суд. Как минимум тебе лет пять впаяют. В общем, узнаешь почём фунт лиха. Забудешь, как зариться на государственное народное добро».

Чекмарёв взмолился: «Николай Иванович, прости Христа ради, бес проклятый попутал. Никогда чужого не брал. А это как будто в голове помутнение получилось. Дай, думаю, съезжу за подсолнухами, чтобы зимние вечера было веселее коротать... Ребятишкам забава. Да и жена любит пощёлкать, за семечками посумерничать». Он замолчал, потом в отчаянии махнул рукой: «Эх, съездил, называется...».

Чувствовалось, что мужик напуган своим тюремным будущим. Слишком мрачную перспективу нарисовал ему участковый. Вор даже, может быть, и заплакал. Но в темноте слёз не было видно.

Хотя раза два он провёл по лицу рукавом, словно утираясь.

Николай Иванович, почувствовав, что сельчанин по-настоящему пришёл в уныние, – умалил напор. И уже другим, более податливым тоном проговорил: «Не знаю, не знаю, что делать, но за преступление надо расплачиваться...».

Чекмарёв, услышав в голосе милиционера слабинку, взмолился с пущей страстью:

«Николай Иванович, прости, детей пожалей, ведь трое на руках и все ещё малые. Чего хочешь отдам, но не губи...».

«Мне от тебя ничего не надо», – отрезал уполномоченный. Но немного помолчав, он примирительно заявил: «Хотя есть, что может спасти тебя».

Чекмарёв, хватаясь за слова, как за соломинку, начал тараторить: «Николай Иванович, всё сделаю, что скажешь. Только прости».

«Тебя может спасти лишь одно: если ты согласишься нам помогать», – твёрдо определил единственное условие компромисса участковый.

«Как это?» – опешил Чекмарёв.

«Как, как... Очень просто, – обыденно, словно это самое что ни на есть рядовое дело – помогать милиции, – ответил Колыбелин, – будешь сообщать обо всём подозрительном, а для этого входить в доверие к преступным элементам, чтоб выудить у них нужную информацию. Можешь даже для пользы операции участвовать и в их делах – тебе за это ничего не будет, ведь ты выполняешь наше, особое задание».

К тому же эта помощь не бесплатна. Ценная информация будет по достоинству оценена.

Короче говоря, за каждое важное сообщение ты получишь деньги. И надо сказать, неплохие, – кругленькую сумму. В общем, решай...».

Чекмарёв ещё со школьных лет усвоил что «стучать» – это плохо. Правда, учителя, когда надо было раскрыть какой-то проступок, прибегали к иным формулировкам. Они говорили, что покрывать нарушителя дисциплины – это ничто иное, как ложная дружба. И однажды, поддавшись этой демагогии, Витька выдал своего лучшего друга, рассказав, что это именно он разбил стекло в соседнем классе. Правда, тот до их пор не знает, кто его заложил.

Пока это воспоминание о школьной поре прокручивалось в сознании, словно чёрно-белый фильм, Виктор держал паузу. А потом вдруг спохватился: а вдруг участковый передумает и снова затростит о протоколе. И торопясь, еле понятной скороговоркой, он затараторил: согласен я, согласен, Николай Иванович».

– Ну, если согласен, тогда сейчас напишем расписку, – он сказал: «напишем», как будто они вдвоём, вместе будут выводить букву за буквой...

По сути, так и вышло: хотя под светом мотоциклетной фары ручкой водил Чекмарёв, но всё же (чтобы все формальности были соблюдены) писал он под диктовку участкового. В расписке говорилось, что Чекмарёв добровольно изъявляет желание сотрудничать с органами милиции, обязуясь сообщать о всех криминальных происшествиях, которые произошли или могут случиться в селе. Сообщать обо всех подозрительных приезжих и т.д., и т.п. Прочитав внимательно бумагу, Колыбелин аккуратно сложил её вчетверо и запрятал в свой кожаный планшет, который всегда висел у него на плече.

– А мешок с подсолнухами забирай себе. Считай его авансом за будущую помощь в раскрытии преступлений, вдруг раздобылся участковый. Чекмарёв не поверил ушам своим. Но всё же осторожно поднял ношу и положил её на бензобак впереди себя. И уже стал заводить мотоцикл, как милиционер остановил его:

– Подожди минуту. О расписке и вообще обо всём, что здесь произошло, никому ни слова – ни полслова. Даже жене...

Об этом должны знать только ты и я, – он пожал ему руку на прощание.

– А теперь езжай. Мотоцикл затарахтел. И с дрожанием из-за ухабов и кочек лучом света от фары медленно покотил к селу. Но отъехав немного, мотоциклист резко увеличил скорость.

Чекмарёв мчался во весь опор, несмотря на дорожные неровности, словно хотел побыстрее укатить от этого злополучного места, чтоб всё забылось, запорошилось в памяти. Но куда теперь убежишь...

Николай Иванович отвязал лошадь от молодой берёзки. Вывел её на дорогу и, легонько дёрнув вожжой, не приказал, а как бы попросил:

– Ну, поехали.

И лошадь, чувствуя в голосе добрую нотку, затрусил по мягкой, пыльной дороге к дому.

Колыбелин был доволен. Нынешний день оказался удачным. Не каждый раз получается завербовать агента. Да к тому же не тихоню, сторонящегося людей, а боевого мужика, который в любой компании не последний. И потому не вызовет подозрений в самой отъявленной криминальной группе.

...Обо всём этом участковый поведал Павлу, как только Чекмарёв выбрался из овражка и когда до него не могло долететь ни единого слова из их разговора.

И Павел рассказал участковому, где был, что делал. И с сожалением заключил, что ничего существенного не выявил. Решили, что он должен продолжать оперативно-разыскную работу.

Бандиты гнездятся именно здесь. Некоторые жители, взятые на заметку, возможно, причастны к преступлениям. Нужно тщательно проверить их. В общем, поиск идёт по правильному пути.

Дальше – больше, и неопровержимые факты отыщутся. На том и порешили. Крепко пожали друг другу руки. И расстались.

Участковый дёрнул за вожжи: «Ну, милая!».

Милицейская кобыла, привыкшая ко всем временным и погодным условиям, в густой темноте, чуть разбавленной лишь робким светом дальних звёзд, безошибочно отыскала еле заметную, заросшую травой-муравой дорогу. И деловито зашагала по направлению к родному дому, зная, видно что до него – не ближний свет... Утро выдалось ясным и тёплым. Зелёная трава – птичий горец – перед домом была в сизой, седой росе. А это значило что в небесной канцелярии дождей на ближайшее время не намечается.

Павел облачился в свой «маскарадный» костюм. И первым делом направился на песчаный карьер (где, по сообщению Чекмарёва, служил Сергей Махалов), будто бы для того, чтобы устроиться на работу. В отделе кадров ему сообщили, что рабочие места имеются. Можно устроиться на трактор, можно – на

экскаватор или в бригаду бутоломов, где бригадир – Сергей Махалов.

– А можно в бригаду? – сразу оживился Павел. – на технике я работать не обучен, а это мне подошло бы...

– Можно, но только сейчас нет бригадира, – ответила полная женщина с завитыми мелкими кудряшками.

– ?!

– Он сегодня не вышел, заболел.

– А когда же мне прийти?

– Загляните через недельку. За этот срок, наверное, выздоровеет. Сначала с ним надо переговорить, выяснить, подойдёте вы ему или нет.

Павел повернулся и вышел из конторы. А в голове крутилось: чем же это он заболел? Ведь только вчера видел его в пивной живым и здоровым и никаких симптомов заболевания не было.

На обратном пути зашёл в столовую. Был разгар дня, в помещении толпился народ.

Оперативник диву давался: идут сельхозработы, а здесь полно рабочего люду. Павел, как и в прошлый раз, купил кружку пива, уселся за столиком у окна. И стал прислушиваться к разговорам.

Они были бессодержательными и пустыми. От одного столика то и дело доносилась пьяная фраза: «Ты меня уважаешь?». За другим собеседники похвалялись друг перед другом, сколько за один присест могут выпить кружек хмельного напитка. Но вдруг краем уха Павел уловил брошенные слова о мёде и пасеке. А подытожила их многозначительная фраза: «Теперь поедят медку...». И больше разговор не возобновлялся.

Вроде бы в этом не было ничего особенного, сейчас время такое: земля одаривает людей своими плодами – хлебом, яблоками, мёдом... И всё же интуиция застопорила его внимание на этом разговоре. И, как оказалось, неспроста...

В столовой Павел просидел ещё часа два, делая вид, что он страстный любитель пивоваренной продукции. Хотя, если присмотреться, то можно было заметить, что он вовсе не пьёт, а только делает вид... Но какой пьяный, затуманенный алкоголем взгляд мог уловить это?.. Павел вышел из столовой, дымной от курева и шумной от бестолковой болтовни. И направился к дому.

На душе было беспокойно и мутно. В селе он находится несколько дней, но, по сути, пока ещё ничего не выявил, не узнал. И от этого поднималась в душе волна неудовлетворённости. ...Старики весь день пропадали на огороде, копали картошку. Павел удивился такому рвению: ведь можно было бы убирать понемножку, постепенно. Но тётя Груша объяснила: «Мы, милый, и так роем в день по чайной ложке – сил-то уж нет. Но боимся, что дожди пойдут. В позапрошлом году бесперечь поливали и половина картошки осталась в земле». Павел принялся помогать старикам. Носил с огорода на погребницу затаренные мешки.

Насыпал три ведра картошки, взваливал на плечо и по тропинке в сарайчик, где и располагался погреб. До сумерек насыпал целую гору. Но тьма сгушалась, и работу пришлось прекратить. Пока умывались, пока закипал самовар, становилось всё темней. Не успел Павел допить чашку чая, как в

окно постучали. Тётка Аграфена отодвинула занавеску, но в кромешной темноте никого не было видно. Тогда хозяин вышел во двор. И быстро возвратился: «Павлуша, Николай Иванович приехал, тебя зовёт». Сердце ёкнуло, метнулось куда-то вниз: значит, что-то случилось. Павел выбежал из дома. Милиционер ждал его на крыльце. Они крепко пожали друг другу руки. И Николай Иванович, немного помолчав, промолвил: «Опять ЧП, в Боярке ограбили пасеку и убили сторожа. И вдруг Павел вспомнил случайно услышанную фразу в столовой о пасеке. Значит, подельники именно отсюда, потому что информация не могла так быстро распространиться из Боярки, которая от этих мест за сорок километров.

– Почерк тот же, что и в прошлых грабежах. Подъехали на грузовике. Набросились на сторожа.

Но он, видимо, оказал сопротивление и его зарезали.

Потом из родника таскали ведрами воду и заливали ульи, чтобы пчёлы не жалили. Погубили всю пасеку, все 150 ульев. Кочетков приказал не медлить, а положить все силы, чтоб бандиты в ближайшее время были изобличены.

– Сегодня я был в карьере. Узнавал насчёт работы в бригаде бутоломов. Но мне пока отказали. Махалов не вышел сегодня, оказался больным.

– Это подозрительно: заболел почему-то сразу после ночного налёта в Боярке.

– Я уточню, в чём дело, схожу к нему прямо домой.

– Это рискованно.

– Но у нас рассусоливать времени нет. Хорошо бы сейчас переговорить с Чекмарёвым. Какие у него новости.

– Нет, сегодня его трогать не будем, чтоб случайно не навлечь подозрения. Завтра он должен выйти на встречу, тогда обо всём и расспросим. Кстати, ты пойдёшь к роднику один. У меня завтра дежурство в райотделе.

А с Махаловым будь осторожен. Сердцем чувствую, что он и есть главарь шайки. Колыбелин Помолчал. Потом заговорил снова:

– Вот пока и всё. Я поеду, – он пожал Павлу руку. – Всего тебе доброго.

Павел проводил участкового до калитки. Ко двору не стал выходить, чтобы кто-то случайно не увидел их вдвоём. Через некоторое время глухо застучали копыта о мягкую грунтовую дорогу и за скрипело несмазанное колесо.

Утром Павел поднялся, как всегда, рано. Ополоснулся на крыльце из умывальника, остывшей за ночь водой. По-быстрому позавтракал. И отправился в посёлок, где жили рабочие с карьера.

Селенье небольшое. И первый встречный указал, где проживает Махалов. Дом стоял на другом конце, самый крайний от леса. Огород с двух сторон (и городить не надо) обступили высокие сосны. У дома играли двое детей: девочка лет семи и мальчик лет шести. У обоих в руках большие ломти белого хлеба. К тому же калач полит густым янтарным мёдом. Павел подумал про себя: обнаглел Махалов, уже никого не стесняется, не боится.

– Папка дома? – обратился он к детям.

– Дома, – отозвались они и тут же убежали во двор, скрывшись за калиткой.

Павел пошёл вслед, но не успел пройти двор, как из сеней вышел тот самый Серёга, который привлёк его внимание в столовой. Из-под накинутого на плечи пиджака выглядывала тельняшка.

Но даже не это бросалось сразу в глаза, а то, что правый глаз у него сильно распух.

– Я к вам, – опередил вопросы Павел, – хочу устроиться в бригаду.

– Ну и приходи на работу, а не домой, – грубо отреагировал на это сообщение Махалов, – здесь же не отдел кадров.

– Да я как раз из отдела кадров и иду. Там сказали, что нужно ваше согласие.

– Да, у меня в бригаде недостаёт трёх человек. Выйду на работу, тогда и заявляйся.

– Видите ли, я приехал издалека к дальним родственникам. С собой нет ни копейки. А объесть стариков – совесть не позволяет. Поэтому я сразу хотел устроиться, чтоб не быть обузой и с голоду не умереть.

– Ты мне жалобные байки не рассказывай. Когда отудоблю, тогда и приходи.

– А когда приходиться-то, хотя бы примерно?

– Не видишь, расшибся: на мотоцикле позавчера ехал и в канаву попал. Не явлюсь же я с распухшим глазом и зашибленной ногой. Здоровье-то дороже.

Павел чувствовал, что Махалов специально разоткровенничался: мол, глаз у него распух оттого, что упал с мотоцикла. Но оперативник видел, что явно не ушиб, а результат пчелиного нападения. А отсюда вытекает, что Махалов участвовал в разграблении пасеки. И, вероятно, был организатором этого нападения. Сомнений не оставалось: его нужно арестовывать, ведь улики налицо, вернее, на лице. Но сейчас, в данный момент, ничего не оставалось делать, как повернуться и уйти. Разговор был окончен, и по недовольному виду хозяина не предполагалось его дальнейшего продолжения. Да Павлу больше ничего и не нужно было. Он выяснил, почему Махалов не явился на работу. И почти полностью убедился, что он явный участник грабежей.

До вечера Павел снова помогал старикам рыть картошку. Но на сердце было тревожное нетерпение: когда стрелки сдвинутся к десяти часам, когда надо будет идти на встречу с Чекмарёвым.

За ужином он почти ничего не ел. И в десятом часу вышел из дома. Немного посидел на лавочке у палисадника. И, убедившись, что всё спокойно, что прохожих на улице нет, пошел на конец села, вышел за околицу, завернул влево и направился по тропинке к роднику.

Прошёл увядший, пожухлый луг и стал спускаться по склону овражка к роднику, зорко всматриваясь, что впереди. Но у родника никого не было. «Неужели обманул, не пришёл?».

Павел застыл в растерянности перед пустынным родником. Стояла глубокая тишина, и звон воды не нарушал, а, наоборот, подчёркивал её глубину. И вдруг из-за дерева неожиданно вышел Чекмарёв. Павел инстинктивно вздрогнул. Чекмарёв протянул руку: «Здравствуйте, Павел Леонтьевич!».

– Здравствуй, здравствуй, Виктор, ну, рассказывай, что у тебя новенького, – сразу перешёл к деловому разговору оперативник. Чекмарёв тоже начал

с вопроса: «Какие новости? Всё подтверждается: Баклан, то бишь Сергей Махалов, убил пасечника... Он главарь банды.

Подручник, ну, помощник у него Кудряш, то есть Санька Кудряшов. А всего в банде двенадцать человек. В основном из бригады бутоломов. Но четверо из Краюшкино. Все разбои и грабежи – это их рук дело. В ночных поездках используют они карьеровский грузовик «ЗИС-5». Вчера ездили в Кочетовку, но ток в этот раз ограбить не удалось. Там было полно народу. Поэтому развернулись и уехали несолоно хлебавши. А на обратном пути нам повстречался на лошади Николай Иванович. Правда, он не пытался остановить машину, проверять, куда едет, что везёт.

– Правильно сделал, – как-то само собой вырвалось у Павла, – в такие тёмные ночи лучше не лезть на рожон, тем более если едешь один.

– Да это верно, – но даже и так он был на волосок от смерти. Баклан, возвращаясь с пустыми руками, был зол. Увидев двуколку участкового, он пришёл в ярость: мол, сейчас мы тебя, легавый, здесь и похороним, чтоб не мешал жить.

А место действительно глухое: с одной стороны непролазный лес, а с другой – тоже не пройдёшь: глубокий овраг, заросший осинником и березняком, канул бы и прикопали где-нибудь или в балку спустили. И тысячу лет бы не отыскали...

Я схватился за обрез и вёл ствол в сторону. Он на меня рыкнул, но потом притих, успокоился.

Да и далеко уже уехали, выстрел из обреза не достанет.

– Ты правильно всё сделал, – попытожил Павел и тут же продолжил разговор, – а почему у Махалова правый глаз распухший?

– Да это от пасеки ещё осталось. Видимо, в один улей мало воды плеснули, вот пчёлы и взяли в оборот. Да они почти все с опухшими глазами ходят.

– А как ты к ним так быстро в доверие втёрся?

– Да я и не «втирался». Просто с некоторыми с детства дружу и знаю их как облупленных.

Сами предложили: «Поехали с нами». Как говорили, делал всё, что они приказывали, лишь на мокрое дело не шёл.

– Молодец, – он ещё раз пожал агенту руку и тут же задал ему следующий вопрос. – Сколько их человек, и их фамилии?

Да я вот всех переписал, здесь все двенадцать человек, – Чекмарёв протянул Павлу клочок бумаги.

– А вот этого лучше бы не делать, нужно держать имена в памяти. Не дай бог, обронишь...

Надо быть осторожней.

Список Павел положил в карман.

– Задание остаётся прежним. Если позовут, езжай с ними. Чтоб не обнаружить себя, встречаться пока не будем, когда это потребуется, я или Колыбелин дадим тебе знать. Ну, вот, пока всё.

Вопросы есть?

– Нет.

– Ну, тогда тебе всего доброго. Иди первый, я немного погодя.

Чекмарёв небольшого роста, но крепкий, коренастый мужик, быстро выбрался из овражка.

Тогда и Павел пошёл неторопливо по тропинке, удаляясь от звенящего и день и ночь без умолку святого родника. Шагал он неторопко, но зато мысли в

голове роились как быстрокрылые пчёлы.

Он понимал, что оставаться ему в селе нет больше необходимости. Банду нужно брать и как можно быстрее, чтоб не успела натворить ещё кровавых дел.

Конечно, безопаснее – дождаться утра. И завтра на попутном транспорте добраться до Ясино, до Николая Ивановича. А он поможет побыстрее доехать до райцентра. Но Павел решил идти прямо сейчас: зайти к хозяевам, попрощаться поблагодарить за всё, переодеться в свою одежду и по лесной дороге – в соседнее село.

Узнав о намерении своего постояльца, тётя Груша заохала: «Да куда ты в такую темень-то пойдёшь? Вон что творится: бандиты везде рыскают. Дождись утра...».

Но Павел уже принял решение. Да к тому же здесь не так далеко: всего восемь километров, меньше чем за два часа можно добраться, а если идти быстрым шагом, то и того быстрее.

...Звёзды, чем темнее становилась ночь, делались ещё крупнее и ярче. Они светились, сверкали на чёрном фоне неба, словно драгоценности. Воздух был чист и свеж, словно родниковая вода: дневная пыль осела, а ночью её некому поднимать. А когда дорога нырнула в лес, в царство прямоствольных сосен, то и вовсе потянуло целебным хвойным настоем.

Шагать по мягкой лесной дороге легко и как-то весело. Наверное, потому, что задание, по сути, выполнено. Оставалось лишь задержать преступников. Аккуратно, без шума. Павел замечал, что при длительных прогулках на свежем воздухе особенно хорошо и легко думается. И мысли приходят светлые, радостные. Вот и сейчас на смену думе о завершении операции ворвались радостные, щекочущие сердце мечты о том, что после возвращения в райцентр в первый же субботний вечер он пойдёт в педучилище на танцы. И обязательно встретит там Татьянку. И весь вечер будет танцевать только с ней. А после пойдёт провожать её до дома, где она снимает комнату.

Он ясно видел, как они идут по волжской набережной, где слева ласково и вкрадчиво шепчутся набегающие волны, а справа сгибаются от спелых плодов яблони.

Павел размечтался и чуть-чуть не попал впросяк. Впереди дорога круто брала вправо. И именно оттуда на частых, высоких соснах, словно на сплошной стене, запрыгали яркие зайчики от зажжённых фар идущего автомобиля. Сквозь густоту леса пробивался и ровный рокот мотора.

Павел еле успел свернуть с дороги и схорониться за частоколом подлеска, как солнечные зайчики по соснам побежали, запрыгали в его сторону огни. Это значило, что машина вывернулась из-за поворота. «ЗИС-5» с брезентовым пологом над кузовом, сравнялся с оперативником. Павлу послышались из-за брезента голоса. Он понял – едут бандиты: «Снова куда-то мотались – то ли на разведку, то ли на очередной разбой». Хорошо ещё успел уйти с дороги. Попался бы на глаза Махалову, он бы не пощадил. Главарь хорошо запомнил подозрительного мужчину, ни с того ни с сего явившемуся к нему домой. Запомнил, хоть и правый глаз у него совершенно запылил.

Больше до конца дороги Павлу никто не встретился. Когда просёлок пошёл под гору, лес вдруг сразу, неожиданно закончился, как бы оборвался. И с горы можно было угадать по тусклым огонькам в окошках изб село. Оно укладывалось спать, потому что многие дома были уже без огней.

Но в избе участкового кухонное окошко ещё светилось. Павел прошёл через калитку в палисадник и постучал в золотистое от света стекло. Занавеска отодвинулась, и показалось знакомое лицо. Участковый строго спросил: «Кто здесь?». Но, увидев освещенного домашним светом Павла, сразу отпустил край занавески.

Через минуту лязгнула на воротах щеколда. Из дверного проёма высунулся Николай Иванович:

«Заходи, гость нежданный». Пока шли двором, не проронили ни слова. А когда за ними закрылась дверь в избу, участковый нетерпеливо произнёс: «Рассказывай, что случилось».

И тут же приказал жене: «Собирай на стол, ужинать будем».

Павел действительно проголодался, но пока не рассказал всё обстоятельно и по порядку, за ложку не взялся. И лишь потом, когда все подробности и детали были уточнены, начал уплетать за обе щеки наваристые, настоявшиеся щи из русской печи, прерываясь лишь для продолжения разговора. В эти паузы поведал он о том, что участковый был позапрошлой ночью на волосок от смерти.

– Хорошо, Николай Иванович, кто ты не попытался остановить машину. Курок был уже взведён.

– Павлуша, за годы службы у меня выработалась безошибочная интуиция: когда надо идти в атаку напролом, а когда следует повременить, выждать удобный момент, чтоб без потерь обезвредить преступника. Да что ночью в лесу можно одному сделать? Поэтому я и съехал с дороги, чтоб пропустить грузовик. Чувствовал, что едут недобрые люди: в такое позднее время порядочные граждане по домам сны смотрят.

– Да они и мне сейчас навстречу попались. Еле успел схорониться...

После ужина улеглись спать. Но проспали всего ничего: часа два. Встали ещё затемно, когда звёзды и луна сверкали ярко и хрустально. Участковый запряг в двуколку служебную кобылу Звёздочку. И они выехали из спящего села по дороге в райцентр.

...Павел подробно доложил начальнику районной милиции о ходе оперативно-разыскной работы. Кочетков помолчал, а потом в раздумье произнёс:

– Но справимся ли мы своими силами? Бандиты вооружены. И могут оказать сопротивление.

И не дай бог, если кто-то из них уйдёт: леса вокруг глухие и тянутся на сотни километров.

В общем, надо было поставить в известность начальника уголовного розыска области. Когда ему доложили о ситуации в глубинном селе, он, не раздумывая, произнёс: «Надо брать. И немедленно».

В этот же день из области в райцентр выехала оперативная группа, состоящая из сотрудников, имеющих большой опыт захвата особо опасных преступников.

Накрыть бандитов надо было сразу, одновременно, чтоб никто не смог друг другу сообщить об арестах и ускользнуть. Поэтому разделились на не-

сколько групп. Особенно нужна была чёткость в аресте главарей: Баклана и Кудряша (и их особо приближённых). «Шестёрка», рядовых членов банды взять было проще.

Павел попал в первую, главную группу, которая должна арестовать Баклана. Чтоб не привлекать внимания, выехали на двух автомобилях под утро.

До Краюшкино добрались быстро: грунтовая дорога в порядке: затяжные осенние дожди ещё не начались, и она была сухой и гладкой, словно асфальт. По сторонам тянулись чёрные ровные вспаханные поля да леса с начинающей желтеть листвой. В Краюшкино въехали на полной скорости: справа в стороне остался святой родник. Он угадывался по высоким вёслам и берёзам, потом миновали домишко приветливых стариков. Лёгкой летучей пылью изпод колёс плеснуло в окна ещё закрытого сельмага. Оставив позади село, дорога нырнула в лес.

Именно здесь начальник районной милиции отдал последние наставления.

Дома, где жили преступники, были заранее определены на плане посёлка. Кстати сказать, почти все они, члены преступной группы, жили друг с другом в соседях.

Первая машина остановилась у дома Махалова. Только-только начало светлеть. Стадо ещё не согнали. Было прохладно, и белёсый, молочный туман стелился внизу, в лесной чащобе, путаясь в ногах у подлеса. Дом окружили, чтоб Баклан, в случае чего, не мог ускользнуть ни через огород, ни через боковые окна. Но он, видимо, и не собирался никуда бежать. Потому что не ожидал незваных гостей. Хотя был одет, собрался, видимо, сгонять в стадо скотину.

В избу вошли трое: начальник милиции, участковый Колыбелин и Павел.

Кочетков сразу с порога спросил:

– Ты Махалов Сергей Викторович?

– Да.

– Ты арестован. Пойдёшь с нами.

Для Махалова этот визит был явно неожиданным. Но он быстро справился с нервами. И стал разыгрывать незнайку-дурачка:

– Здесь какая-то ошибка... Вы что-то перепутали...

– Вот в милиции и выясним: перепутали или нет.

– Хорошо я поеду с вами, но только корову сгоню в стадо.

Махалов, накинув фуфайку, двинулся к порогу. Но Павел решительно преградил ему путь.

И в этот момент бандит узнал в милиционере того зачуханного мужичка, который на днях приходил к нему насчёт работы. В его глазах сверкнул всё сжигающий огонь. Злобы. И бессилия.

Жена Махалова, напуганная и бледная, сидела за кухонным столом, зажав виски ладонями, и молча наблюдала за происходящим. Дети, видимо, спали, потому что их в комнате не было. Махалов, встретив на пути к порогу препятствие виде коренастого мента, повернулся и пошёл было к столу, но тут же снова оборотился лицом к милиционеру и, смиренно обращаясь к Кочеткову, старшему по званию, попросил:

– Гражданин начальник можно я напоследок помолюсь?..

Действительно ли он был религиозным человеком или просто выкраивал время, чтоб обдумать сложившуюся ситуацию, в которой вдруг оказался?

Кочетков разрешил:

– Молись.

Махалов подошёл к переднему углу, где находился иконостас со старинными иконами, без труда привычно опустился на колени и стал креститься, что-то перебирая губами. Кланялся, доставая лбом до пола. Это продолжалось минут пять. Потом Махалов медленно поднялся.

И хоть пол был идеально чистым, двумя руками одновременно отряхнул на кленках брюки.

Потом, снова надев старенькую замызганную фуфайку, в которой, видимо, убирался во дворе у скотины, вышел из дома в сопровождении милиционеров.

Подельников тоже арестовали без шума. Правда, Кудряш, правая рука Махалова, увидев, что в избу входят милиционеры, ринулся было к окошку. Но оперативники поймали его за полы пиджака.

Некоторых вообще взяли тёпленькими, – в постели.

Забрали и Чекмарёва. Но он знал, как себя вести. (Правда, ни о чём не догадывалась его жена, поэтому принялась кричать и причитать. Разбуженные дети тоже завопили во всю Ивановскую...)

При обысках у бандитов изъяли множество оружия: обрезы и двустволки. Нашли и зерно, и сотовые рамки с мёдом.

Сначала Махалов всё отрицал. Но его подельники почти сразу раскололись. И ему ничего не оставалось, как тоже сознаться в преступлениях.

Удивительно, среди бандитов, кроме главаря, не было ранее судимых. Но Махалов сумел из новичков сколотить крепкую, добротню организованную банду.

Всем им суд вынес большие сроки заключения, а Махалова приговорили к смертной казни.

Правда, казнь ему вскоре заменили на пятнадцать лет колонии строгого режима.

И лишь Чекмарёв был освобождён. Сельчане недоумевали: почему его отпустили. Но по селу был специально пущен слух, что Чекмарёв примкнул к банде в последние дни, и ни в каких бандитских преступлениях не замешан. Поэтому, мол, его и отпустили. И никто не догадывался, что во многом благодаря Чекмарёву была разоблачена бандитская шайка.

...И в «медавежьем углу» на долгие годы установилась тишь да благодать. Нет, отдельные преступления и позже случались, но уже не такого размаха.

С бандой покончили в сентябре. И жизнь у Павла снова более менее обрела русло, по которому и текла размеренно и плавно. Конечно, почти каждый день что-то случалось.

Но это были нарушения и преступления обычные, не требующие неординарных усилий.

В субботу утром Павел выехал в одно из сёл, расположенных прямо на берегу Волги. Там на почве ревности муж так исколотил жену, что её пришлось госпитализировать в районную больницу. Дело было очевидным. И потому долго оперативник не задержался. Вернулся на службу после обеда. А вечером вовремя отправился домой. Зашёл по

пути в ресторан «Чайка» поужинать, чтоб не корпеть в коммуналке над электроплиткой, готовя себе холостяцкую яичницу. В ресторане посетителей было немного. Поэтому его быстро обслужили. И через полчаса Павел уже шагал по улице мимо педагогического училища, где на дверях красовалась афиша, в которой сообщалось, что сегодня, в субботу, состоятся танцы.

...Павел открыл шкаф, где висел давным-давно отглаженный, ждущий с нетерпением своего часа костюм.

На танцы оперативник явился, когда в актовом зале всю гремела музыка. Но большинство не кружилось в вальсе, а стояли вдоль стены, что-то выжидая. Танцевали лишь некоторые девушки, как шерочка с машерочкой. Павел тоже прислонился к стене, высматривая Татьянку. Но своим зорким профессиональным взглядом не обнаружил её.

Из радиолы зазвучало танго. Самая популярная и любимая сейчас мелодия. И в круг вышли все: у стены остались лишь несколько человек. И в это время открылась дверь, и в первом проёме появились две девушки. Павел их сразу узнал. Это Татьяна и её подруга Наташа. (Они вместе снимали квартиру). Павел радостно ринулся к ним. Они тоже обрадовались. Увидев его издали, заулыбались и замахали ему руками.

– Почему ты так долго не приезжала? – забыть даже сказать «здравствуй», спросил он Татьянку.

– Мама болела, не могла её оставить.

В этот вечер они не пропустили ни одного танца. Было весело кружиться среди таких же молодых и радостных. Когда объявили, что звучит последняя мелодия, все огорчились. Хотелось ещё и ещё, подчиняясь музыке, танцевать и смотреть друг другу в глаза.

Но музыка умолкла, и все стали расходиться.

Шли тихими улочками мимо домов с погашенными окнами. Громко разговаривали, смеялись, пели. Но всё равно горожане не просыпались, не зажигали в домах огня. Видимо, уже привыкли.

Хотя была уже середина сентября, но погода стояла необычайно тёплая, словно июльская.

Днём всю светило солнце, точно не уставшее за лето. Но главное, ночами воздух почти не остывал, сохраняя до рассвета тепло и сухость.

Хорошо идти по набережной. Слушать, как плещется вода совсем рядом, почти у ног. Видеть, как к двухэтажной пристани причаливает трёхпалубный красавец весь в огнях, словно светящийся изнутри.

Шли медленно говорили обо всём: о звёздах, о теплоходах, уходящих в дальние рейсы вниз и вверх по Волге, об учёбе... И только о своей работе Павлу не хотелось рассказывать: не вязался этот тихий, красивый вечер с грязью, с которой приходится сталкиваться. Нет, свою профессию он любил, не мог жить без неё: без постоянных тревог и опасностей. Но всё-таки это, как ему казалось, два совершенно разных мира. Мир, где был светлый облик Татьянки, с чистыми, хрустальными чувствами, и другой – чёрный, циничный, жестокий.

Они шли втроём. Третьей была Наташка, тоже симпатичная девчушка. И всё же Павел ловил себя на мысли, что она здесь лишняя. Ему хотелось остаться наедине с Татьянкой. Сказать ей самые нежные, со-

кровенные слова да и просто от переизбытка чувств обнять её. А здесь – посторонний человек. И вдруг пришло решение: чтобы избавиться от постоянной попутчицы, надо познакомить её со своим сослуживцем Колей Голуновым. Решил не откладывать эту операцию в долгий ящик. А приступить к осуществлению задумки прямо завтра...

Но завтра этого сделать не удалось: пришлось выполнять новое задание.

Оперативно-разыскная служба имеет множество особых секретов, без которых успешно функционировать не может. И неприменной её принадлежностью является агентура.

С первых дней работы в милиции Павел начал расширять и укреплять эту сеть. Тем более в работе с Чекмарёвым он на собственном опыте убедился, что агент – крепкое подспорье в раскрытии самых опасных преступлений.

Некоторые секретные сотрудники остались в его ведении от предшественников. И в этот раз у него должна состояться явочная встреча с активным и очень опытным агентом, работавшим помощником механика на трёхпалубном пароходе. Лайнер ходил рейсом Горький – Астрахань.

Обитая постоянно среди народа, всегда можно выудить массу ценной информации.

Явка должна состояться на пристани.

Справа, в сторонке, отгороженное тополями и вёслами есть местечко: под открытым небом – несколько столиков, а рядом – киоск, где продают лимонад, пиво, разную выпечку и сладости.

За одним из этих столиков разместился Павел с раскупоренной бутылкой «Крем-сода» и пирожком. Сергей Степанович Никишин должен подойти с кружкой пива (вроде бы случайно).

И передать добытую во время рейса информацию. Конечно, хорошо бы поговорить в уединённом месте, обстоятельно, не спеша. Но пароход в уездном городке стоит всего несколько минут.

Поэтому рассусоливать некогда.

Белоснежный красавец ровно в полдень бросил швартовы и причалил к пристани.

Сразу сделалось шумно и празднично. По переброшенным на пароход сходням спустились пассажиры, помчались к базарчику, где изобилие яблок, арбузов, дынь, громадных красных и красно-розовых помидоров.

Навряд ли где ещё на Волге встретишь такой город-сад. Плодовые деревья здесь растут повсюду. И это в первые дни для Павла было необычным. В его селе садов мало. Как в первую военную зиму повымерзли, так их больше и не рассаживали. Лишь у двух самых зажиточных семей перед окошками росли по несколько яблонь. Но хозяева им были не рады, замучили ребячьи набеги. Начиная с июля, когда плоды ещё зелёные и вяжут во рту, мальчишки почти каждую ночь перелезали через забор.

Эти воспоминания прокручивались перед взором. И Павел не заметил, как человек, сошедший с парохода, подошёл к ларьку, купил кружку пива и направился к столику:

– Здравствуйте, Павел Леонтьевич, – обратился он к оперативнику.

– Здравствуйте, Сергей Степанович, – ответил тихо Павел, откусывая пирожок и запивая его

«Крем-содой», – что новенького?

– Знаешь, я привёз тебе новость пятнадцатилетней давности, – смакуя пиво (видимо, для отвода глаз), проговорил чуть слышно помощник механика.

– ? – у Павла удивлённо округлились глаза.

– Пятнадцать лет находится в розыске главарь довоенной банды Егор Гриднёв, – начал объяснять речник.

Но этого не надо было рассказывать, – историю о нём Павел хорошо знал.

...Незадолго до войны в соседнем селе объявилась банда. Хорошо организованная, с железной дисциплиной. Этим, видимо, и объяснялось то, что целых три года её не могли изловить.

Бандиты грабили всё, что попадалось под руку: магазины, склады, тока... Совершали убийства.

И с каждым разом налёты становились всё нахальнее, наглее.

Подключили ударные силы: пришла помощь из области. Вскоре напали на след. И через несколько дней бандитов арестовали. Главарю сначала вынесли высшую меру наказания, потом заменили на длительный срок заключения. Но на этом история не закончилась. Егор совершил побег. Его усиленно искали, сбивались с ног, но так и не нашли. И пятнадцать лет он числился в розыске.

– Знаешь, ведь я видел Егора Гриднёва.

– Как, где, когда? – забубнил вполголоса Павел.

(Если посмотреть со стороны, то и не заподозришь, что два соседа по столику обсуждают важные проблемы. Кажется, что каждый сам по себе: пьёт и закусывает).

– В низовье есть большое село Чёрный Яр, вот там на пристани его встретил.

– Ты, наверное, обознался? – предположил оперативник.

– Да как же я мог обознаться, если битый час с ним разговаривал.

Выглядит щёголем: шляпа котелком, в руке тросточка. А живёт под другой фамилией, – Сидоров Пётр Петрович.

Это была ошеломляющая новость. Никишин допил пиво, возвратил пустую кружку толстой продавщице, выглядывающей из окошка, как из амбразуры, и не спеша направился к пароходу.

А Павел, не доев пирожок с капустой, торопливо зашагал к зданию милиции, чтоб срочно доложить об услышанном.

Кочетков был занят, но, узнав, о чём идёт речь, отложил все дела. Да и трудно остаться равнодушным, если речь шла о преступнике, который находится пятнадцать лет в розыске.

Павел изложил подробно сообщение агента. И тут же попросил поручить ему арест преступника.

Когда дело касалось сложных, неординарных ситуаций, он забывал о себе, о своих личных интересах и бросался в самый омут, на выполнение задания. Вот и в этот раз совершенно запамятовал, что на завтра у него назначено свидание, что в педагогическом училище опять танцы. И что он мечтал снова весь вечер танцевать с Татьянкой. К тому же, Павел обещал Коле Голунову познакомить его с Наташкой. И теперь перечёркивал все планы, проса разрешения выехать на задержание рецидивиста.

Кочетков разрешил: оперативник хорошо проявил себя при недавнем раскрытии и аресте банды, поэтому и нынешнее задание ему можно поручить со спокойной душой.

Павел обрадовался. Но долго радоваться некогда: надо оформлять командировку, собраться.

И успеть на рейсовый пароход, идущий вниз до Астрахани. Отходил он в полночь, вернее, – в половине первого.

Встретив в коридоре Кольку Голунова, Павел попросил его найти на завтрашних танцах Татьянку и передать ей, чтоб не беспокоилась – он скоро вернётся.

Ночью на пристани малоллюдно, лишь единичные пассажиры да матросы, обслуживающие пристань, маячили на дебаркадере.

Почти во всех каютах света уже не было, но всё равно пароход светился палубными огнями и казался праздничным, нарядным. Ведь приход большого парохода в уездный городок – целое событие, настоящий праздник. Он вносит в полусонную разнервную жизнь горожан оживление, связывает это маленькое глубинное селение с большим миром. И всегда, когда в залив входит белоснежный волжский красавец, у каждого в сердце вспыхивает необъятная радость. Похожая на ту, которая бывает весной, когда прилетают первые птицы, когда важно и деловито прохаживаются по серому, до конца не расплавленному весенним солнышком снегу.

И вот к пристани причалил пароход. Был он старенький (с большущими колёсами по бокам), но всё равно ещё бодрился, желая походить на новые теплоходы с винтовой тягой.

Павла определили в четырёхместную каюту. Полка досталась нижняя, у двери. Когда он проснулся, сквозь стекло проникали лучи рассветного солнышка. Оно было какое-то по-особому ласковое, нежное. Видимо, хотело перед холодами надвигающейся осени обогреть, обласкать напоследок.

Павел оделся и вышел на палубу. Хоть солнце и старалось изо всех сил греть, но это уже ему плохо удавалось. Осень студила всё: и воздух, и воду, и землю вокруг.

Мимо парохода проплывали берега, заросшие лесами, в листе которых всё больше появлялось жёлтого, оранжевого и золотого.

Павел впервые плыл по Волге так далеко. И ему было всё интересно. Иногда появлялись прибрежные сёла. И хотя рядом виднелись пристани, двухпалубный колесяга игнорировал их.

Он причаливал лишь возле больших и малых городов: возле областных выстаивал подолгу, у районных останавливался на минутку. Только через несколько суток он доставил Павла к месту назначения. Пристань находилась внизу. Село Чёрный Яр забралось на высокий берег. Местность равнинная,

степная. И дома открыты и солнцу, и всем пролётным ветрам.

Пока Павел взбирался по крутой дороге, пока разыскивал милицию, время подошло к полудню. В милиции, узнав в чём дело, выделили в помощники молодого сотрудника. И вдвоём они направились на улицу Прибрежную, что обрывалась на берегу Волги.

Дом находился на юру и обогревался со всех сторон солнышком. Большие окна с резными наличниками, новые тесовые ворота, тоже украшенные резьбой.

Прошли во двор. Там чистота и порядок. Зашли в сени, постучали в дверь.

Послышался голос: «Входите, не заперто».

В проёме между окнами – стол, накрытый белой до кипенности скатертью. На столе у стенки – пузатый вычищенный до блеска самовар. Вероятно, холодный – с кипятком, как правило, ставят на середину в окружении чашек.

У стола на крепкой табуретке восседал мужчина. Уже не молодой, с редкой проседью в чёрной шевелюре. Но во всем его облике (особенно в жилистых руках) чувствовалась корневая, мужицкая сила. «Присаживайтесь», – пригласил он гостей. При этом несколько не смутившись. «Нам рассаживаться некогда – грубовато отреагировал на приглашение напарник. – Мы проводим паспортную проверку. Предъявите документы».

Хозяин неторопливо по широким крашеным половицам прошёл к комоду. Выдвинул правый верхний ящик. И достал паспорт.

Павел уловил в его руках еле заметную дрожь. В паспорте значилось: Сидоров Петр Петрович.

И тут оперативник почувствовал, что наступил тот момент, когда разоблачение на преступника должно упасть как снег на голову, парализовать его на мгновение, чтобы он не смог оказать сопротивление. И Павел пошёл в атаку: «А ведь ты не Пётр Петрович Сидоров, а Гриднёв Егор Семёнович».

И, действительно, на беглеца будто глыба снега свалилась: он сделался белым-белым, под стать полотняной скатерти на столе. И сразу как-то обмяк, сделался словно ватный. И если бы не табурет, то, наверное, не устоял на ногах.

На него надели наручники. Но он всё ещё сидел на табуретке, как бы отдышавшись. Молчал.

А потом тихо промолвил: «Спасибо тебе, начальник, что нашёл меня. Ведь всё равно никакой жизни не было. День и ночь ждал, прислушивался: вот-вот постучат. А сейчас даже легче стало...».

Павел сдал арестованного в районный отдел милиции, а сам снова – на пристань.

Продолжение следует

СТРАНА ПОЭЗИЯ

Любовь ТУРБИНА родилась в Ашхабаде в семье ученого-генетика, затем вместе с мамой, вернувшейся из эвакуации, приехала в Москву. В августе 1945 года семья переехала в Ленинград, а в 1956 году – в Белоруссию, в Минск.

Окончила физический факультет БГУ (город Минск) в 1964 году.

В 1971 году защитила кандидатскую диссертацию по радиобиологии.

В 1974 году поступила, а в 1980 году окончила заочное отделение Литературного института им. Горького в Москве.

С 2001 года живёт в Москве; с 2004 года работает в ИМЛИ РАН, занимается белорусской литературой. Автор четырнадцати поэтических сборников, изданных в Минске, в Москве, в Санкт-Петербурге и в Болгарии. Член Союза писателей СССР с 1990 года, член СП российских писателей и СП Беларуси. Стихи Любови Турбиной переводились на белорусский, туркменский, хинди, английский, сербский, шведский и болгарский языки.

ЖИЗНЬ – УПУЩЕННОЕ ЧУДО

УЛИЦА ДЕТСТВА

Скарлатина, бумазая,
Ребяшня вокруг, глаза,
На лоскутном одеяле
Красный – в розах – лоскуток.
Вот везут меня в карете,
(Безразлично все на свете):
Тусклым голосом позвали
В «неотложку» как в мешок.

Пожалели – косы целы,
Потолки и стены белы,
Я очнусь уже иною –
Оттащите от окна!
Мама в шляпке с вуалеткой,
След слезы глубокий, едкий,
Но прозрачной пеленою
Навсегда отделена.

Бумазая, скарлатина,
Долгий месяц карантина,
Все домашние задания –
Криво, косо, как-нибудь.
От кошмара, наважденья
Обрела освобожденье:
Вспомнить – дать тому названье –
Что теснит и давит грудь.

* * *

Перо нам – от птицы,
От древа – бумага,
Из тучи чернила –
Небесная влага,
Усмешки и слезы –
Все в дело, все – благо,
Но где взять решимость
Для первого шага?
От робкого шага
До легкого взмаха
Лежит полоса
Отчужденье и страха.
Пока на груди
Не промокнет рубаха –
Не вылетит слово
Живое, как птаха.

Перо нам – от птицы,
От древа – бумага,
Из тайного страха
Куется отвага.

ВОПРЕКИ ЗАТМЕНИЮ

Военный октябрь, Москва, в озарении вещем:
Крест-накрест заклеенных окон пустые глазницы,
И полчища вражьи сжимают железные клещи
По стилому полю на горле любимой столицы.

А папа и мама мои, молодые, той ночью,
На крыше дежурят –
вдруг бомба прямым попаданием:
Вахтанговский вспыхнул театр – и впервые, воочью
Смерть руки костлявые к ним протянула –
за подавным.

Тушили фугаски – бывала ли выше невеста:
Им вопли сирен заменили венчальное пенье...
И с верою в жизнь и в победу в ту ночь из протеста
Звезда моя в небе зажглась – вопреки затемнению!

БАЛЛАДА О БУЛОЧНОЙ

На перегибе лет виднее даты –
Опять снежок под валенком скрипит:
Мой молодой отец по Ленинграду
Идет со мною за руку, сердит.

О булочной тех лет пою балладу –
Пусть замысел покажется нелеп –
Пять лет назад окончилась блокада,
По карточкам пока давали хлеб.

Отец молчит, и я как онемела:
Он не хотел меня с собою брать,
Ведь в очереди – будничное дело –
Нам долго с ним на холоде стоять.
Лицо толпы застывшее сурово:
Безропотно и ночь стояли все б,
Но только соль – да праздничное слово –
Необходимей могут быть чем хлеб.

Я догадалась вдруг – вы сказки ждете?
Со звоном в тишину упал пятак.
Вы не встречали Тима, дяди, тети?
Он где-то близко, слышите – крик, крик!
Тим победил. Я чувствую – гордится
Сейчас отец – как прежде был он слеп!
Оттаивали каменные лица,
Был необычно вкусен после хлеб.

Утенок Тим – семейное преданье,
Взаимы из детства дерзости взять мне б
И, наконец, всей жизни в оправданье
Найти слова, насущные как хлеб.

ОТЕЦ

Причуды ли, прихоти ради,
С ружьем, как с игрушкой в руках,
У ног – Нарочанские глади,
А кудри плывут в облаках.

Зачем же – терзаюсь вопросом –
Запомнила с детства седым?
Каким ты казался мне взрослым!
А был ведь совсем молодым.

Размечена жизнь на уроки,
 Виновность – как горб за спиной.
 Каким ты казался мне строгим,
 А строг был к себе, не со мной.

Но ты за столом в ореоле
 Той лампы, светившей ночам...
 Но мысли высокое поле –
 Не кажется – есть и сейчас.

Гляжусь в старый снимок как в воду –
 Зеркален рисунок лица.
 Мостом изогнулась сквозь годы
 Навстречу улыбка отца.

БРАТУ

Далекie птицы крестами
 Легли на остывший закат.
 Вослед улетающей стае
 Гнездо покидает мой брат.

Давно ли? Да только что вроде
 Он кустиком тронулся в рост,
 И взглядом блестящих смородин
 Меня провожал до ворот.

И спицы впивается жало,
 Когда отворяется шкаф:
 Тебе этот свитер вязала,
 Не кончила левый рукав.

А сад зарастает крапивой,
 А в доме – холодная ночь.
 Смотрю, как уходишь, красивый,
 Стою и не смею помочь.

Судьбу уютгом не разладишь,
 Дорога пошла на излом...
 Последний, единственный, младший
 С одним лебединым крылом.

ЗАБЫТЫЕ ЗНАНИЯ

К вечеру вспомнят поверья
 Светлые пятна озер.
 Страшно утратить доверье
 Братьев своих и сестер.

Травы, деревья и птицы
 Словно чужая страна:
 Вдруг угадаешь их лица,
 Вспомнишь с трудом имена.

Но пониманье утратив,
 Как-то и слушать отвык
 Посвист укрывшихся братьев,
 Сестринский древний язык.

Ветви протянут объятья
 Прежде чем вспыхнет костер –
 Руки покинутых братьев,
 Слезы далеких сестер...

Бор зашумит на прощанье,
 Листья лепечут свой вздор...
 Отзвук забытого знания,
 Нежные губы сестёр.

ВСПОМНИТЕ МЕНЯ!

Где центр стремительного круга?
 Стрижи по небу чертят дуги
 На закате дня,
 И ужин в доме ждет остывший...
 Все далеко, кого любила,
 Помнят ли меня?

Из гнезд пустых не слышно пенья,
 Несу охапкою поленья
 Греться у огня.
 Дрова сырые пламя гложет,
 Но среди них сгореть не может,
 Тлеет головня.

Ну, хоть бы скрипнули ступени!
 Опять в углах скопились тени,
 Тишину храня.
 Я не прошу любовь обратно,
 Но в час печальный, предзакатный,
 Вспомните меня!

ИЮЛЬ

Мимо пролетают – тени не спугнут
 Бабочки мгновений, ласточки минут,
 Пробегают мыши серые ночей:
 Стук дождя по крыше, шорох у печей.

Днями – электрички стороной гудят,
 Липою в июле пахнет тихий сад.
 Грохотом осыплет с неба самолет –
 Серебристый – в синем – пролетает год.

Только с каждым годом выше из травы
 Светлый одуванчик детской головы:
 Стебель-тонконожка с розовым сачком
 Бегае т за каждым встречным мотыльком!

Главное – а дети тут мудрее нас –
 Происходит в мире именно сейчас!

ПЕРЕД СНОМ

А этим взрослым, что им надо?
 Зачем укладывают спать?
 Без нас на кухне, полной чада,
 Во что теперь начнут играть?

Уже и форточка открыта:
 За ними нужен глаз да глаз...
 Заплакать, что ли? И сердито
 Мне закричат: – Иду, сейчас!

И та, что мне казалась мамой,
 Хлебнет из склянки на столе –
 Вдруг станет ведьмой страшной самой,
 Взовьется в небо на метле...

И то ли ведьма, то ли птица
 Неслышно сядет на кровать
 И скажет: – Доченька, не спится?
 Зачем так страшно ревновать!

Владимир КОЧЕТКОВ, педагог, путешественник, член Союза писателей России. Живет в р.п. Сурское.

ЗВЕЗДЫ НАД БУЭНОС-АЙРЕСОМ

Продолжение. Начало см. №7, 8-2018

Фантастическая повесть

Часть третья. Поход.

Девочки сидели на циновках напротив правителя города. Им, привыкшим сидеть на стульях, было не очень удобно, но, видимо, индейцы постарались создать им максимальные удобства, постелив по пять или даже шесть циновок одну на другую.

Сёстры никак не могли привыкнуть к мысли, что люди, сидящие напротив, это не их современники, что они – представители другой эпохи, давно прошедшей и почти растворившейся в глубинах времени. Было странно видеть этих людей не просто живыми, но уверенными в своей неповторимости и божественности. Они сидели перед девочками с надменными лицами, с осанкой повелителей всего живого на Земле, они сидели так, словно сама дальнейшая

судьба планеты зависела от их решений.

Девочек со всеми возможными почестями привели во дворец – огромное по площади нагромождение строений, садов и бассейнов. У жреца они пробыли совсем недолго: едва успели перебраться несколькими фразами, появился посланник от наместника с приказом доставить их во дворец.

Видимо, правитель решил удивить девочек размерами своего дворца. Целых полчаса девочек водили по потаённым его уголкам. И вот сейчас, после этой своеобразной экскурсии, они сидели друг напротив друга: одетые в джинсы пришельцы из XIX века и темнолицые, горбоносые люди в плащах из перьев, в набедренных повязках и с деревянным оружием. Сима вдруг вспомнила мальчишек из своего класса, года три или четыре назад нарядившихся на новогоднюю ёлку в рыцарей. Мальчишки сделали себе деревянные мечи и щиты, вырезали из картона шлемы и доспехи и даже устроили бой. Они носились вокруг ёлки с воинственными криками, махали мечами, пока завхоз, наряженный Дедом Морозом, не остановил их. Она даже едва заметно улыбнулась, вспомнив тот эпизод, но тот час её лицо вновь приобрело серьёзное выражение: осколки вулканического стекла, вклеенного по краю деревянных мечей, казались опасными и настолько острыми, что Симе даже в голову не пришло опробовать пальцем их края. И копья, стоящих плечом к плечу воинов были совсем не бутафорскими, как и сверкавшие из-под шлемов глаза.

И девочки, и сидящие напротив них индейцы несколько минут в полном молчании рассматривали друг друга. Индейцев было пятеро: один, сидящий в самом центре, молодой и широкоплечий, весь увешанный золотыми украшениями, бесспорно, занимал самый высокий пост в городе. Об этом говорила почти показная важность и надменный взгляд. Четверо других, довольно взрослых, с проседью в волосах и глубокими морщинами на коричневых лицах казались или самыми знатными людьми, или его ближайшими помощниками. С одним из этих четверых – жрецом Махузохом, сёстры уже успели познакомиться там, на вершине пирамиды, трое других были им не знакомы.

Не проронив ни слова, они сидели долго, внимательно разглядывая друг друга. Наконец, молодой указал на человека, сидящего справа:

– Тлакатец, «тот, кто командует воинами», – произнёс он довольно приятным мягким голосом. Представленный им человек, гордо поклонился, при этом золотые фигурки бабочек, украшавшие его плащ из жёлтых и зелёных перьев, мелодично зазвенели.

– О-о, – уверенно кивнув ему в ответ головой, быстро ответила Лиза. – Видимо, это военачальник.

Она не удержалась и дотронулась до маленькой, искусно изготовленной бабочки.

– Бабочка – символ бога войны, – пояснил наместник. Девочки в унисон кивнули.

Увидев, что его поняли правильно, молодой показал жестом на сидящего справа, также одетого в хлопчатобумажную набедренную повязку, украшенную золотыми пряжками и своеобразную тогу – пропущенный под мышками и закреплённый на правом плече кусок материи, также украшенный

золотыми украшениями и перьями:

– Тлакочк – «человек из дома копий».

– Копий.., – невольно повторила за ним Лиза и взглянула на Симу. – Что бы это значило?

– Похоже, это начальник арсенала с оружием, – уверенно ответила Сима.

Молодой, едва заметно кивнул и представил двух жрецов, также сидящих по правую и левую руку от него: жреца бога солнца и войны и жреца бога дождя и изобилия. Жреца бога войны девочки видели впервые, и они невольно задержали взгляд на его суровом лице, почти полностью бритой голове (волосы свисали лишь с самой макушки длинной нечёсаной прядью) и босых ногах.

– Меня зовут Сима, а её – Лиза, мы сёстры, – произнесла в ответ Сима. – Мы попали к вам... – она запнулась, не зная как объяснить своё путешествие по лабиринтам времени так, чтобы это было понятно сидящим перед ней людям. Но Лиза не растерялась:

– Мы прибыли сюда при помощи богов нашей богатой страны, чтобы приветствовать великого правителя города Ошитипана, священной империи ацтеков... – при этих её словах жрец бога солнца и войны усмехнулся, но не перебил, а Лиза закончила:

– Мы хотели бы узнать всё о жизни Великой империи.

Жрец бога войны опять усмехнулся, но наместник горделиво и с достоинством кивнул:

– Ошитипан только малая часть государства. Много лет назад наши предки покинули северные земли и отправились на юг.

– А почему они отправились на юг? – осторожно перебила его Лиза, полагая, что ей, маленькой девочке, простят эту некоторую бесцеремонность.

– Боги указали им путь, – вмешался жрец бога солнца и войны, – жрец обвёл взглядом всех, сидящих вокруг горящих угольев и добавил:

– Боги до сих пор указывают правильный путь нашему народу.

Жрец опять замолчал, устремив свой пронзительный взгляд на девочек. Под этим его взглядом Лиза уже было открыла рот, чтобы задать очередной вопрос, но Сима одёрнула её. Выдержав паузу, жрец бога солнца и войны продолжал:

– Наши предки, вedomые великим вождём, шли на юг не один год. Они отыскивали подходящую землю, распахивали её и засевали. Когда же поля давали урожай, а женщины успевали народить детей, их путь продолжался, ибо боги вели их всё дальше и дальше на юг, пытаясь отыскать орла, сидящего на кактусе и держащего в когтях змею.

«О, это я помню, – подумала Сима. – Я об этом где-то читала. Вот только что? Кажется, ацтеки подошли к столице индейцев-тольтеков, городу Туле. Кажется, именно так, к Туле. К тому времени главный город тольтеков был мёртв уже 89 лет, но двадцатилетнее общение с тольтеками, всё ещё жившими в окрестностях Тулы, обогатило культуру ацтеков неузнаваемо. И отсюда, через двадцать лет ушёл совсем другой народ», – эти мысли пронеслись в голове девочки стремительно, совсем не мешая слушать рассказ жреца, который продолжал толковать историю государства Анауак:

– Наши предки в своих поисках указанной бо-

гами земли выдержали множество сражений с самыми сильными народами. Наконец, был найден и остров, и орёл, сидевший на кактусе, с большой змеей в когтях. Здесь, в этом месте, и был заложен город...

– ...который был назван Теночтитланом, в честь вашего великого вождя, – закончила рассказ жреца Лиза.

– Да, это так, о, великая чужеземка, – медленно, не скрывая удивления, произнёс наместник. – Действительно, Теночтитлан является центром Вселенной и центром нашей страны, и мы здесь не правители, а всего лишь наместники.

«Да, – подумал жрец Тлалока, – действительно, эти две девчонки обладают силой. Они знают о Теночтитлане. А, может быть, эти знания и помогут отправить их на жертвенный камень!? Надо выдать их за шпионов тех белых, высадившихся на побережье и вступивших в тайный сговор с Семпоалой. Только сделать это надо тонко и незаметно».

– Что ты знаешь ещё о священном Теночтитлане? – вкрадчиво спросил он Лизу, но Сима, опередив сестру, ответила вопросом на вопрос:

– Разве у нас нет ушей? Мы только пытались внимательно слушать наших провожатых во время экскурсии по вашему городу, в котором правит мудрый.., – она запнулась вдруг, поняв, что не знает имени правителя. Но тот нисколько не смутился и с лёгкой усмешкой, глядя на Симу, произнёс:

– Куаутемок, племянник Монтесумы Второго, наместник этого города. – К концу фразы он ещё больше приосанился, отчего края его плаща из перьев опустились, став похожими на крылья огромной птицы.

После этой его фразы все замерли на миг. Наместник глядел на девочек так, словно пытался прочесть на их лицах робость или страх. Это выглядело как-то наивно, по-детски и могло даже показаться забавным, если бы не серьёзная ситуация, в которой сейчас находились сёстры. Сима смутно догадывалась, что жрец, с которым они встретились на вершине пирамиды, является их тайным недругом. «Недруг, недруг», – крутилось у неё в голове. Почему вдруг у неё сложилось такое впечатление о жреце – она и сама не знала. Может быть, её смущал его взгляд, когда он бросал его на младшую из сестёр? Или его вкрадчивый голос? Ей никогда не внушали доверие люди с таким вкрадчивым голосом.

«Может быть, он нас боится?», – подумала она.

– Куаутемок, наместник этого города, – с ноткой удивления, но мягко повторил юный вельможа ещё раз. Сима вздрогнула, но почти сразу пришла в себя и с улыбкой закончила прерванную фразу:

– ...в котором правит мудрый Куаутемок наместник Ошитипана.

Куаутемок смотрел на Симу. Эта юная девочка, с карими глазами и волнистыми волосами явно ему нравилась. Причём нравилась всё больше и больше. Она отвечала без боязни, не пытаясь льстить или угождать ему ответами, мягкая её улыбка была не просто приветлива, она была приятна, и даже смотреть на неё доставляло ему удовольствие. Он чувствовал, как где-то в самой глубине его сердца зародилось чувство, с которым он никак не мог справиться.

– Но вы не закончили, – обращаясь к жрецу и, между делом, улыбнувшись Куаутемоку, произнесла Сима.

– Теночтитлан рос, побеждая всех врагов, и сейчас превратился в самый сильный и славный город империи. Всё ли понятно чужеземкам? – он хотел ещё раз предложить Куаутемоку отправить дерзких чужеземок на алтарь, но наместник, не дав ему договорить, произнёс:

– Думаю, их можно считать гостями города. Я разрешаю им свободное перемещение. Пусть как следует изучат жизнь нашей страны. И мы тем временем узнаем побольше об их жизни и обычаях. Думаю, это может пригодиться нам в походе на юг, – Куаутемок резко встал и, чётко разделяя слова, закончил, словно не желая больше слышать никаких возражений:

– Мы должны показать их моему дяде во дворце Теночтитлана. Они отправятся с нами на юг.

Жрецы, молча, склонили головы.

* * *

Солнце близилось к закату. Девочки ходили по улицам Ошитипана почти два часа. Разрешение, полученное от самого наместника, мигом облетело весь город. Люди встречали девочек радушно, с открытыми улыбками и приветствиями. Многие подходили, желая непременно дотронуться до «тех, кто вызвал дождь». Вообще, они устали. Им хотелось лечь и отдохнуть, но пока ещё пересиливал интерес.

Перед самым выходом в город они плотно поели, причём сам наместник пригласил их разделить с ним обед. Это было и приятно, и интересно – всё же не каждому выпадает находиться в обществе царственной особы запросто, хотя сразу же после обеда девочки покинули дворец.

До самого вечера они ходили по улицам Ошитипана. Город был выстроен на берегу озера, от которого отходила целая сеть каналов. Горы окружали город со всех сторон, и на улицах было довольно тихо – видимо, горы хорошо спасали обитателей долины от ветров. Дома с плоскими или четырёхскатными крышами, построенные из обожжённого на солнце кирпича, не лепились друг к другу. Каждая семья имела внутренний дворик, в котором играли дети и отдыхали взрослые в самое жаркое время дня. Дворик этот с одной стороны был огорожен каменной изгородью, а другой стороной выходил к воде канала. Во дворике обязательно было посажено несколько деревьев, которые давали тень и освежали воздух. Дома были разные по размеру и количеству комнат. Самые бедные люди имели дом всего лишь в одну комнату, которая совмещала и кухню, и спальню. Богатство давало возможность иметь дом с несколькими комнатами, причём отдельно строились кухня и ванная, а в более богатых домах существовали комнаты, построенные специально для женщин.

Всё это девочки узнали от провожатых – двух юношей-воинов, которых приставили к ним, скорее не для охраны, а для общения. Эти юноши очень скоро сдружились с девочками, легко отвечая на все вопросы своих юных спутниц. Одного из юношей звали Иуйтл, что означало «Перо». Имя ему было дано за лёгкость бега. Действительно, этот юноша

был так лёгок на ногу, так легко передвигался, что казался невесомым. Он по малейшей просьбе девочек бежал, куда они просили, приносил разные интересующие их вещи, объясняя их назначение, готовый в любую секунду сорваться с места и вновь бежать. Улыбка не сходила с его лица. Он без конца задавал вопросы или сам отвечал на вопросы девочек, и голос его был приятным. И если вначале девочек чуть смущало оружие, с которым он не расставался – лёгкое копье, копье-металка, круглый щит и усаженный обсидиановыми осколками меч, через полчаса общения это смущение пропало без следа. Второй, по имени Яотл, что обозначало «Воин», в отличие от своего товарища, был криксивым, мускулистым и молчаливым. И движения его, и речь казались неторопливыми и основательными. Но при всей своей видимой суровости, он был очень учтив, предугадывая любое желание девочек, и, казалось, в любую секунду готов был защитить их или прийти им на помощь. Симе казалось даже, что он не даёт солнечным лучам излишне обжигать кожу девочек, загораживая их своей широкой спиной. И Иуитл, и Яотл уже участвовали в войне и считались воинами, взявшими в плен по одному врагу. Очень скоро девочки узнали почти всю историю жизни и того и другого юноши.

Оба этих молодых воина окончили школу для рядовых членов общества. До школы они просто помогали своим родителям – участвовали в сельскохозяйственных работах или, как Яотл, ремесленничали, обучаясь искусству глиняных дел мастера. В школе главным предметом обучения была история. Кроме этого, они обучались сельскохозяйственному труду, ремёслам и, что особо важно, военной подготовке. Вообще, как поняли девочки, война для ацтеков была делом священным, богоугодным и очень почётным, потому военному делу уделялось так много времени. К тому же их учителями в школе были воины, и на уроках по военной подготовке их учили не только сражаться, но и строить укрепления, плотины, каналы. Они осваивали все виды существовавшего в стране оружия, предпочитая то, что предназначалось для ближнего боя.

– Так вот почему вы не любите лук? – невольно вырвалось у Симы во время такого полного объяснения.

– Лук – оружие варварских племён, совсем не знакомых с благородной тактикой «настоящих людей», – горделиво усмехнувшись, подтвердил Иуитл. – Мы предпочитаем сражаться грудь в грудь. Только так можно проявить максимальную храбрость и взять в плен.

– Так вы стараетесь не убивать противника? – опять задала вопрос Симе, вспомнив все известные ей из учебника истории войны.

– Нет, – опять утвердительно кивнул Иуитл. – Цель войны – захват пленников и уничтожение святилища врага. – И он рассказал, что боевые действия начинаются после многочасовых переговоров. Таким образом, войско нападающих даёт возможность врагу, как следует подготовиться к обороне, иногда даже для этого снабжая противника оружием. Они считают, что война – это кара, посланная богом, что в конечном счете именно боги решают её исход и это их решение должно быть справедли-

вым, не искажённым с самого начала.

– Победённый город вливается в состав конфедерации, если признаёт власть Теночтитлана единственно правильной, – добавил Яотл.

– Ясно, – задумчиво произнесла Симе.

Она вдруг поняла, что у этой великой империи поистине нет шансов противостоять испанскому нашествию. И дело вовсе не в разнице оружия, вон какие острые края у индейских мечей! Пожалуй, такую рану оставит, что не вылечить! Слишком уж какое-то рыцарское представление о войне у этих людей:

– Ну а он что представляет собой? – опять спросила она, надеясь услышать хотя бы что-то, способное успокоить её за будущее этих людей.

– До боя ещё далеко, – опять чуть снисходительно продолжил объяснение Иуитл. – Вначале засылаются шпионы, которые при благополучном возвращении могут дать полный отчёт об особенностях и слабостях той местности, и о безопасности или бдительности населения. Они наряжаются в одежду той местности, куда их засылают, они должны знать в совершенстве язык.

– Но это опасно? – механически переспросила Лиза, – и что делают с ними, если они попадают в руки врагов?

– Их ожидает немедленная смерть, – Иуитл утвердительно кивнул. Затем немножко задумался и добавил:

– Мой отец был разведчиком. Он был ранен, но смог вернуться живым. К сожалению, из-за полученной травмы больше участвовать в военных кампаниях не мог и, естественно, не смог продвигаться по служебной лестнице. Он получил землю как награду за заслуги, сумел выстроить большой дом. На наших полях работают наёмные рабочие и рабы, но всё равно, мне это не помогло, и я оканчивал обычную школу.

– Ничего, – улыбнулась Лиза, – теперь ты сможешь осуществить то, о чём мечтал твой отец, ведь так?

– Вы ведь участвовали в войне? – добавила Симе, – расскажите, пожалуйста, как это происходит. Если, конечно, это разрешено и вы помните об этом.

– О-о, это действительно величественное зрелище, и мы не просто помним об этом, – в один голос заговорили юноши, а Яотл тотчас добавил:

– Я так хочу вновь оказаться на войне, в самом центре боя!

И юноши вновь продолжили прерванный, было, рассказ. Воины в той битве, о которой рассказывали юноши, были построены ровными рядами и ждали сигнала наступления. Сразу же после сигнала поднялся страшный шум: воины издавали оглушительные крики, усиленные зловецким завыванием морских раковин и пронзительным шумом костяных свистков. Казалось, этот шум сеет не только панику в рядах врагов, но и лишает организации самих атакующих. Но нет, у каждого военачальника на шее висел свой барабанчик, ударами которого он отдавал приказания. Лучники и копейщики первыми нанесли удар, выпустив стрелы и дротики, а затем все воины, прикрываясь щитами, бросились вперёд. И Яотл, и Иуитл были в первых рядах на-

ступавших, мечтая о своём первом пленнике. Им удалось объединёнными усилиями сбить на землю врага, вырвав из его рук оружие. Специальные люди, следующие за воинами с верёвками в руках, моментально связали его.

– Да, – закончил Иуитл рассказ, – это было великое сражение.

– Ничего, – словно успокаивая девочек, произнёс Яотл, – вы попали к нам вовремя. Завтра десятый день четырнадцатого месяца года, потому вы станете свидетелями ловкости и силы наших воинов. Завтра состоится большая облава, посвящённая богу войны и богу охоты. Завтра в ночь все воины выходят на лесистые склоны гор, чтобы провести ночь в шалашах с тем, чтобы наутро начать охоту. Завтра вы увидите красоту и силу ацтеков!

* * *

Едва рассвело, всё селение было на ногах – воины готовились к большой облаве, женщины готовили еду в дорогу, дети с завистью ходили за своими старшими братьями – событие действительно казалось очень важным. Девочки тот час оказались в самом центре внимания: они получили разрешение участвовать в облаве от самого Куаутемока, что считалось высшим проявлением внимания.

Ночь накануне они провели в доме Яотла, причём всё получилось словно в известных им с детства сказках – их и накормили, и в бане предложили помыться, и постель им предоставили чистую и удобную. И вот теперь вместе с воинами они уходили на большую охоту.

Воины уходили довольно большими отрядами за город, а затем рассеивались по склонам близлежащих гор. Здесь они быстро строили шалаша из горного можжевельника и замирали в ожидании сигнала. Девочки опять оказались рядом со своими провожатыми – Яолом и Иуитлом. Но на сей раз те не говорили ни слова – видимо, находясь в шалашах, нужно было хранить молчание. Именно этот факт дался тяжело Лизе – несколько раз она порывалась расспросить Яотла о предстоящей облаве, но он каждый раз хмурился на это, всем видом призывая её хранить молчание.

Так, в ожидании прошла первая половина дня, тянувшаяся необычайно долго: солнце словно забыло о времени – оно будто повисло в самой середине неба, растекаясь тягучим зноем по склонам, заполняя в расщелины и в шалашах. Наконец, где-то далеко вверху раздался звук большой флейты. За ним тот час загудели раковины, затрещали плоские палки-хлопушки, буквально вырываясь из пронзительных криков охотников. Теперь и Иуитл, и Яотл сорвались с места и выскочили наружу. На некоторое время они даже забыли о девочках, и те остались одни: охотники уходили вниз, выстраиваясь в довольно густую цепь и спеша как можно скорее спуститься в долину, сжав кольцо. В последнюю секунду Иуитл, в руках которого было не только копьё, но и лук со стрелами, обернулся:

– Идите за нами, – крикнул он на ходу, – я скоро вернусь, я о вас помню.

– Вот тебе и раз, – обескураженно пробормотала Сима. – Ничего себе – позвать позвали, а теперь мы вроде бы здесь и лишние!

– Ничего, – ответила ей Лиза, – мы и сами можем неплохо понаблюдать за всей этой облавой, – она обвела взглядом склоны и добавила:

– Солнце освещает горы хорошо, а всех зверей они вниз согнали. Хорошо.

Им было хорошо видно, как воины-охотники, продолжая стучать трещотками и гудеть в трубы и раковины, поднимали животных, скрывающихся в зарослях и расщелинах. То тут то там падали, сражённые копьями и выпущенными из пращей камнями олени и дикие индюшки. Воины вытаскивали из тел поверженных животных копыя и шли дальше: в город этих животных уносили рабы. Рабы привязывали убитых оленей к длинным палкам и медленно тащили поперёк склона.

Девочки насиделись за день и теперь старались не отстать от воинов – они, обходя камни, довольно бодро спускались вниз, хотя и приходилось обращать внимание на колючки. Их порыв длился недолго – скоро они подустали и время от времени останавливались, пили воду и смахивали пот. Внезапно впереди, прямо перед ними раздался крик, один из воинов словно споткнувшись, покатился вниз по склону, потеряв и копьё, и свой шикарный головной убор, ещё двое воинов, прикрываясь щитами и согнувшись почти до земли, бросились вперёд, прямо к вдруг открывшейся расселине. Рабы, тащившие оленя, оставили свою поклажу и кинулись прочь: пума, эта огромная горная кошка с горящими от страха и гнева глазами, появилась словно из-под земли. Копьё одного из воинов скользнуло по плечу зверя, другое копьё пробило ему ухо. Пума резко развернулась и одним ударом сильной когтистой лапы сбросила бросившегося на неё охотника. Яотл, а это был именно он, упал, но тот час встал на четвереньки, сорвал с себя набедренную повязку и приложил её к груди, стараясь остановить кровь, текущую из глубоких полос, оставленных когтями горного льва. Всё это девочки увидели, как им показалось, в одно мгновение. Пума на секунду замерла на вершине камня, и на эту же секунду сам воздух словно замер, уступив место тишине. В следующее мгновение опять всё смешалось – котятка, выползающие из расселины вслед за матерью, брошенный посреди камней олень, блеснувшая на солнце шкура пумы, спешащий со всех ног к девочкам Иуитл. Камень, случайно сброшенный Симой катился вниз. Пума, до этого полулежала на камне, выпрямилась, злобный её рык прокатился над скалами. Она прыгнула, затем ещё и ещё. Девочки застыли не шевелясь. Бежать было некуда. Прятаться тоже. Лиза смогла лишь закричать – громко-громко, но крик этот не остановил пуму. Обычно горные львы (а именно так называли индейцы это животное) не нападали на людей, но здесь охотники потревожили мать. Пума защищала своих детёнышей и в порыве гнева готова была уничтожить всех людей, нарушивших покой. Она видела перед собой людей, и ей нужно было их наказать за вторжение. В три прыжка она покрыла разделявшее с девочками расстояние, но в этот самый момент, сверкнув наконецком на солнце, в её тело вошла стрела, выпущенная Иуитлом. Стрела сбила прыжок, тело пумы обмякло – выстрел был точен, видимо, наконечник достал до сердца. Пума попыталась встать на ноги, но копьё

подоспевшего молодого воина поставило точку в этом кровавом, но случайном бою.

Лиза опустила на камень рядом с убитой пумой, размазывая стекающий по лицу пот и внезапно выступившие слёзы. Сима закрыла глаза. Тело её дрожало в нервном напряжении – сейчас, после того, как всё закончилось, пришёл настоящий страх. Иуитл склонил перед ней голову:

– Я прошу извинить меня, – прерывающимся от волнения и бега голосом прошептал он, – я слишком увлёкся охотой. Теперь я не отойду от вас ни на шаг.

Охота шла дальше. Вряд ли кто-то обратил бы внимание на эти события – во время большой облавы встреча и бой с диким зверем были довольно обычным делом, но здесь дело касалось двух белых девочек, тех самых, что вызвали дождь. Тех самых девочек, которые получили разрешение участвовать в облаве от самого наместника! Иуитл уже не отходил от них до самого окончания охоты. Яотла, довольно сильно пострадавшего, отвели в селение рабы. В город же были доставлены и все охотничьи трофеи – мясо было редким гостем на столах и сейчас должно было пополнить запасы продовольствия.

Сразу же после охоты Иуитл предстал перед наместником, и если бы не вмешательство Симы – вряд ли юноше удалось избежать если и не жертвенного камня, то уж бесчестия точно. Но Сима рассказала о мужестве Иуитла, о ярости пумы, бьющейся за своих детёнышей, и наместник смягчился – он вновь отпустил девочек в город в сопровождении молодого воина. Ему понравилось то, как горячо Сима защищала юношу, понравилась и её решительность, и сила убеждения, и карие глаза, красивые и выразительные одновременно. Он невольно сравнил её с Течуишпо, своей молодой женой, дочерью самого Монтесумы, преданной ему, красивой, но немного надменной, всё время напоминающей ему о величии своего отца. Куаутемок отпустил юношу, несмотря на призыв Махузоха принести юношу в жертву накануне великого похода на Семпоалу: в самый разгар его разговора с Симой и Иуитлом вернулся из Семпоалы Куолли – тайный агент и разведчик. Куаутемок, не прерывая беседы с Симой, выслушал его и понял, что каждый храбрый воин пригодится ему в предстоящем походе. Куолли рассказал, как он уходил от преследования, как добирался до Ошитипана, стараясь идти по ночам, избегая постоянных дворов и прячась в придорожных зарослях, едва на тропе появлялись путники. Он сильно исхудал за эти дни – Питаться ему приходилось незрелой кукурузой и томатами. Он собирал их на полях тех селений, через которые проходил его путь. Лишь на пятый день он вышел открыто на тропу и смог передвигаться значительно быстрее – здесь уже погоня была ему нестрашна. К концу этого, пятого, дня он, наконец, прибыл в Ошитипан и, тщательно помывшись и сменив одежду, появился во дворце в тот самый момент, когда Куаутемок пытался отыскать середину между Симой и Махузохом.

Куолли появился вовремя – отряд под предводительством самого Куаутемока готов был тронуться в путь уже на следующий день, сразу после большой облавы, не дожидаясь известий от разведчиков. Теперь же он получил столь необходимые сведения,

и поход был отложен на несколько дней. Куаутемок принял решение усилить отряд не только воинами Ошитипана, но и лучниками с севера: Куолли убедил его в непредсказуемости предстоящей войны:

– Завтра на совете мы решим всё окончательно, а мясо надо раздать людям, – подвёл он итог большой облавы.

* * *

– Нам нужно большое жертвоприношение перед походом, – жрец Тлалока, пытаясь убедить наместника, в третий раз повторил одну и ту же фразу. Накануне ему не удалось отправить Иуитла на жертвенный камень, но он не оставил попытки отправить туда девочек. Куаутемок весь день разговаривал с Симой, стараясь узнать у неё хоть что-то о белых людях. Сима убедила молодого наместника отказаться от подарков испанцам, объяснив, что подобные действия только разожгут алчность в рядах белых пришельцев.

– Эти белые девчонки – шпионы, – в конце концов прошептал Махузох Куаутемоку, отозвав того чуть в сторону, – их, нужно отправить на жертвенный камень прежде чем отряд выступит в поход. С каких пор наместник не прислушивается к словам Бога?

Куаутемок долго молчал, пока, наконец, не решился спросить:

– Ты боишься их? – наместник посмотрел на Лизу. Девочка играла с пауком, не давая ему убежать со стола, за которым проходил этот последний перед уходом совет.

– Эти две девочки вызывают сомнения в твоей силе? – он снова перевёл взгляд на жреца. Тот едва заметно вздрогнул:

– Нет, но я считаю, что так будет лучше. – Он замолчал, а Куаутемок ещё раз усмехнулся:

– Мы выступаем завтра на рассвете. Думаю, в Семпоале мы возьмём достаточное количество пленников для жертвоприношений, – Махузох кивнул, соглашаясь:

– Мой помощник – Золин – будет с отрядом.

Едва на город опустился вечер, все, кто был во дворце, разошлись, в храме Тлалока состоялся странный разговор. Здесь, у главного алтаря, вновь находились двое – сам главный жрец и его помощник. Гулко разносились шаги обутого в сандалии жреца под высоким каменным сводом, упрямо повторяли эхом стены каждое сказанное им слово:

– Эти девчонки – шпионки и колдуньи, – то и дело оглядываясь на проём входа, раз за разом повторял Махузох. Ему не удалось убедить наместника в необходимости умертвить пришельцев, более того, наместник решил взять сестёр с собой в поход. Жрец лихорадочно искал выход из создавшейся ситуации:

– Эти колдуньи затуманили разум наместника, они заставляют его забыть о желаниях Богов!

– Да, Великий жрец, – соглашаясь с ним, кивнул головой Золин. – Но что мы можем сделать?

– Наши боги указывают другой путь, – переходя на шёпот, продолжил Махузох. – Они приказывают положить колдуний на жертвенный камень и купить белых людей золотом. Ты возьмёшь это золото с собой, – он отбросил в сторону ярко раскрашен-

ную циновку и поставил перед Золином мешок из волокон агавы, заполненный золотыми украшениями. – Отдай белым людям золото и скажи, что его посылает им император Монтесума. Скажи, что золота много, но Тлашкала стоит на пути из столицы к ним, белым. Если белые направят свои стремления на запад и сразятся с нашими врагами, тлашкальтеками, золота будет много. – Махузох внимательно и строго посмотрел на Золина и пояснил:

– Нам не нужна война с белыми людьми, но мы постараемся сделать их своими союзниками. В борьбе с тлашкальтеками белые люди ослабнут, и тогда настанет наш черёд, мы попробуем заключить с ними союз.

«О, как мне нужен этот союз», – подумал жрец. – Людей, которые любят золото легко держать в подчинении. Может быть, тогда, наконец, он сможет показать Куаутемоку, этому выскочке, кто является истинным хозяином Ошитипана». – Махузох даже улыбнулся этим своим мыслям, но вслух произнёс:

– А девочнок нужно положить на жертвенный камень, чтобы убедить Монтесуму, нашего правителя, в том, что белые люди смертны. Постарайся передать золото белым до того, как Куаутемок пожелает говорить с ними, и поспеши в столицу. Там, в Теночтитлане, ты должен убедить Монтесуму в правильности моих слов. Помни, что так угодно богам.

Махузох помолчал, словно собираясь с мыслями:

– Куаутемок ничего не должен знать – он ничего не видит вокруг, кроме глаз старшей из колдуний, туман любви овладел им настолько, что он совсем забыл о Течуишпо, своей молодой жене. – Жрец усмехнулся, его глаза сузились, превратившись в узенькие щёлочки, – может быть, это будет нам на руку – я попробую сделать Течуишпо союзницей... – он внимательно посмотрел на Золина и поспешно добавил:

– Даже любовь не должна мешать в принятии главных и трудных решений.

Золин согласно кивнул – он привык доверять главному жрецу:

– Эти две девочки принесли нам несчастье, – пробормотал он, – они должны оказаться на жертвенном камне...

Махузох довольно вздохнул:

– Мешок тяжёлый, но придётся потерпеть. А сейчас иди спать – поход предстоит неблизкий.

Золин взвалил мешок на плечо и, поклонившись жрецу, вышел из храма. На душе у него было легко – он отличался особым рвением в служении богам, а Махузох убедил его в своей правоте.

Спустя несколько минут он уже шагал по улицам. Город спал – воины отдыхали перед походом, крестьяне отдыхали перед трудовым днём. Золин ещё раз взвесил в руках мешок – здесь находился успех похода:

– Так хотят боги, – тихо пробормотал он, радуясь, что именно ему выпала честь выполнить волю богов.

Едва заметный ветерок гнал по тёмному небу облака, время от времени скрывающие и луну и казавшиеся очень яркими звёзды. Подходила к концу ещё одна ночь, апрельская ночь 1519 года.

Часть четвёртая. Жизнь и смерть.

– Теперь мы должны быть ещё внимательнее, – Куолли вёл отряд Куаутемока осторожно, то и дело высылая вперёд разведчиков. До Семпоалы оставался день пути. Отряд был немалый – несколько тысяч человек. Они двигались в полном молчании с рассвета и до заката, останавливаясь за это время лишь дважды – утром, после трёх часов марша для завтрака и в середине дня для короткого отдыха и обеда. Сёстры были среди воинов. Они шли вместе со всеми, стараясь не отставать, радуясь закалке, полученной дома на занятиях физкультурой. Тем более что время от времени то один воин, то другой подхватывали Лизу на плечи и несли не один километр: каждому хотелось хоть немножко угодить девочкам, вызвавшим в их городе дождь. Сам Куаутемок шёл вместе с воинами. Это было против всех правил – военачальник не имел права ступать на землю во время похода и во время боевых действий. Он должен был находиться на носилках, но и Куолли, и девочки настойчиво пытались убедить его в том, что его и воинов ожидает совсем другая война. Он жаждал сам убедиться в этих словах и хотел первым из воинов опровергнуть все эти разговоры, непонятным образом ломающие его убеждения. Свою жену он отправил в столицу короткой дорогой вместе с небольшой охраной, а сам шагал вместе с лучшими своими воинами.

Разведчики не только пытались добывать сведения, интересующие Куаутемока, они передавали приказ населению деревень встречать и кормить воинов. Поэтому, когда отряд останавливался возле очередного постоянного двора, пища – кукурузная каша и овощи – уже ожидала их.

Воины были удивлены предстоящей войной: всё было не так, как это было принято. Обычно война подчинялась очень строгим правилам. Вначале в стан противника высылались одна за другой три делегации, которые должны были убедить его сдать без боя. Причём на принятие решения давалось время – целый месяц. По прошествии этого месяца, направлялась ещё одна делегация, а затем и третья. И только потом, в случае отказа повиноваться, объявлялась война. Войска шли, не скрываясь, наоборот, шумно возвещая о походе. Воины радовались – настал момент, когда каждый из них имел возможность показать не только личную воинскую доблесть, которая почиталась наивысшей добродетелью, но и взять своего противника в плен. Пленники составляли ценнейшую военную добычу ацтеков. Именно приобретение пленных, которых можно было принести в жертву богам, являлось одной из главных целей военных походов. К тому же особо отличившиеся в бою воины незнатного происхождения получали доступ в привилегированные слои, эти заслуги могли их вывести даже в военачальники, а привилегии, заслуженные в боях, они могли унести с собой в загробный мир.

А сейчас, в этом походе, всё было не так. Отряд Куаутемока шёл, стараясь, насколько это было возможно, не привлекать к себе внимания. Это удивляло и возмущало воинов. Их торговца (каковым они считали Куолли) чуть не убили в Семпоале. Это считалось страшным преступлением. В стране мешиков нападение на торговца было вполне достаточ-

ным поводом для объявления войны. К тому же в рядах воинов-ягуаров и воинов-орлов, привыкших сражаться с врагом врукопашную и вооружённых копьями и тяжёлыми плоскими дубинами, было несколько сотен кочевников-северян, вооружённых луками и стрелами. Бойцы элитных частей считали лук оружием варварским, недостойным настоящего воина и присутствие в отряде северян раздражало их. Они привыкли доверять своим вождям, уважали Куаутемота, поэтому терпели их присутствие, но всё равно всячески показывали именно свою значимость в этом походе.

– Ух, эти лучники, – бормотал то один то другой воин, – никакой храбрости в них.

Накануне похода Куаутемот собрал совет, на котором присутствовали самые заслуженные воины. Воины сидели вокруг Куаутемота в несколько рядов на циновках. Каждый из этих людей имел право голоса, каждый мог поставить под сомнение любой из приводимых им доводов. Три раза, как это было положено по обычаю, они воспрошали его о целях и самой нужности похода и три раза он объяснял совету причины, по которым было решено собрать войско. От Куолли он знал, что их может встретить объединённая армия жителей Семпоалы и тлашкальтеков, усиленная белыми людьми, но у него не было страха – слишком могущественной ему казалась империя Анахуак, побеждавшая на протяжении многих лет всех врагов. «У белых людей тоже есть сердца, и их кровь наверняка такая же красная как у других жертв бога войны», – думал он всякий раз, когда в его сознание закрадывалось сомнение. В эти минуты он оглядывал своих воинов – крепких и бесстрашных.

А они шли – лучшие воины Ошитипана, шли в предвкушении славы и почестей, шли, надеясь сполна утолить кровавую жажду ненасытного Уицлопочтли – бога войны. И лишь Куолли и две светлокотие девочки знали, что для многих из них, бодро шагающих нескончаемой вереницей друг за другом по каменистой тропе, этот поход станет последним в их жизни. Куолли догадывался об этом, вспоминая разговоры правителей Семпоаллы о белых людях, сёстры же понимали, что историю невозможно повернуть вспять. Но они шли на юго-восток к заливу, который позже назовут Мексиканским и к тому городу, от которого всего через два года останутся одни лишь зарастающие тропическим лесом развалины.

– Город недалеко, – Куолли указал Куаутемоту на вившийся вдали дымок и остановил отряд. Всю вторую половину последнего дня пути воины то поднимались куда-то вверх, то спускались вниз – в ущелья или узкие межгорные долины, карабкаясь по скалам, старательно обходя районы камнепадов и селей. Впереди показалась вода залива, пальмы, почти падающие в воду и покрытые известью стены домов Семпоалы.

Стремительно приближался вечер. Все боевые действия ацтеки обычно вели в светлое время суток – они старались не нарушать кодекс чести даже при встрече с врагом. Куолли настаивал на немедленном нападении на город:

– Нельзя ждать, – горячо убеждал он и Куаутемота и военачальников отряда, – может быть, белые

уже в городе, может быть, они уже вступили в союз с правителем города?

Куаутемот не спешил воспользоваться советом проводника. Он долго раздумывал – попробуй докажи воинам справедливость такого решения? Он даже спросил мнение сестёр, но ни Лиза, ни Сима ничего не смогли сказать: откуда им – юным девочкам – знать правила войны ацтеков? Начавшийся было спор неожиданно разрешил помощник Махузоха – Золин:

– Тебя одолевают сомнения, великий наместник? Разве ты забыл, что кровь врага должно увидеть солнце, только тогда это будет угодно богам? К тому же, как того требуют традиции, мы должны выслушать прорицателей.

Действительно, идущие вместе с отрядом жрецы-прорицатели должны были указать благоприятное время для начала военных действий. Куаутемот, как никто другой, знал это.

Всю ночь и весь следующий день в лагере Куаутемота горели костры.

– Ты должен выслать послов в Семпоалу. Пусть послы расскажут, что ждёт жителей города в случае войны. Пусть отнесут правителю Семпоалы хорошие доспехи – он должен остаться в живых до суда и до своей смерти на жертвенном камне.

Этот довод жреца убедил Куаутемота остановиться на подступах к городу. Целых три дня его отряд ждал решения прорицателей. Три дня Куолли не находил себе места, три дня волновались сёстры – они постоянно ощущали на себе взгляд Золина: жёсткий и ненавидящий.

– Страшный дядька, я боюсь его, – шептала Лиза на ухо Симе всякий раз, когда видела помощника великого жреца Ошитипана. – Скорее бы идти дальше, что они медлят?

– Не знаю что лучше, – в раздумье прищуривая глаза, отвечала Сима, – сидеть здесь, возле вождя, или попасть вместе с ними на улицы города? Давай договоримся быть только вместе, что бы ни случилось.

– Конечно вместе, – Лиза утвердительно кивнула головой. – Я-то точно никуда не денусь, а вот тебя может Куаутемот куда-нибудь забрать, а меня в это время жрец сцапает. Это ты меня не бросай.

На заре четвёртого дня в Семпоалу отправилась процессия. Несколько десятков людей несли оружие и доспехи правителю, несли богатые дары. Но даже они – прославленные и выдавшие виды воины – были поражены встретившим их молчанием. Невидимо стояли воины Семпоалы на улицах – никто не повернул головы, провожая послов, лишь горящие глаза говорили о том, что это не застывшие статуи. Было что-то зловещее в этом молчании, в этой нависшей над городом тишине. Вышедший им навстречу правитель города не принял ни даров, ни оружия, ни доспехов:

– Вы напрасно пришли сюда, – едва заметно усмехнувшись, дерзко ответил правитель города. – Очень скоро вы пожалеете, что пришли сюда.

Он поглядел куда-то в сторону залива, откуда ждал появления белых людей, а затем взмахнул рукой:

– Выпустите их из города. Пусть идут туда, откуда пришли.

Его поведение нарушало все традиции государства, но неделю назад пришёл вестник от белых людей. Золото сыграло свою роль – чужеземцы шли в Семпоалу, шли как друзья. Об этом говорил вестник, и правитель ждал их. Эта весть вдохновила его и сделала дерзким. Традиции и осторожность требовали тянуть время, но он хотел сам принимать решения, сам, как Монтесума. В конце концов, он мог стать основателем нового государства, и возникшие амбиции не позволили принимать послов, как того требовали установленные правила.

– Выпустите их из города, – повторил правитель Семпоалы. – Пусть идут с миром.

Куаутемок, стоя на обломке скалы, возвышающемся над заливом и городом, видел, как шли назад его послы, видел их опущенные вниз головы. Он видел, как за их спинами заполняли улицы города воины Семпоалы, встающие друг к другу плечо к плечу, видел их решимость. Он чувствовал, что в груди его разгорается огонёк недоумения и страха: эти люди не просто пытались обрести независимость, они выступали против законов самого государства, призывая на помощь чужеземцев. В его сознании всё смешалось – нетерпение Куолли, рассказы девочек, чудным образом попавших в Ошитипан, занятия в школе, на которых его учили чтить законы страны и которые попираются сейчас правителями Семпоалы. Он впервые в жизни чувствовал этот страх и пытался отогнать его, но страх спутывал его сознание всё больше и больше.

Солнце жгло ему лицо, ветер с залива оседал солью на губах, а он стоял и смотрел на город, не в силах сдвинуться с места. Куаутемок не пошевелился даже, когда рядом с ним встала Сима. И лишь когда услышал шуршание ног поднимающихся к нему послов, он пришёл в себя.

Послы остановились перед своим предводителем. Они молча положили к его ногам доспехи и дары, не принятые правителем Семпоалы. «Что ж, – подумал молодой наместник Ошитипана, – пусть и дальше всё складывается так, как угодно богам».

– Прорицатели говорят, что боги на нашей стороне, – произнёс он громко и чётко. – Пусть будет война!

* * *

Улицы города на подступах к храму были заполнены вооружёнными людьми. Бой начался не сразу: весь остаток дня и всю ночь после возвращения послов жрецы и прорицатели Куаутемока ждали знамения. На рассвете, едва лёгкий утренний туман начал медленно оседать на камни и листья деревьев, тишину взорвал дикий нестройный шум. Как на большой охоте завывали трубы, заголосили флейты, костяные свистки и раковины, зазвенели медные диски музыкальных тарелок, слились в один сплошной гул треск сшибающегося друг о друга деревянного оружия, крики и вопли дерущихся и умирающих воинов. Первые пленные, связанные по рукам и ногам, уже корчились у стен домов, занятых воинами Куаутемока, пыль, поднятая сотнями ног, оседала на раскрашенных и покрытых кровью телах. Воины бились в рукопашную. Прикрываясь деревянными, обтянутыми кожей щитами, воины враждебных городов сходились грудь в грудь. Что

подействовало на воинов Семпоалы – обещания их правителя о самостоятельности, желание умиловать богов кровью врагов или надежда на помощь белых союзников, но бились они крепко. Куаутемок сам был в первых рядах. Он и несколько десятков самых сильных воинов размахивали оружием на пути к храму, пытаясь подойти к нему напрямую по той самой дороге, которая спускалась с оставленного ими перевала. Куолли убедил его оставить лучников сзади, в отряде прикрытия: он боялся и тлашкаланцев, и белых людей, которые могли появиться очень скоро со стороны гор. Здесь же с лучниками он оставил и сестёр.

Но он не знал Лизы. Едва воины Куаутемока ринулись толпой вниз по тропе к покрытым известью домам, Лиза метнулась вслед за ними. Ей хотелось быть там, вместе со всеми, хотелось увидеть варварский бой давно канувших в Лету людей. «Вот возвращусь домой, будет, что рассказать», – только эта мысль мелькнула в голове девочки, и она без раздумий ринулась вслед за всеми, позабыв о сестре, позабыв об опасности, о самой реальности событий. Её, словно кипящей водоворотами водой, потащило за бегущей всё быстрее и быстрее толпой воинов. Воины, вооружённые деревянными плоскими дубинами, копьями, вложенными в метательные дощечки, дико крича, сшибались с противником, падали, сражённые копьями защитников города, или сами накидывали верёвки на плечи и шеи своих врагов. Сима, ежесекундно уворачиваясь, падая, снова вскакивая на ноги, старалась протолкнуться к ней. Какое-то чудо спасало и её, и сестру: над их головами летали копья и камни, брошенные пращами, вокруг катились в пыли люди, но девочки оставались целыми и невредимыми. Лиза же только здесь, в самой гуще свалки, поняла во что ввязалась: она ничего не могла видеть, более того – когда кровь из глубокой раны упавшего замертво воина растеклась по пыльной земле, она поняла, куда вынесла её собственная беспечность. Ужас охватил её настолько, что она закричала, закрыла голову руками и, согнувшись почти до самой земли, бросилась назад. Не тут-то было! Её толкнули раз, толкнули ещё и ещё и настолько сильно, что она отлетела к самой стене дома, размазывая по лицу слёзы, стараясь закопаться в пыль, спрятаться под землёй. Лиза больше не кричала, но теперь ею овладела только одна мысль – спрятаться. Неважно где, лишь бы никого не видеть и не слышать, и вообще, скорее попасть в тоннель времени и оказаться у себя дома.

– Этот проклятый тоннель, где он? Куда он делся? И где Сима? Никогда больше не буду своевольничать, – смешивая всё в одну кучу, шептала Лиза, продолжая вытирать слёзы и оглядываться по сторонам, – никогда. Буду самой послушной девочкой на свете.

Она так обрадовалась, когда людское месиво буквально вышвырнуло к её ногам сестру, что даже сложила руки на груди и поклонилась сестре.

– Сима, Сима, – повторяла она, а сестра гладила её по голове, вытирала слёзы, пытаясь успокоить, продолжая следить за событиями на улице.

Основная свалка переместилась к храму. На улице лежали убитые, десятки пленников, связанных по несколько человек вместе, воины Куауте-

мока уводили куда-то в сторону бывшей своей стожанки. У храма ещё долго раздавались крики и рёв раковин, но вот и там всё стихло.

– Кажется, они захватили храм, – тихо произнесла Сима.

– Храм? – переспросила Лиза. – И что?

– У ацтеков война заканчивается, когда противник захватывает храм, так я слышала. – Сима посмотрела на сестру, и, видя, что та не всё поняла, пояснила:

– Я ещё дома читала, да и Куаутемок объяснял, что война у ацтеков заканчивается тогда, когда войско захватывает храм противника.

– А-а, Куаутемок, – протянула Лиза, – тогда всё понятно. – Она посидела несколько минут молча, а потом добавила:

– Я так испугалась! Как начали вокруг все друг друга мутузить этими дубинами, как начали все орать и падать, я подумала, что конец света наступил.

– Да уж, – едва заметно усмехнувшись, ответила Сима, – действительно конец света. Ну, – сказала она, вставая, – пошли, кажется, всё закончилось.

Действительно, было похоже, что бой закончился – там, на самом верху пирамиды, видимо, велись переговоры.

Девочки встали и долго стряхивали с одежды пыль, затем медленно направились к центральной пирамиде города, на вершине которой был расположен храм – тяжёлое, почти квадратное здание, выложенное из отёсанных каменных глыб-кирпичей. Сама же пирамида состояла из круглых камней, скреплённых раствором, причём раствор исполнял роль самостоятельного состава, и в пирамиде было поровну и камней, и этого раствора.

– Надо же, – не удержавшись и моментально позабыв о пережитых волнениях, прошептала Лиза, – надо же – никогда бы не подумала о том, что из круглых камней можно сложить такую пирамиду. Смотри – ступени из плоских камней, а стены из круглых. И фигура какого-то бога на первом плане, – она указала на высокую, метра в три треугольную в сечении каменную стелу, смотревшую острым ребром в сторону ступеней. Какими-то острыми инструментами на этой стеле были вырезаны лицо и сложенные на груди руки.

– Какое злое лицо, – отворачиваясь, произнесла Лиза, – так и хочется сказать «фу». Надо же, смотрит на меня. – Действительно, несмотря на казавшуюся примитивной фигуру, глаза каменного колосса смотрели вслед девочкам, словно глаза на этой стеле были наделены жизнью. Видимо, мастера владели техникой воздействия на сознание человека через каменные скульптуры. Но Сима, казалось, даже не слышала сестру:

– Лицо – ладно, что там у них дальше будет? – внимательно вглядываясь в сторону храма, негромко произнесла она.

А на вершине храма действительно всё закончилось. Победённые воины стояли, склонив головы, победители же внимательно прислушивались к словам своего предводителя – Куаутемока. Тот упивался своей важностью, в душе сравнивая себя с самыми великими победителями прошлого, ликуя, что мог подарить эту победу Богу Войны. Ещё

бы ему было не радоваться и ликовать! Тщательно готовившаяся защита города оказалась негрозной, сопротивление – недолгим. Боги были на его стороне. Куолли с его осторожностью мгновенно был позабыт, хотя речь, которую вели побеждённые, никак не соответствовала той – привычной, принятой в государстве форме. Обычно побеждённые просили прощения за своё выступление, признавали свои ошибки и вновь требовали включить их в состав конфедерации. Победители обычно торговались, обещали им за объявление войны страшную кару, но в конце концов всё заканчивалось установлением полного мира и выкупом, который выплачивали проигравшие. Сейчас всё было не так. Правитель Семпоалы продолжал сидеть с надменным лицом, и это было непонятно Куаутемоку.

– Не ждите милости, – произнёс он, как это было положено по условию переговоров, обязательных по окончании военных действий, но в ответ опять не услышал ничего.

* * *

В самый разгар раздумий Куаутемока где-то далеко, у самого берега, завывли трубы. Звук был необычным – очень высоким, мелодичным и резким одновременно. Тотчас правитель Семпоалы выпрямился, его глаза сверкнули и наполнились торжеством. Казалось, он с нетерпением ждал именно этого сигнала. Куаутемок тоже повернул голову на этот новый звук, и воины, что стояли рядами на ступенях пирамиды и вокруг неё, тоже обернулись на этот звук.

Правитель Семпоалы усмехнулся, сложил руки на груди и ещё больше выпрямился:

– Самое время поговорить о милости богов, – произнёс он, и Куаутемоком вновь овладело беспокойство. Но только что он одержал победу над сильным отрядом и не сомневался, что боги и дальше будут на его стороне – именно так пообещали ему прорицатели.

Из-за поворота улицы показались люди. Они шли друг за другом рядами по четыре человека, и тяжёлая их поступь мгновенно подняла в воздух целое облако мелкой белой пыли. Их головы, как и головы воинов Куаутемока, были прикрыты шлемами – только шлемы эти были странными – гладкими и блестящими, а тела сверкали на солнце неизвестным мексиканцам металлом. Обуты они были в не менее странную обувь – высокие кожаные сапоги, не виданные ещё в империи ацтеков. Но самым непонятными были показавшиеся следом существа: четырёхногие, с двумя головами и руками, с ног до головы покрытыми всё тем же неизвестным металлом. Эти существа храпели, и металл на их спинах от этого звенел и грохотал. Все – и люди, и четырёхногие существа – шли плотной группой, похожей на неведомое животное – неряшливое и одновременно страшное какой-то непонятной силой. Их было мало, всего лишь несколько десятков, но они шли уверенной поступью, не опуская глаз и словно не видя никого, всё ближе и ближе подходя к храму. Их вёл худой длинноволосый жрец. Куолли вспомнил его – это он рьяно выступал за союз и с Тлашкалой и с белыми людьми, это его он видел в ту ночь, когда тайно проник во дворец правителя Сем-

поалы и именно его не сумел остановить. Значит, они – Куолли и Куаутебок, всё же не успели. Значит, его усилия, его спешка оказались напрасными. Они не успели расправиться с правителем Семпоалы до прихода белых людей. Не успели укрепиться здесь как следует и теперь им придётся встретиться с белыми людьми лицом к лицу прямо сейчас.

– Испанцы, – прошептала Сима, с удивлением и некоторым страхом глядя на грязных бородатых людей в кирасах, вооружённых аркебузами и алебардами. Тех самых – висельников и преступников, из которых первые испанские завоеватели набирали себе войска.

– Испанцы, – машинально повторила за ней Лиза. – Конкистадоры.

Она внимательно всматривалась в лица подходивших людей, стараясь увидеть в них жителей Мадрида, которых видела во время перелёта из Моксвы в Мексику.

Куолли взглядом опытного воина тотчас оценил противника. Он смотрел на мечи, висящие на поясах пришельцев, на копья с огромными топорами и пиками на концах, на странные длинные палки, источавшие неизвестный ему доселе особый запах гари. Он – воин до самой последней клеточки тела – понял, что видит перед собой самого страшного врага, которого только можно было себе представить. Куолли спустился вниз, старательно обходя замерших воинов-ацтеков, и ускоренным шагом устремился вверх по тропе – туда, где остался отряд лучников. Он надеялся ещё как-то выкрутиться из этой ситуации, надеялся как-то спасти хотя бы Куаутебока.

Испанцы остановились у самого подножья пирамиды. Их предводитель – высокий смуглый человек с тонкими чертами лица и элегантно постриженной бородой – склонился почти к самому лицу молодой красивой индеанки, красиво, но странно одетой – из-под хлопчатобумажной индейской накидки, расписанной золотыми нитями, виднелось европейское платье, довольно дорогого покроя. Индеанка несколько раз кивнула головой в ответ, а затем спросила что-то у жреца, который выполнял в их походе роль проводника. Тот кивнул и указал рукой на самую вершину пирамиды. Тогда предводитель пришельцев громко произнёс:

– Мы пришли по твоему зову, достойный Правитель города Семпоалы! Зачем ты звал нас?

После этих слов наступила звенящая тишина. Маленький камешек упал из-под ноги развернувшегося вполоборота Куаутебока и покатился по ступенькам вниз. Куаутебок охватила тихая ярость – второй раз за этот поход его не хотели замечать. Его – великого наместника самого Монтесумы! Но он сдержался – сказалось и его происхождение, и школа, в которой его учили выдержке, так необходимой будущему правителю:

– Здесь нет больше старого правителя, – мягко ответил он на вопрос пришельца. – Мы закончим суд, а затем будем разговаривать с вами. – Он снисходительно улыбнулся и добавил:

– Вы можете подождать нас там, – и он указал на строения дворца. Теперь пришла очередь снисходительно улыбаться предводителю испанцев:

– Мы здесь как раз для того, чтобы призвать вас остановить суд.

После этих его слов снова наступила тишина.

– Это Кортес, – прошептала Сима. – Я попытаюсь хоть что-то объяснить Куаутебоку – и она стала быстро подниматься по ступенькам вверх, стараясь успеть приблизиться к молодому военачальнику.

Ещё во время похода она пыталась рассказать ему о методах конкистадоров, известных ей самой из учебников истории и из прочитанных книг, она советовала не брать их в плен, если случится война. Куаутебок слушал её внимательно, но воспринял её советы и её рассказ не более чем советы юной, не знающей законов войны девушки. Ему ли, одному из самых лучших воинов Ошитипана, бояться этих грязных бородатых людей?! Ему ли нарушать традиции? Ему ли не желать напоить своего бога Уицилопочтли их кровью? Сейчас при последних словах испанского предводителя Куаутебоку стало смешно: неужели эти пришельцы осмелятся выступить против краснокожих воинов, в несколько раз превосходящих их по численности?

– Вы можете подождать нас там, – вновь повторил он и указал на строения дворца.

Вместо ответа Кортес (а это был именно он) бросил короткий, отрывистый приказ. Вновь раздался пронзительный звук трубы. Тотчас небольшой отряд, ошестившись оголёнными мечами и аркебузами, медленно двинулся к ступеням пирамиды. Немногочисленные всадники, до этого находившиеся в центре отряда, встали рядом со стрелками, готовые броситься вперёд по первому знаку. Увидев это, Сима мгновенно повернула назад, подхватила за руку Лизу и стала медленно уходить вниз, как можно дальше от испанцев. Девочкам почти удалось спуститься по ступенькам, когда они услышали команду на испанском языке, стройный ружейный залп, который буквально потонул в многоголосом вопле ужаса и ярости. Девочки, не останавливая движения, оглянулись. Грохот выстрелов привёл воинов Куаутебока в невероятное смятение. В первую минуту они было бросились на испанцев со своими верёвками и деревянным оружием, но тяжёлые свинцовые пули и сталь мечей почти сразу остановили их: индейцы валились навзничь друг на друга или кричали от полученных страшных ран. Всадники без труда прорубали сквозь толпу широкие просеки, оставляя после себя изрубленные и истоптанные тела лучших воинов Куаутебока. Последнее, что увидела Сима, то, как правитель Семпоалы выпрямился во весь рост и что-то закричал своим воинам. Она увидела, как одни индейцы кинулись на других индейцев, снова услышала залп из аркебуз, увидела, как взмахнул своей палицей Куаутебок и после этого всё смешалось. Она, крепко держа за руку Лизу, бежала вместе со всеми отступающими к горам, слышала отборную испанскую ругань, храп лошадей и вопли умирающих людей.

Позже она никак не могла связно вспомнить последовавшие следом события – в её памяти остались лишь бессвязные обрывки: крики, искажённые ужасом и злостью лица, юноша-индеец, тащивший в руке испанскую кирасу, вопль одного из военачальников Куаутебока. Она лишь почувствовала, что дома, плотно державшие в своих стенах улицу,

расступились, что их место заняли камни, густые колючие кустарники и деревья. Она чувствовала, что тропа пошла в гору, что её с сестрой тянет вверх толпа отступающих, сбившихся в кучу людей, она помнила, как поднималась вверх вместе со всеми, крепко сжимая ладошку сестры, моля Бога уберечь и их, и Куаутемока, и его людей. Она молила Бога о том, чтобы всё это скорее закончилось, чтобы они опять оказались дома, в своём родном Ульяновске, или хотя бы в школе в каком-нибудь кабинете географии.

Именно в этот момент засвистели стрелы – то оставленный на подходе к городу отряд лучников вступил в бой. Стрелы с наконечниками из вулканического стекла и кости не пробивали испанских доспехов, но лучники били по незащищённым местам: стрелы впивались то в руку, то в бедро напа-

давших, оставляя болезненные раны и заставляя пригибаться к земле. Испанцы вновь взялись за аркебузы, но, когда стрелы стали попадать в лошадей, они вовсе прекратили преследование. Оставшиеся в живых воины Куаутемока укрылись за камнями, а нападавшие подались назад, в город. Наверное, и девочкам удалось бы укрыться за этими камнями, если бы не Лиза. Во время бегства она споткнулась и сильно ушиблась о камень. Пока Сима закатывала ей штанину, пока массировала ногу, их накрыла толпа преследователей. Может быть, именно это и спасло девочек от пуль и стрел в момент боя, но, когда испанцы вместе со своими краснокожими союзниками откатились назад в город, они прихватили с собой обеих сестёр.

Продолжение следует.

СЛОВА И ЗВУКИ СЛОВЕНИИ

Писательская резиденция в словенской Любляне, где я работала весь сентябрь, стала вторым моим подобным опытом. Весной прошлого года я занималась написанием пьесы в Доме писателей и переводчиков в Вентспилсе (Латвия), а в Словении собирала звуки городов и писала стихотворения.

Свой словенский проект, который был выбран среди заявок авторов из городов литературы ЮНЕСКО, связала со звуками и поэзией. Меня давно интересует звуковой менталитет человека, то есть восприятие звука, складывающееся в зависимости от звукового фона, в котором человек вырос. С детства мы живем в определенном звуковом окружении, привыкая к тем или иным звукам. Например, звуковой менталитет человека из горной местности, деревни у океана будет заметно отличаться от звукового менталитета жителя города, в котором нет реки. Я живу в Ульяновске – городе, расположенном на берегах большой реки Волги – и иногда мне кажется, что я слышу шум реки, даже если его нет, и это – тоже звуковой менталитет. Кроме того, звук может играть важную роль в мифологизации пространства. Если человек не может объяснить звук, понять его источник, он начинает складывать про него миф, это очень любопытно.

Для исследования любого пространства очень важно быть активным слушателем. Звук – одна из первых вещей, которые мы ощущаем, приезжая в новое место. Он может нравиться или вызывать раздражение, радовать или пугать, и это важно для восприятия места в целом. Думаю, мы недооцениваем важность звука, полностью сосредоточившись сегодня на фотографии и других визуальных вещах. Кстати, это сказывается и на поэзии, которая стала тоже своего рода визуальным инструментом, хотя для меня поэзия начинается со звука.

Работая над проектом в Словении, я посетила 10 городов, деревень и мест, где записывала разные звуки – около 100 саундтреков, после чего написала серию стихотворений. Всё это можно послушать на сайте www.galauzryutova.com. Проект был посвящен звукам Словении, но это не значит, что я писала о звуках. Это значит, что звуки были отправной точкой для написания стихотворений. Для меня поэзия и есть звук, причем звук первоначальный, без аранжировки. Исследуя звуки разных городов, я убедилась, что они очень поэтичны, что в их хаосе и есть поэзия. Когда ты сознательно вслушиваешься в каждый звук, замечаешь то, чего не замечал раньше. Всё становится более объемным, что очень важно для поэзии. Восприятие звуков и чтение стихотворений – очень похожие вещи.

Конечно, когда ты каждый день так активно работаешь со звуками, то вечером тебе нужно очистить звуковое восприятие, и огромный парк Тиволи в Любляне, где я жила в резиденции на холме, как раз идеальное место для этого. Он является своего рода фильтром между тобой и городом, поэтому на следующее утро твое звуковое восприятие снова как новое.

Но мы редко слышим чистые звуки. Как правило, звук всегда находится в контексте, особенно в городах. Здесь мы можем наблюдать не только гармонию, но конфликт звуков. И в этом есть что-то общее с поэтическими звуками, потому что в поэзии звук сам по себе не работает. Стихотворение получается только из контекста звуков, так же как и звуковая картина города. К примеру, в парке Тиволи слышишь птиц, но вдруг над парком появляется вертолет, и эти звуки накладываются. Или женщина поет в тоннеле Тиволи, и ее песня сливается со звуками поездов, велосипедов и голосов прохожих. Или когда в словенском поезде «Штаньел – Сежана» ритм рэпа, который слушают подростки, сливается с битом поезда, мы получаем новый звук. Лучший контекст для звука, конечно, тишина, как, например, в Римске Топлице или Камнике. Вы знаете, когда приезжаешь в такие места, как Домжале, слышишь от людей, что здесь нечего смотреть, но здесь есть много того, что слушать, и это очень важно. Потому что в тишине ты можешь услышать намного больше звуков, чем, например, в Любляне, где звуки перебивают друг друга.

Еще одна категория – звуки, которые ты не слышал, но представляешь их себе. Например, ты увидел упавшее яблоко, но ты не слышал, как оно упало, однако ты можешь себе представить этот звук, и он будет твоим собственным. Порой это захватывает так же сильно, как хороший текст без действия и движения. В поэзии мы тоже можем такое замечать, когда, например, в стихотворении не упоминается ни одного звука, но после его прочтения мы ощущаем, как будто слышали что-то.

Для меня очень важно менять угол зрения, и такие резиденции как раз позволяют это сделать. Кроме того, я побывала в известных словенских издательствах – Mladinska Knjiga, LUD LITERATURA, на международном литфестивале Vilenica, а также слушала словенских поэтов на проходившем в заброшенном здании велосипедной фабрики литфестивале Mlade rime, где тоже читала стихотворения. И, конечно, было очень интересно представить результаты проекта и написанные в Словении стихотворения на двух языках в литературном доме Vodnikova domačija.

Работа в резиденции – возможность посмотреть на вещи иначе, ведь в новом месте ты даже физически ощущаешь себя по-другому. А текст – это очень физическая вещь на самом деле. Текст сильно зависит от того места, где находится его автор, от его энергетики, корней, которые лежат под землей. И это очень чувствуется, когда пишешь. Например, в Словении было очень интересно находиться среди гор, потому что я живу в равнинной местности, и для меня непривычно быть постоянно окруженной горами. Это новый опыт, который привносит что-то новое в твои тексты.

Мне любопытно наблюдать, как тексты, написанные в разных местах, отличаются друг от друга. Словенские тексты получились очень размерен-

ными, как и сама атмосфера страны. В Любляне я часто ходила в одно уличное кафе выпить кофе по утрам. Однажды я заметила в этом кафе пожилого мужчину и девушку, которая достала бритву и, встав прямо между столиков, где люди пили кофе, стала заботливо брить пенсионеру затылок. Я была уверена, что это отец и дочь. Но человек склонен усложнять происходящее, придумывать то, чего нет. Всё гораздо проще: это была съемочная группа – пожилой мужчина оказался актером, а девушка – ассистенткой, которая готовила его к съемкам. Это было очевидно сразу. Очень похоже на язык по-

эзии: он всегда всё проясняет, возвращает нас к изначальному и очевидному, к самой сути. Он стряхивает с нас всё то, что мы надумываем годами и столетиями. Когда в автобусе запотеет стекло, тебе начинает мерещиться, что находится за ним, казаться что-то. Ты можешь нарисовать или написать что-то на этом оконном тумане. Но стоит протереть стекло рукой, и ты увидишь то, что есть на самом деле. Так действует и поэзия. Когда читаешь текст, который способен действовать, то всегда чувствуешь себя неловко, потому что он всё обнажает.

Благодарю дирекцию «Любляна – город литературы ЮНЕСКО» за возможность реализации проекта, дирекцию «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» – за информационную поддержку.

Гала УЗРЮТОВА родилась в 1983 году в Ульяновске. Окончила Ульяновский госуниверситет, факультет культуры и искусства. Стихи, проза, пьесы переводились на немецкий, английский, словенский, латышский, итальянский языки. Автор книги стихов «Обернулся, а там – лес» (издательство «Русский Гулливер», М., – 2015), книги Young Adult «Страна Саша», а также сборника прозы «Снег, который я пропустил». Лауреат конкурса Европейской сети театрального перевода (2018), лауреат поэтической премии имени Н.Н. Благова (2016), дипломант литературной премии Дмитрия Горчева (2017), финалист российско-итальянской литпремии «Радуга» (2015, 2017, 2018), дипломант Волошинского конкурса, финалист премии Bookscripтор 2018, лауреат специальной поэтической премии «Русского Гулливера-2014», лонглистер премии «Дебют» (2006, 2007). Пьесы становились победителями, входили в шорт-листы в драматургических конкурсах «Баденвайлер», «Действующие лица», «Любимовка», «Исходное событие – 21 век», «Первая читка», «Евразия» и др. Публикации: World Poetry book «Poetic Encounters», журналы «Арион», «Октябрь», Симбирскъ», «Современная драматургия», «Берлин. Берега», «Гвидеон», «Двоеточие», «Волга», российско-немецкая антология «Поэтическая диверсия» (2016); сборник «Лучшие пьесы-2015»; казахстано-российская антология текстов молодых писателей (2016), российско-итальянский альманах «Радуга» (2015, 2017, 2018), антология «Русская поэтическая речь 2016», «Антология короткой прозы 2015», Сноб, «Текст.Экспресс» и др. Член Союза писателей Москвы. Стипендиат Министерства культуры РФ.

СЛОВЕНСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

можно говорить что эти вещи не существуют можно всё отрицать
все равно мы говорим о неосязаемом и это нельзя проверить
мы не можем вернуться в прежнее состояние в normal circle
поэтому наше спасение – изобрести новое колесо чтобы крутить его
и жить так как мы не жили раньше
но когда-то и оно не будет прежним и мы не вернемся к тому что было.
мы не нация протеста говорит словенский философ
это не в нашем характере.
частые вертолеты над Тиволи напоминают о небе
равнина напоминает консерваторов, горы – левых
но крика в горной стране не слышно
выйди на равнину – скажи
пойди в горы – скажи
голос звучит иначе хотя слова – те же
эти вещи не существуют но мы можем это отрицать

* * *

надо быть очень смелым чтобы жить в такой тишине
 которая усиливает все твои звуки все голоса твои в разы
 еще шагнуть не успеешь
 а тебя уже узнают по шарканью старых ботинок
 еще ребенок не родился
 а все уже говорят какой громкий в отца пошел
 еще петух не пел
 а ты уже проснулся
 стоишь на холме и слышишь
 непонятную погребушку
 дребезжит потряхивая воздух
 кто-нибудь еще это вообще слышит?
 или у каждого звука есть адрес?
 может, он доставлен мне по ошибке?
 кто-нибудь?
 наконец у подножья холма замечаешь девочку
 ведущую самокат за собой – грохочущего коня
 она запрыгивает на него и погребушка превращается в галоп
 яблоки катятся с холма и поворачивают направо ты сворачиваешь налево
 если скажешь хоть слово тебя обнаружат
 потому что твой голос не такой хрипящий как у Томажа
 и не такой шершавый как у Марко
 не такой сиплый как у Алеша
 а ранее здесь неслышанный
 ты сам-то его узнаешь?
 – dober dan
 – добрый день

* * *

когда в Штаньеле наступает полдень и люди исчезают
 слышно только шуршание ящериц
 они переходят дорогу
 звенят посудой в кафе
 карабкаются по стенам
 собирают виноград
 добро пожаловать в Штаньел, повторяют они тем,
 кто забрался на холм, и подставляют хвосты
 рвите и загадывайте желание вслух
 завтра хвосты вырастут снова
 спускаются ли ящерицы с холма?
 хотя бы одна сползет вниз
 к смотрительнице железнодорожной станции?
 я была единственной кто вышел здесь из пустого поезда
 она была единственной кто меня здесь встретил
 но ящерицы ползут выше и выше
 я отрываю хвост
 и спускаюсь к железнодорожным путям
 до поезда на Люблянну еще два часа
 кто-то разучивает итальянскую мелодию на трубе
 дикая лоза шуршит по плитке
 хвост ждет в моей руке
 смотрительница курит, надевает красную фуражку, встречает поезд
 курит и отвечает на телефон
 курит, надевает красную фуражку, встречает поезд
 если бы у тебя была своя ящерица
 ты бы рвал ей хвост каждый день,
 наблюдая, как растет он,
 как растут твои желания?
 я вручаю смотрительнице хвост и сажусь в вагон
 за шумом поезда, бьющимся в такт с русским репом из колонки подростков
 не слышу, что она загадала

* * *

* * *

как найти выход из собственного дома
 чтобы хотя бы получить почту?
 почтальон уже поставил свой желтый велосипед у
 крыльца
 кричит
 пошта! пошта!
 как найти выход из собственного дома
 идти на звук его голоса
 пошта! пошта!
 вправо влево или прямо
 пошта! пошта!
 с какой стороны громче?
 пошта! пошта!
 в какую сторону не пойдешь – везде чей-то дом
 везде – Домжале
 пошта! пошта!
 когда сюда приезжаешь
 чужие дома находишь сразу
 когда здесь живешь, свой дом – еще поискать
 ты принес мне сегодня письмо, Драган?

у каждого словенца –
 два сантиметра морского берега
 на человека – всего два, представляете?
 объясняет девушка в центре Любляны
 сообщая в микрофон расчеты
 наше население – два миллиона
 длина морской полосы – 46 километров
 два сантиметра берега на человека
 будь у нее мегафон
 она смогла бы провести демонстрацию
 за километр морского берега на каждого
 но ведет экскурсию дальше

* * *

большое никогда не будет больше очень большого
 она помещается в старом красном Вольво
 который помещается в городе Шкофья Лока
 который помещается в Словении
 так живем мы
 так устроены мы
 так устроено всё по принципу матрешки
 так это раскладывается
 вынимается так
 шкофья лока шкофья лока кричат дети
 будто повторяя старую считалку
 битье колоколов повторяя
 тебе водить
 а я остаюсь здесь
 маленькое никогда не будет меньше
 самого маленького

* * *

чтобы понять словенца не надо учить язык надо учиться хайкингу
 объясняет мне местный житель в автобусе
 я карабкаюсь на холмы снова и снова
 я карабкаюсь на холмы снова и снова
 я карабкаюсь на холмы снова и снова
 местные размахивают палками для ходьбы как оружием
 ни одна вершина не устоит
 здесь есть препятствие для каждого
 ты просто выбираешь его по себе и преодолеваешь
 затем ты можешь выбрать препятствие посложнее, преодолеть и его
 даже не издать победного крика а просто выпить баночку радлера на вершине
 и спуститься молча никому не говоря о завоевании новой земли
 тихие рыцари с салуки на поводке
 поднимаясь на очередной холм я чувствую как становлюсь меньше
 а словения – все больше и больше
 кажется она никогда не кончится
 я проверяю – нет туфли мне по-прежнему жмут значит я не уменьшилась
 но брюки уже спадают – надо быть начеку
 не торопись – горы никуда не денутся
 то что наверху всегда кажется ближе чем есть

ПРЕКРАСНАЯ СЛОВЕНИЯ

Римске Топлице. Словения

Римске Топлице. Словения

Пруд в парке Тиволи, Любляна

Бохинское озеро. Словения

Шкофья-Лока. Словения

Штаньел. Словения.

Литературный дом Vodnikova domačija. Любляна

Камник, Словения

Креативный центр Švicarija, парк Тиволи. Любляна (резиденция для художников и писателей)

Шкофья-Лока, почтальон. Словения

Чтение стихов на фестивале *Mlade ritne*. Любляна

Словенский поэт, издатель и редактор Андрей Хочевар и Гала Узрютова, презентация проекта по итогам резиденции. Любляна

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЙОШКАР-ОЛЕ

Национальная художественная галерея на площади Оболенского-Ноготкова

Архитектурный комплекс «Двенадцать апостолов»

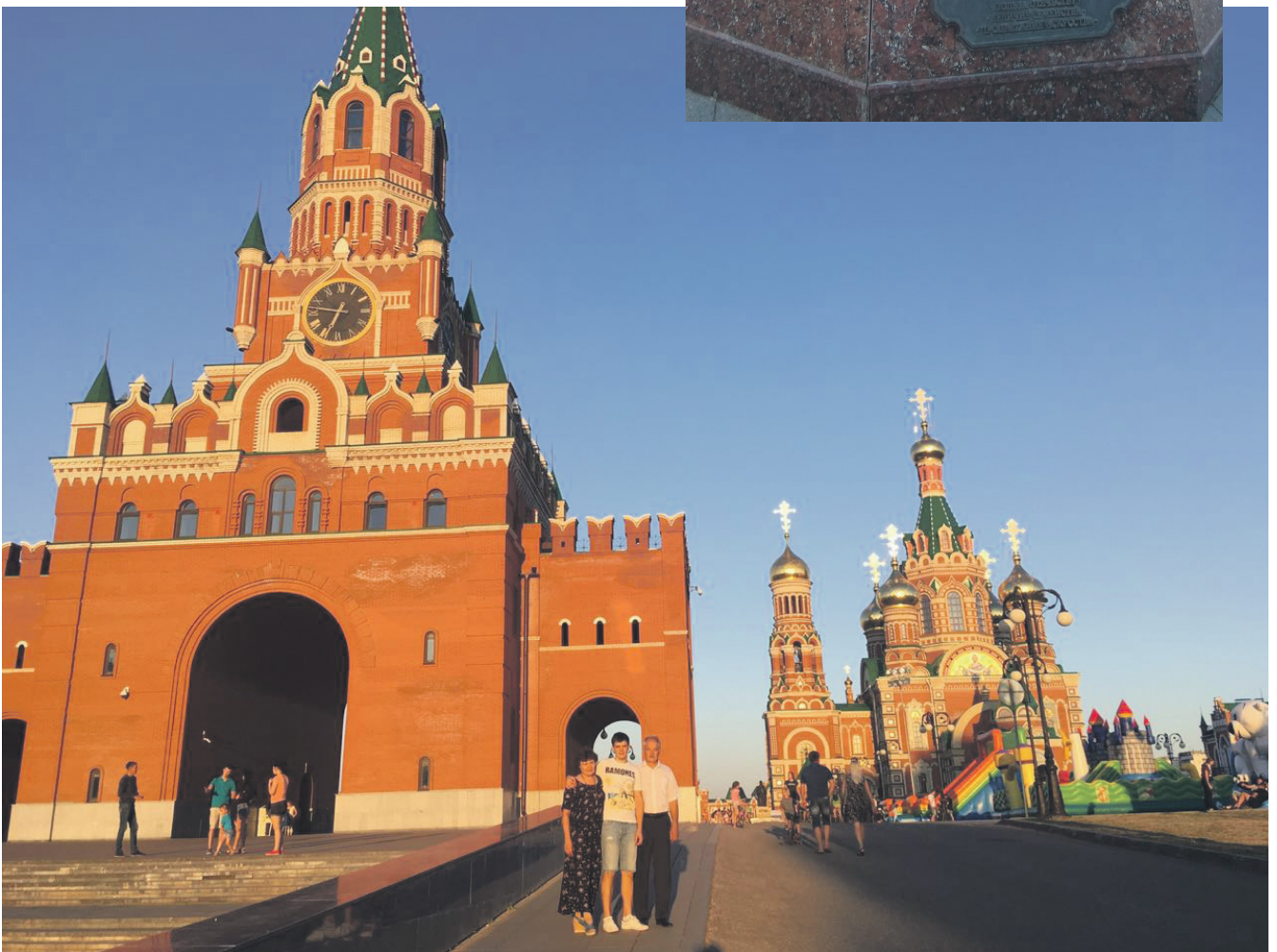

Фото Ольги Шейпак

Ольга ШЕЙПАК

В последнее время много путешествую. Наверное, пришло время восклицаний: ах, сколько на свете чудес, о которых мы ничего не слышали! И так хочется поделиться своим восторгом, особенно после посещения русских городов.

ЦАРЁВ ГРАД НА КОКШАГЕ

Так в древние времена назывался марийский город Йошкар-Ола.

Направляясь туда на машине, мы не предполагали, в какую сказку попадём. Ехали на пару дней, но волшебный город с кремлём, итальянскими площадями и бельгийскими набережными, многочисленными памятниками, соборами и другими чудесами заворожил и долго не отпускал. Он и теперь держит в своих ладонях моё сердце.

Главное в облике города – обилие архитектурных копий. Рядом с марийскими традициями соседствует европейский стиль, и эта эклектика поначалу настораживает. Но красота постепенно втягивает в круговорот необыкновенных превращений, и ты становишься участником некоего театрального спектакля.

Приехав в город, мы оказались на **площади Оболенского-Ноготкова**. Несмотря на то, что через дорогу солидное и тяжёлое здание Марийского правительства, не покидает ощущение, что ты попал в Венецию и стоишь перед Дворцом дождей. Именно так выглядит **Национальная художественная галерея** – копия венецианского палаццо.

Памятник русскому военачальнику
И.А. Оболенскому-Ноготкову

Слева на площади – памятник русскому военачальнику И.А. Оболенскому-Ноготкову, справа – священномученику Леониду, марийскому епископу, а в центре – уменьшенная копия московской Царь-пушки. Но всё это мелочи в сравнении с уникальными часами-курантами, которые каждый час показывают представление из движущихся фигурок. Как только бьют куранты, начинает звучать «Аве, Мария» С. Рахманинова и открывается сцена чудесного спасения осликом великой святыни – иконы Божьей Матери «Троеручницы».

В этот момент не только туристы, но и спешащие по делам горожане останавливаются перед христианской картинкой, забыв о суете, злобе, зависти, обидах: душа, захлебываясь от радости, летит ввысь.

Куранты с анимацией: ослик везет икону
Божьей Матери «Троеручницы»

Мы идём дальше, к театру, и неожиданно обнаруживаем главный талисман города.

Памятник Йошкину коту

Бронзовый **Йошкин кот** нагло восседает на лавочке возле здания **Марийского государственного университета**. Мне такое соседство понравилось – я тоже решила отдохнуть у храма науки.

Марийский государственный
университет

По подсказке очаровательной студентки, идем на соседнюю улицу. Оказывается, пока Йошкин кот, наслаждаясь солнышком, прикасается к знаниям, Йошкина кошка чего-то выпила за углом в маленькой кафешке и мурлыкает с приبلудным котом.

Переходим дорогу и упираемся в классическое здание с массивными колоннами и греческим портиком. Это старая сцена Марий Эл – **театр драмы имени М. Шкетана**.

Театр драмы имени М. Шкетана

Совсем рядом – величественное здание **Марийского театра оперы и балета**. Его возглавляет заслуженный артист России, народный артист Республики Марий Эл Константин Иванов. Это имя широко известно в балетном мире. Константин Иванов – один из самых титулованных и востребованных артистов балета нашей страны.

По технической оснащенности этот театр считается лучшим в Поволжье. Узнав, что орган для те-

Зрительный зал Марийского театра оперы и балета со страсбургским органом

атра покупали в Страсбурге, мы с супругом в предвкушении чуда идём на органный концерт «Римские каникулы».

Меня, искушенного слушателя, трудно чем-то удивить, но концерт по-настоящему восхитил. Программу составил и вёл органист Арсений Ушков, наш земляк. Родился и вырос в Ульяновске, здесь же окончил музыкальное училище, затем – Казанскую консерваторию. Благодаря тонкой подаче музыкального материала концерт прошел на одном дыхании. Поразило мастерство музыкантов-органистов и солистов театра: прекрасный итальянский язык, великолепная техника исполнения. Не сомневаюсь: в таком виде органные концерты интересны и доступны широкому кругу слушателей.

Сразу хочу сказать и о других театрах этого высококультурного города.

Русский академический театр драмы носит имя Г.В. Константинова, который 30 лет был на посту главного режиссёра и внёс огромный вклад в развитие театрального искусства. По его инициативе в 1993 году была создана Международная ассоциация русских театров, которую возглавил народный артист СССР Юрий Соломин. Под эгидой ассоциации в столице Марий Эл ежегодно проходят международные фестивали русских театров республик России и стран зарубежья.

Русский академический театр драмы им. Г.В. Константинова

Республиканский театр кукол появился в 1943 году. В 2014 году кукольная сцена получила новое сказочное здание, выполненное в виде средневекового германского замка.

Марийский театр кукол

Вечером идём в ресторанчик у парка культуры, стилизованный под довоенную советскую эпоху. Отсюда хорошо просматривается вечерний город, полный огней и молодых лиц.

Кухня прекрасная. Подкрепившись, продолжаем осматривать город.

От парка культуры к набережной ведет бульвар Чавайна. Это главная улица Йошкар-Олы, прогулочная зона с фонтанами и цветущими аллеями для пешеходов.

Бульвар Чавайна

Площадь Архангельская слобода названа в честь архангела Гавриила. Его скульптура обращена к сказочным домикам фламандского стиля с фигурами птиц и животных на фасадах и крышах.

Площадь Архангельская слобода

В затейливых зданиях находятся офисы банков, кафе, сувенирные киоски и магазины. Они зазывают нас в старую Бельгию, однако взгляд невольно переносится к куполам **Благовещенского собора**, и ты уже не можешь сопротивляться зову сердца и ступаешь на парадное крыльцо храма.

Великолепный архитектурный комплекс – самая яркая доминанта центральной части Йошкар-Олы. Изящную шатровую колокольню венчает блестящий на солнце купол. К нему тянутся остальные золоченые купола башен. Благовещенский храм очень напоминает собор Василия Блаженного в Москве. Но здесь, в Йошкар-Оле, он обрел достойное место и смотрится как роскошный каменный цветок.

Рядом с площадью находится парк Медичи, он переносит нас во Флоренцию. В центре парка – скульптурная композиция «**Синьор Флоренции Лоренцо Медичи Великолепный**». Почему Лорен-

Благовещенский собор и памятник архангелу Гавриилу

цо Медичи? Этот флорентиец известен всему миру как знаток и покровитель наук и искусств. Лоренцо тратил общественные деньги на возрождение интереса к философии, литературе, скульптуре и живописи. При его патронаже Сандро Боттичелли и Микеланджело Буонарроти создавали свои шедевры. Лоренцо Медичи писал стихи и слыл щедрым меценатом.

Марийцы говорят, что этой скульптурной композицией бывший глава Республики Марий Эл Леонид Маркелов намекнул на себя. Что ж, он имел на это право. Преобразил столицу, сделал ее крупным культурным центром, музеем под открытым небом. Жители Марий Эл научились понимать и воспринимать настоящее искусство: залы музеев и театров всегда заполнены. Как бы ни была судьба строга к Леониду Маркелову, он через страдания приобрел и мудрость, и смирение. Велика сила искусства, еще мощнее – духовное прозрение.

А теперь пора рассказать о кремле.

Царевококшайский кремль – сооружение современное, но появилось оно не на пустом месте. Когда-то здесь стояла оборонительная деревянная крепость. Остатки укреплений сохранились вплоть до XX века.

Стены Царевококшайского кремля

Кремль украшает **Благовещенская башня** с курантами – уменьшенная копия Спасской башни в Москве. Об этом напоминает и бой курантов – точно такой же, как в российской столице. Есть в Йошкар-Оле и **Спасская башня**, только вписана она почему-то в готическую архитектуру домов в

фламандском стиле на Вознесенской набережной.

Прогулка по этой набережной состоялась на следующий день нашего пребывания в марийской столице. Это настоящий Амстердам. Даже **памятник Рембрандту** есть!

Памятник Рембрандту Харменс ван Рейну

Кстати, о памятниках. В Йошкар-Оле их такое множество, что все не перечислишь. Назову лишь некоторые.

Памятник великому Гоголю стоит на бульваре, который носит имя великого писателя. Дома здесь украшены занятными фигурками. Разглядывая их, я так и не поняла, какое отношение имеют эти скульптуры к творчеству Гоголя.

На фоне Благовещенского собора прекрасно смотрится **памятник Александру Пушкину и Евгению Онегину**.

Памятник А.С. Пушкину и Евгению Онегину

Интересен туристам **памятник царю всея Руси Фёдору I Иоанновичу** на Воскресенской набережной. Это первый в России и мире памятник Федору Иоанновичу. На постаменте – фигура царя в полный рост, с венцом на голове и державным крестом в руках.

Еще один памятник державной особе установлен на Патриаршей площади – дань уважения **императрице Елизавете Петровне**. В годы ее царствования многое было сделано для развития просвещения и образования народа в марийском крае, потому и установили скульптуру у входа в Нацио-

нальную президентскую школу-интернат для одаренных детей.

Пожалуй, самое интересное место в Йошкар-Оле – это **Патриаршая площадь**. Она появилась в 2010 году. Тогда же здесь был установлен первый в России **памятник Патриарху Московскому и всея Руси Алексею II**. Торжественно и величаво смотрится фигура святейшего на гранитном постаменте. В одной руке у него посох, в другой руке, поднятой к небу, патриарх держит голубя.

Картина тронула меня до слез.

На Патриаршей площади есть и другие святыни. Это **часовня Петра и Февронии** и **памятник святым**, дарящим семейное счастье. Бронзовые пальцы Петра и Февронии отполированы множеством прикосновений: молодые люди стоят в очереди, чтобы попросить той любви, которая дает жизнь и приводит к Источнику Жизни.

От памятника Петру и Февронии спускается к набережной изящный каскад фонтанов

Более всего Патриаршую площадь прославил комплекс **«Двенадцать апостолов»**. Поражает масштабами само сооружение, но главное чудо – анимационные часы с представлением «Вход Господень в Иерусалим». Через каждые три часа на одном из балконов под звуки церковного хора появляются фигуры двенадцати апостолов и Христа на ослике. Они проходят перед публикой и скрываются в воротах на другой стороне здания. Сцена по мотивам библейского сюжета повествует о прибытии Иисуса Христа в Иерусалим.

Самое интересное ждёт зрителей в конце: апостолы уходят вслед за Христом – Иуда отворачивается.

Комплекс «Двенадцать апостолов»

Дальше начинается набережная Брюгге. Бельгийское название оправдывается архитектурой: разноцветные фасады домов, декоративные башенки на них.

И все же русским туристам особенно дороги православные святыни. Когда все они были восстановлены, а некоторые построены заново, город обрел неофициальное название: Иерусалим на Волжской земле.

Храм Успения Пресвятой Богородицы возведен в 2006 году. Построенный в неовизантийском стиле, с ярким цветовым контрастом стен и крыши, он выглядит празднично и нарядно. Радует и то, что мозаика сводов и потолков в храме выполнена руками выпускников Йошкар-олинского художественного училища.

Храм Пресвятой Троицы имеет свою историю. Это была первая каменная постройка Царевококшайского кремля. Она появилась в первой полови-

не XVIII века. Несмотря на свою уникальность, Троицкий храм был снесен в советское время. В начале 2000-х годов он снова вознесся к небу, легкокрылый и торжественный.

Собор Вознесения Господня

Вознесенский собор особенно дорог марийцам. Это единственное религиозное сооружение, сохранившееся до наших дней в историческом облике, и в этом его главная ценность. Он не блещет красотой, но в скупости красок таится иная щедрость – Божья.

А мы продолжаем знакомство с удивительным городом. На улице Вознесенской рядом с кремлем видим необычное здание с вывеской «Медея». Оказалось, это всего лишь магазины. Здесь же расположена творческая мастерская. Ее талантливые обитатели превратили фасад здания в сказочный терем и поселили туда героев марийских сказок.

Есть в Йошкар-Оле еще одно чудо, о котором нельзя не упомянуть. Оно так и называется – «Обыкновенное чудо».

На самом деле это детский сад и школа. Нет, конечно же, это необыкновенное образовательное учреждение. «Чудо» построил в 1998 году местный предприниматель, патриот своего города. И таких патриотов в Йошкар-Оле немало.

Путешествие в Йошкар-Олу заставило меня серьезно задуматься, почему маленькие республики гораздо уютнее больших российских городов. Почему уровень культуры там выше? И истинных патриотов больше? И город свой они любят сильнее, к родному месту привязаны крепче.

Не буду пытаться ответить на эти вопросы – скажу другое: пора бы и нам, русским людям, научиться любить свою малую родину так, чтобы оставался след от хороших дел на века.

ГОЛОС НАШЕГО ВРЕМЕНИ. ПОЭТ МАРИЯ ВАТУТИНА

19 сентября 2018 года во Дворце книги состоялась творческая встреча с известным российским поэтом Марией Ватутиной.

На сегодняшний день Мария Ватутина является одним из самых популярных, читаемых и титулованных поэтов. Она умеет, как никто другой, говорить жестокую правду и одновременно проникать в потайные уголки души читателя, описывая в своих стихах самые нежные и искренние человеческие чувства.

Свой творческий вечер поэтесса начала с рассуждений о значении поэзии в литературе: «Когда поэзию принижают, мне чертовски обидно, потому что я считаю, что поэзия – это самое великое из того, что создал человек. Актуальность поэзии – это не «модная» форма, а смыслы, позволяющие читателю восторгнуться и задержаться взглядом на твоих строчках, вытянуть из них опыт для себя. А вот «актуальность формы» – это что-то внутрикорпоративное, чтобы позабавиться перед коллегами по цеху, да и то занятие, как видим, интересное не всем поэтам».

На протяжении вечера Мария читала стихи. Читала сильно, мощно. Слушатели были вовлечены в поле притяжения поэта. Основным лейтмотивом поэзии Марии является судьба женщины с ее радостями и горестями. Звучали стихи о войне, о близких и родных, об утратах и – все-таки – надеждах. Свои стихотворения Мария Ватутина читает так, словно заново проживает каждое слово и строчку:

*«Мы были здесь, когда нас носили нас
Мы были здесь, когда нам жизнь меняли
Мы не копили счастья про запас,
Мы тратили его и расточали...»*

Завершился поэтический вечер словами благодарности в адрес поэта. Своими восторженными отзывами поделились президент Фонда СЭИП Сергей Филатов, а также директор Дворца книги Светлана Нагаткина: «Это был поистине чудесный вечер. Я сама являюсь большой поклонницей творчества Марии и считаю её одной из выдающихся поэтов современности. Выражаю Марии Ватутиной свою искреннюю благодарность за то, что она поделилась со всеми нами частичкой непревзойденного поэтического дара».

В одном из интервью Мария Ватутина сказала о собратях по перу так: «...поэты-ровесники уже сейчас заслужили того, чтобы их знал и читал весь

Завершение творческой встречи. Мария Ватутина, Светлана Нагаткина, Сергей Филатов. Дворец книги. Ульяновск, сентябрь 2018 года.

народ. Ах, как бы сделать так, чтобы люди знали, что у них есть Ирина Ермакова, Дмитрий Быков, Инна Кабыш, Александр Кабанов, Ирина Евса и много других замечательных имён! Эти люди живут для того, чтобы не погас внутри нас огонь, чтобы мы не теряли человека в себе».

Эти же слова можно отнести к самой Марии Ватутиной. Пусть не гаснет огонь внутри! Благодарим поэта за служение, за незабываемую встречу!

Творческий вечер Марии Ватутиной прошёл в рамках XVIII Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья.

Для справки:

Мария Олеговна Ватутина (4 мая 1968, Москва) – поэт, член Союза писателей Москвы.

Победитель Первого Всероссийского турнира «Красная площадь. Время поэтов» и обладатель титула «Голос нашего времени».

Автор десяти поэтических книг и многочисленных публикаций в периодике. Лауреат премии им. А.А. Ахматовой (2009), премии «Московский счет» (2009), Международной Волошинской премии (2011), Бунинской премии (2012), Тютчевской премии (2015), премии «Парабола» (2017).

В сентябре 2018 года была гостем г. Ульяновска в рамках культурной программы Международного форума молодых писателей.

О стихах Марии Ватутиной

«Стихи Марии Ватутиной – жестокое и честное свидетельство того, что с нами происходит. Мы имеем дело (именно дело, которое необходимо исполнить) с очень современным поэтом, чья лирическая память отнюдь не свободна от наследственного груза истории и культуры. <...> Это голос поколения, чье возмужание совпало с сокрушённым и сокрушаемым временем, со всё еще длящейся ментальной катастрофой...»

Марии Ватутиной свойственна внутренняя

пластика, внятность речи и определенность стихотворного жеста. Психологизм и ирония (порой самоирония, на что далеко не всякий поэт может отважиться) отнюдь не вредят её стихотворной манере.

Автор обладает сильным лирическим характером. И ещё одно обстоятельство: Мария Ватутина как поэт укоренена в этом времени, она чувствует то, что можно назвать социальным драматизмом и – шире – «трагической подосновой мира» (Е. Винокуров)...»

Игорь Волгин.

Из послесловия к книге М. Ватутиной «Перемена времен».

Мария ВАТУТИНА, Москва

«БЕЛЫЕ КРЫЛЬЯ МОИ...»

*

Молчаливо, пасмурно, строго
Хоронили местного бога.
Плакали, вполсилы твердили:
Как же мы тебя все любили.

Встречи с ним свои вспоминали,
Слез высоких не унимали
Делегаты разных ремесел:
Боже, на кого ты нас бросил?

Мастеров брюхатые жены,
В бакалейных склоках прожжены,
На ухо друг другу шептали:
Бог случайно умер едва ли.

Старицы, приблизившись к яме,
Обзывали нас дураками,
Отступали прочь недовольно:
Бог-то ведь ушел добровольно.

Так себе поступок, конечно.
Расходились сухо, поспешно.
По кустам вопрос разметало:
И чего ему не хватало?

Не были страдальцы охочи
Сторожить три дня и три ночи,
Наблюдать финал бесполезный.
Этот бог был маленький, местный.

*

Ночь какая всюду разлилась
Звездная.
У меня сегодня мама родилась
Крестная,

Перед Первой мировой войной
Самою.
И была она мне мировой
Мамою.

Под Ижевском в баньке у плетня
Мглистого,
Родилась, чтобы любить меня
Истово.

Больше мне никто не дал родства
Заживо.
Это чудо мне – от Рождества
Нашего.

НЕМАЯ

Что делать, мой ангел, не слышен мой слог,
Повсюду словесная чушь.
Мне стало неважно вести диалог
И жанр монолога мне чужд.

Дары забирай: это зрение, рык
Из уст и пожар альвеол,
И этот раздвоенный узкий язык,
И жалящий этот глагол.

Я долго во тьму разевала уста,
Бессильным полевкам назло.
Зачем этот уголь мне – пустыня пуста,
Камланье ее допекло.

Пророчеств наполненный мною надясь
Вернулся невскрытым конверт.
Пустыня не кончится, хоть оборись.
И эха не будет в ответ.

Глухие места! Обожженный песок,
Расплавлено слово во рту.
Обратно, обратно, как выстрел в висок,
Отдай мне мою немоту.

*

Живые живите. А мертвым пора умирать.
К кому присоседиться,
с кем в догонялки сыграть?
Живые живите, а мне мое пекло печет.
И дней мне – по пальцам прозрачным –
наперечет.

Течет между пальцев песок, убегает вода.
В любви мне отказано небом, да то не беда.
Сгустится она и прорвется, захочет спасти.
Да времени мне на нее уже не наскрести.

Ах, в нашем зеленом краю холодеют не в срок
И жизнь отдают безвозвратно надежде в залог.
Все смерти мои обжигали, а эта – дотла.
Любовь моя долгая, где же ты раньше была?

*

Множились хлопоты сестрины:
Полнился список семьи.
Были безумны и ветрены
Младшие братья мои.

Влюбчивы и неразборчивы.
Стерты боданием лбы.
Ласковым временем порчены,
Перед несчастьем слабы.

Их молодое язычество –
Скучно небесным властям.
И оттого-то с девичества
Льнула я к старшим братьям.

Эти не сразу откроются,
Трудно подпустят к себе.
Только походка ускорится,
Хоть и – болит при ходьбе.

Этим доказывать надобно
Кровное с ними родство.
Сколько меж нами загадано,
Сколько случилось всего!

Ах, моя братия добрая,
Вечные страхи сестры,
Вечная нежность, которая
Соединяет миры.

Вот они – держат спасающе
Всю колесницу семьи –
Братья мои сотоварищи,
Белые крылья мои.

*

Алексею Архиповскому

Ах, далеко мне до всезнайки,
Поэтому сама спрошу:
А сколько струн у балалайки?
Одну я в памяти ношу.

И мне ответила газета,
Подруга, телевизор, сеть:
Жалейных три струны надето
На треугольник.
– Умереть!

О, да! Я вспомнила, конечно,
Всего лишь три струны, всерьез,
Чтоб в песне плакать безутешно,
В частушке хохотать до слез.

Лететь над пропастью, как птаха,
Над степью в дымке золотой
Под вязкие созвучья Баха,
Романсовый напев литой.

Однажды в черноморской стыни
Под звездным небом замер зал.
Я видела, что Паганини
На этих струнах вытворял!

И с этих пор я знаю точно,
Играешь или пишешь, брат –
В тебе все дело.
А не в том, что
Твой инструмент замысловат.

*

Загорелась главка золотая
Отраженьем ладанки-луны.
Храм отбелят к середине мая
К радости Рогожской стороны.

Церковка уже леса снимает,
Словно оголяется плечо
И другое. Шею-то ломает
Настоятель, глядя горячо.

Ничего, что я храню опаску,
Что привыкла в отдаленье стыть.
Я порой хожу туда на Пасху.
Просто, чтоб дорогу не забыть.

*

Как бы так зажить, чтобы парк вокруг,
Чтобы даже, может быть, пара слуг,
Чтобы убран дом, и цветы в горшках,
И альбомы в пушкинских все стишках.
Чтоб вставать и петь, а потом читать,
Кружева и шелк, и своя печать,
И не так, чтоб старость, а все же вот
Положенье в обществе и доход.

Как бы так зажить, чтобы сталь, hi-tech,
Панорамный вид, запредельный век.
Вдоль окна – то тучки, то НЛО.
Голограммы близких во все стекло.
Неизвестно живы ли. Смерти нет.
Подтвердит спасительный интернет.
Так зажить, чтоб космос ко лбу прилип,
Чтоб под кожей – предназначенья чип.

Как бы так зажить, чтоб не ждать войны,
Чтобы слышать музыку тишины,
Чтоб не видеть, как истребит талант
Узколобий внутренний оккупант.
Как бы так зажить, чтоб ни вниз, ни ввысь
Не мечтать отсюда перенестись.
Как бы так зажить, чтоб хотеть, нет-нет,
Выходить из дома на белый свет.

*

Человек идет на фронт воевать.
У него жива, наверное, мать.
У него жена, детей полон дом.
Да и ходит он под крестом.

Ну, решил так, ну, ремень затянул.
И никто его туда не тянул.
Пострелять? Кровавой славы сорвать?
Убивать пошел, твердят, убивать.

Полон ненависти к этой войне,
Виноватым он вернется вдвойне,
И родившая его, и – ему,
Не поймут его, и я – не пойму.

Только против ничего не скажу,
Потому что никого не сужу,
И чего уж огород городить:
Знамо кто один нас может судить.

Останавливать его и стращать?
Призывать врагов повсюду прощать?
Но не взять его сегодня на понт,
Потому что существует ведь фронт.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ. 2016

Тот, кого никогда и не было на Земле,
Жил то на Олимпе, то на степных равнинах,
Над рекой и в реке, в подполе, в помеле
Мышью шуршал, призраком выл в руинах.

Тот, кого никогда и не было на Земле,
Золотом в голубином небе сиял над нами.
Паром дышал в болоте, камнем дрожал в золе,
Рассыхался столбом перед дикими племенами.

Был он то ласков, то весел, как виноград на свет,
Требовал мяса свежего на обед,
Обещал урожайный год, утешал бесплодных,
Был прародителем сил природных...

Этот, который соткан из оболочек, столь
Схожих с моими, был изначально – боль.
Этот, который обучен был выпиливать
и строгать,
Этот – Слово и есть. Это слово – «страдать».

Этим он брат мне, этим он мне живой.
Этим он мне болит, как след ножевой,
Третью тысячу лет я несу в себе
Страдание, словно вывеску на судьбе.

Каждому свой черед цвести, увядать.
Мой учитель учит лишь сострадать,
А за невыученный урок – не сечет спины,
Хватит, мол, с тебя и чувства вины.

Плачь, говорит, мой ангел, слезы тебе к лицу.
Этот урок подходит уже к концу.
Жалко ему меня, а мне его.
Особенно в Рождество.

*

Я вспомнила, как я молилась
По всем монастырям, когда
Ты умирал, чтоб излечилась
Неизлечимая беда.

Святых церковный хор московский
Меня надеждой утешал.
И только Серафим Саровский
Задул свечу и врать не стал.

Свеча в руках моих погасла,
И вздрогнул ангел на плече.
Чем кончится, мне было ясно
И при свече. И при свече.

Икона правду выражала,
Подобно честному врачу,
Но помню, как же я бежала
От погасившего свечу.

*

Осенью, по странному предлогу,
Оказавшись в небе голубом,
Я найду на чай к больному богу,
Принесу семейный свой альбом.

Никуда теперь ему не деться,
Взял – смотри. Он спросит: – Это кто
Удивленно плачет? – Это детство,
Но оно давно уж прожито.

Спросит бог с испариной в проборе:
– Что там было года три тому
У больницы? – Это было горе,
Но оно уж кануло во тьму.

Пролистнет полкниги в одночасье.
– А вот это что – рука в руке?

Кто это с тобою? – Это счастье.
Но оно висит на волоске.

Мне бы испытать его скорее,
Удержать... Но смолкну и решу:
Я его, больного, пожалею,
Ни о чем таком не попрошу.

Он и так измотан на работе –
Счастье мне земное добывать.
Но альбом на этом развороте
Долго он не будет закрывать.

Улыбнется, выплывет из дремы,
В календарь посмотрит на стене.
Это ты на днях к нему в хоромы
Приходил с молитвой обо мне.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Звезды, мой ангел, взошли в вышине
Над поседевшим Кавказом.
Мы не одни в этой бедной стране,
В доме, встречающем вязом.

Мы не одни – никому не шепни,
Сколь наши встречи болезны.
Ангел мой, спи, баю-баю, усни
На расстоянии бездны.

Вечность вплотную, подобно жене,
Липнет и дышит подробно.
– Машенька, – ты произносишь во сне
Нежно и смерти подобно.

*

Зима, Мария, пустота.
И вечный разговор с собою,
И препирательства с судьбою,
Уж чересчур она проста.

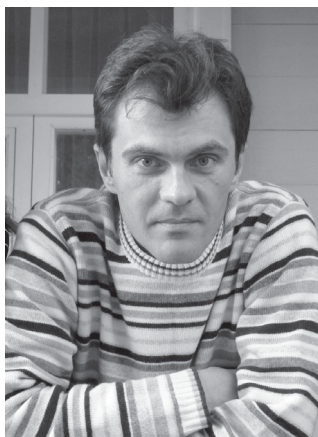
Мне ясности не надо столь,
От ясности с ума и сходят.
Ее назвали непростой,
Она – простая, скулы сводит!

И предсказуема, как зим
Российских черных неизбежность.
Талант – проверка на прилежность.
Привет! Давай поговорим

Не обо мне, а о тебе,
Я знаю, ощущаю кожей:
Погрешности в моей судьбе
Похожи на твои, прохожий.

Я о себе, но я – о нас,
Я – переписчик, ученица.
Но то, в чем я разобралась,
Глядишь, тебе на что согдится.

Я не великого ума –
Умен диктовщик, небом залит.
А набело уже зима
Все перепишет и подправит.

Сергей ГОГИН родился в 1964 году в городе Уральске. В 1981 году с золотой медалью окончил среднюю школу №1 в Ульяновске, в 1986 году – Ульяновский политехнический институт. С 1989 года – в журналистике. Трудился в много-тиражной газете «Рабочая трибуна», на областном радио и телевидении, в еженедельнике «Слово молодёжи», в городской газете «Симбирский курьер», вёл авторскую радиопрограмму на ТРК «Европроект», работал в журнале «Журналистика и медиарынок» (Москва).

В 1996 году окончил магистратуру Американского университета в Вашингтоне (округ Колумбия, США) по специальности «журналистика и массовые коммуникации». В настоящее время свободный журналист.

Ведет занятия в литературной студии «Восьмерка» (https://new.vk.com/lit_vosmerka).

Стихи и рассказы публиковались в ряде сборников и альманахов, в журналах «Нева», «Октябрь», «Странник». В 2000 году издал книгу стихов «Колодцы снов», в 2008 году – «Ночь сторожей». В 2016 году вышел сборник стихов «Круги света».

СКАЗКА ПРО 10

Все жители Города Чисел считали Единицу с Нулём идеальной парой. В самом деле, они прекрасно дополняли друг друга: она – худая и стройная, он – солидный и упитанный, она – сдержанная и строгая, он – добродушный и весёлый. Они всюду ходили вместе: Единичка впереди, Ноль – за ней, она – лидер, он – друг и помощник. Вместе они были не просто двумя отдельными цифрами – они были единым числом «10». Вместе, как одна Десятка, они были значительнее любой цифры, даже самой старшей – Девятки. И все было бы хорошо, если бы однажды Единичка совсем не загордилась.

Как-то раз ей захотелось пойти в кино.

– Ах, как я обожаю фильмы про любовь к высшей математике, – сказала она Нулю. – Впрочем, тебе, толстяк, с твоей пустой душонкой этого не понять. Это доступно лишь таким утончённым натуралкам, как я.

Добродушный Ноль пропустил это замечание сквозь себя, оставив его без внимания. Он решил, что у его спутницы плохое настроение.

В кино они всё-таки пошли. Там шёл боевик под названием «Матрица». На афише значилось: «Числам до 16 вход воспрещён».

– Ну вот, – сказала Единичка, – с тобой даже в приличное место не пускают, лысое ты чудовище. Не можешь даже чёлки отрастить, как у Шестёрки. Не говоря уже о том, чтобы похудеть и обрести талию, как у Восьмёрки. На что ты годишься, недоразумение? Ах, да что с тебя взять – ноль и есть ноль. Ты – круглый дурак. Пустой номер. Полное ничтожество!

– Подожди-ка, давай разберёмся, – сказал Ноль, удивлённый поведением своей подружки, но не потерявший присутствия духа. – Во-первых, я не круглый, а овальный. Продолговатый, если угодно, а продолговатых дураков не бывает, правда? Что касается полного ничтожества, то я, пожалуй, и в самом деле немного полноват, но не от переедания,

а от чувства собственного достоинства. Я знаю себе цену. Я не полное ничто, как ты изволишь полагать, а, скорее наоборот, – полное нечто: я наполняю весом и смыслом другие цифры – тебя например. И ты сейчас в этом убедишься. Как и в том, что я вовсе не дурак.

Ноль посмотрел вокруг и увидел Двойку – грациозную, как лебедь, но совсем одинокую. Она стояла около входа в кинотеатр, понурился голову. Чтобы попасть на сеанс, ей нужен был спутник – любая цифра, хоть кто-нибудь! Но все посетители, как назло, пришли парами и не собирались разлучаться.

– Ну, прощай, – сказал Ноль сварливой Единичке. – Меня ожидает интересный фильм в приятной компании. Думаю, вон та красивая Двойка не откажется познакомиться с молодым, подающим надежды Нулём.

Он повернулся вокруг каждой из двух своих осей поочерёдно и направился к Двойке, издали улыбаясь ей. Та всё поняла и радостно поплыла ему навстречу. Ноль деликатно обнял её за талию, потом галантно пропустил вперёд, и они пошли смотреть «Матрицу» как вполне взрослое число «20».

Глупой Единичке оставалось только проводить их растерянным, завистливым взглядом. Весь её гонор мигом прошёл, потому что без Нуля она стала меньше ровно в десять раз (или, как говорят математики, на целый порядок). К сожалению, она слишком поздно это поняла. Повесив нос, Единичка поплелась домой: маленькая, худая и несчастная. Но если бы она была умнее и добрее, то обратила бы внимание на отдельных жителей Города Чисел, которые попадались ей на пути и задавали сочувственные вопросы.

А теперь подумай и скажи: какие из цифр могли бы помочь одинокой Единичке попасть в кино, если бы она не была такой злою и догадалась с ними познакомиться?

Людмила СВИРСКАЯ, Чехия, Прага

Родилась в Алма-Ате (Казахстан). После окончания школы переехала в Барнаул (Алтайский край), где училась (в 1990 – 1995 годах) в Алтайском государственном университете, на факультете филологии и журналистики. В 1999 году переехала в Чехию. Здесь я провожу большую часть жизни, здесь родились и живут мои дети. Стихи пишу с детства, первая книжка вышла в Барнауле в 1995 году в серии «Авторский альманах «Август».

Семь поэтических сборников: «Дамское седло» (1995), «Без четверти век» (1998), «Пражские стихи» (2001), «Конец весны – начало лета» (2003), «Между снегом и дождем» (2005), «Когда-то Обь, а ныне – Влтава» (2008), «Опоздавший Дон Кихот» (2015) – последние пять вышли в Чехии. Публикации в альманахах и журналах: «Алтай», «Барнаул», «Фантастическая среда» (Барнаул), «Сибирские огни», «Образ» (Москва), «Московский литератор», «Новый день», «Волга-21 век» (Саратов), «Новая волна» (Санкт-Петербург), «Настоящее время» (Рига), «Простор» (Алматы), «Рюкзак» (Минск), «ЛитЭра» (Москва), «Южное сияние» (Одесса), «Литературная среда» (Томск), «Русское слово» и «Пражский Парнас» (Прага), «Венский литератор» (Вена), «Европейская словесность» (Кельн), «Под небом единым» (Хельсинки), «Эмигрантская лира» (Брюссель). Призер фестивалей «Эмигрантская лира» – 2009 и «Русский стиль» – 2017. Финалист конкурсов «Интерреальность», «Славянская лира» и др.

ЛЮБОВЬ=НЕВИДИМКА

памяти Любимого

1

Самое первое из посвященных Ему стихов. Он тогда еще не был Любимым, а был просто знакомым, одним из многих. И как-то случайно оказался на одном из наших поэтических междусобойчиков, где чай и вино льются рекой, а общение в стихах и прозе затягивается надолго. Он молчал, поблескивал стеклами очков, слушал... А после «официальной части» я подседа к Нему и подарила свою книжку. А Он мне – шарфик. Чудесный, тонкий, изумительный. Да, так и было. Книжка – в обмен на шарфик. Через минуту я подхватила и уехала к детям, которым обещала вернуться не поздно. Все эти годы Он недоумевал: к кому же я сбежала от Него в тот вечер?

А стишок – вот какой получился. Он его, конечно, читал. Я стараюсь, чтобы стихи доходили до адресатов, пока они живы.

Твержу стихи я только шепотом:
Мое последнее заклятие.
Chanel – на шее шарфик шелковый,
Как крыльев сложных объятие.
И сразу – талия осиная,
Прочь глупый брак, морщинок сеточку...
Найду-ка я перо гусиное
И надушу листочек в клеточку
И напишу Вам с реверансами
Пять кратких строк красивым почерком...

Chanel – на шее шарфик радостный,
С которым мне взлететь захочется. (5.8.2016)

2

Еще одно стихотворение о Нем. О Нас. О Ней – о Любви.

Года два назад меня занесло на какой-то гитарно-певческий концерт. Я сидела на высоком табурете у окна и пила мятный чай из огромной кружки, которую водрузила на подоконник. Народ занимал столики поближе к сцене. И тут вошел Он, и сердце радостно бросилось к Нему навстречу. Но опешило. Он был не один. Не спеша они сели за стол в центре зала, потом перед ними оказалась бутылка вина. Начался концерт. Но я ничего не помню. Помню, как смотрела на Него все эти два с половиной часа. А Он на меня. Занавес.

То ли август, то ли май
Был тогда – я вспомню вряд ли.
То ли кантри, то ли джаз
Я послушать забрела...
Остывал имбирный чай
Потихоньку. (Или мятный?)
А потом обоих вас
Рядом, через три стола,
Я увидела – едва
Отвести глаза успела...
Против вас двоих – одна

На концерте вечерком...
Натянулась тетива
Старой скрипки, и запела
Предпоследняя струна
Под стремительным смычком.

Я ж не знала, что Амур
В нас тогда обоих метил,
И тебе тот гитарист
Тоже был «до фонаря»...
Вероятно, чересчур –
Через парочку столетий
Отыскать заветный лист
Из того календаря.

3

...А потом Он исчез. Отовсюду. Из сетей. Из тусовок. Даже из разговоров. Я написала Ему: «Что с Вами?» – И через пару недель получила леденящий душу ответ: «Была операция. У меня рак мозга. Жить осталось максимум полгода».

Я помню, как долго-долго сидела перед монитором, оглушенная этой новостью. А потом написала – неожиданно для самой себя: «А можно у тебя (какое уж там «Вы», в самом деле!) в эти полгода буду я?» – «Нет, – ответил Он. – Я хочу остаться один. И больше никаких романов».

...Он прожил не полгода, а больше полутора лет. И спустя несколько писем я все-таки состоялась в Его судьбе.

В стихотворении, которое написано именно тогда, были упомянуты «180 дней». А потом я заменила их на «много месяцев и дней», но это нас не спасло: все равно на долю нашей любви пришлось полгода...

Мы вместе – море,
что уже который день не ждет прилива.
В тревожной дали голубой
покорно тают облака...
Еще сто восемьдесят дней
ты можешь быть со мной счастливым,
А заглянуть за горизонт мы не пытаемся пока.

Обнимет влажный сарафан
мои горячие колени,
Я намурлыкаю тебе смешной мотив
среди бела дня,
Чтоб отпустили страх и боль,
и ты заснул без промедленья,
Потом проснулся, полный сил, –
вновь на коленях у меня.

Я просто плачу и молюсь, и,
как ребенок, верю в чудо.
На мой незаданный вопрос никто
не может знать ответ...
И все ж сто восемьдесят дней с тобою
я счастливой буду,
Ведь это стоит, черт возьми, семи десятков
скучных лет.

4

Чуть больше года назад мы начали встречаться. Всегда в одном месте – в ресторанчике у ближайшей к Его дому станции метро. Первый раз я увидела Его – и с трудом узнала. Подумала: что же Ему пришлось пережить уже... И сколько еще придется...

Мы что-то ели и разговаривали. Абсолютно обо всем. Часа через два я побежала на работу – в моей сумке были учебники. А Он проводил меня до метро.

Так и повелось. Он писал, приглашал меня, я выбирала день и час (были в основном завтраки и обеды) и ехала на свидание. Сначала раз в месяц, потом – раз в две недели, потом – раз в неделю... Сначала Он галантно поднимался мне навстречу, когда я входила в ресторанчик, потом я стала стремительно бросаться Ему на шею – и не только потому, что соскучилась, но и потому, что вставать Ему становилось всё трудней...

Однако это было позже... А поначалу – обед, разговор и легкий флирт с приятным мужчиной. Ну что еще нужно женщине?

Когда-нибудь я вспомню россыпь утр,
Случайный вкус невыпитого кофе...
Взгляд глаз твоих пронзителен и мудр,
И будто бы нездешен четкий профиль.

Нездешен и вовек неповторим.
Теряюсь. Или просто обретаю
Себя саму, когда мы говорим
Про космос и политику в Китае,
Про разности и суммы. Я ни с кем
Сто лет про это... В голову не шло бы!

Как все, я лишь ходячий манекен
С кармашками усталости и злобы.

Но ощутимо верится в добро
С тобою рядом – над тарелкой суши...
И ты меня целуешь у метро.
Не губы, нет, конечно. Душу. Душу.

5

В какой момент начинается любовь? С чьего поворота невидимого ключа в волшебном замке Просто Интересный Мужчина (почти как у Гоголя), с которым приятно разговаривать и флиртовать, превращается в Единственного и Любимого, рядом с которым забываешь дышать, а без которого это и вовсе невозможно?

Наши ресторанные randevу продолжались, затягиваясь и учащаясь. Письма становились нежнее и пространнее, а звонки – бестолковее и чаще. 23 февраля, в мужской праздник, во время очередного обедаужина, состоялось наше объяснение. Это было ровно – день в день – за семь месяцев до Его смерти.

* * *

Вот стол обеденный. Пока
Он наш (на два часа каких-то).
Два мира встретились опять
За супом, рисом и вином...
В душе блуждают облака,

Звучит Шопен, играет Рихтер...
Не знаю, что тебе сказать,
Хотя все мысли об одном...

О ком я думаю? О нас –
Листках, оторванных от веток,
Соприкоснувшихся навзрыд
На миг в полете ноября...
В соседнем зале свет погас...
Меж нами – сотни километров.
И стол обеденный накрыт...
Не дотянуться до тебя...

* * *

На нашем четверговом randevу
Что может неприличного случиться?
Открытый ворот. Узкая ключица.
И грудь под светлой кофтой – наяву.

Мы ни о чем не говорим таком,
Что подразумевается, надеясь:
Вдруг эта незадачливая ересь
С последним обесточится глотком?

В китайском ресторане мы одни.
Здесь по утрам негусто постояльцев.
И льется нежность из-под тонких пальцев
Под музыку невинной болтовни.

6

...Да. В моей жизни были полгода, когда каждый день начинался со слова «люблю». Он просыпался рано – в пять, в полшестого – и сразу же писал мне, и я, проснувшись, кидалась к телефону и отвечала – в стихах...

Доброе Утро Моя Любимая! Лети скорее, я очень жду Тебя!!!

Я думаю о тебе и понимаю, что я тебя люблю!

Я сильно люблю тебя! Так сильно, что ничего сильнее не знаю!

(Я ничего не знала о любви
Всю жизнь, до этих пор, как оказалось.
Она меня не то чтоб не касалась,
А просто руки были не твои.

И плавный скат просторного плеча
Ждал губ моих –единственных на свете.
Мне кажется, что мы с тобою дети.
Сейчас и здесь. В начале всех начал.

Не думать, не смотреть по сторонам,
Не колыхать грядущего портьеры...

Не перевесит тяжкий груз потери
Всё счастье, предназначенное нам.

* * *

Ни звука в доме плюшевом моем.
С твоим «люблю» я вскакиваю резво
И чудом где-то найденную джеззу
Превозношу над маленьким огнем.

Пью кофе, размышляя в тишине
О том, каким сегодня день случится...
Твоя любовь ко мне в окно стучится,
Моя в твоём колышется окне.

Пусть будет мир, и воздух, и вода,
И замыкание рук на полминуты,
И молодость, что отдана кому-то
В обмен на счастье – раз и навсегда.)

Я думаю, что жизнь уже превратила нас с тобой
в один живой организм...

Я наполнен тобою! Только думаю о тебе и чув-
ствую тебя.

Это наше с тобой мгновение настоящей и пол-
ностью забирающей нас в свои объятия любви!!!

(Любовь в судьбе случается все реже,
Порой переселяется из книг.
Я о тебе не думаю – я грежу
И наполняю смыслом каждый миг.
На свете страшно жить, коль сердце немо,
Не веря, не надеясь, не любя...
Не знала я, что жизнь моя – поэма
Лишь в две главы: с тобой и без тебя.)

Целую, моё счастьешко!

(Крылья сложила
Под поцелуем твоим
Губ моих бабочка)

*В цитатах из писем сохранена авторская орфо-
графия и пунктуация.*

7

* * *

Царапает изнанку модной блузки
Душа скулящим брошенным щенком.
Тоска моя не говорит по-русски,
Молчит себе и молится тайком
О том, чтоб, словно мокрый лист к окошку,
К щеке ладонь прильнула, замерев...
Май на земле стоит такой роскошный!
Сны дождевые капают с дерев...

Когда нет слов – на ум приходят числа,
Неравенство слагая на весу...
Конец весны – цветущий и лучистый,
Как, в общем, полагается концу.

* * *

Прячется летом любовь-невидимка
На васильковом лугу.
Твой поцелуй золотой паутинкой
Тянется с краешка губ.
Кажется мне: мы одни во Вселенной...
Сколько же в мире тепла!..
Слабость в ногах: паутинка колени
Тоненько мне оплела.

* * *

Не мы ищем счастье – оно нас. Бездомно
И слепо, в колени нам тычется робко...
...Когда я люблю – не мешает никто мне.
Моя вдоль обрыва заветная тропка –
Навстречу тебе. Не свернуть, не отпрянуть.
Застыть на мгновение в объятиях – и только.
Пусть всё потом зарастает бурьяном,
Пусть будет сладко и чуточку горько...

Становится сердце в любви безразмерным...
Весь мир в нём – не только при ясной погоде...
Любовь мы не ищем, пожалуй. Наверно.
Она неожиданно раз – и приходит.

8

Он сказал мне как-то: «Любовь – это дверь, ко-
торую из боязни или любопытства приоткрываешь
сначала чуть-чуть, потом – шире, шире, шире. А
потом ты оказываешься с той стороны и дверь за-
крывается, но тебе не хочется назад, потому что там
– лучше». Здорово. Я когда-нибудь напишу об этом
бестолковый стишок.

А сама думаю, что только любовь приносит
ощущение восторга от того, что ты – это ты, и тебя
любят такую, какая ты есть. Или какой ты бы хотела
быть всю жизнь... Зачастую не различая: есть или
хочешь быть...

...Был или хотел быть... Главное, что был.

* * *

Бредет по дороге безумный философ.
Пронзительный взгляд, борода с сединой.
Сократ и Сенека, и Ницше, и Лосев
Шеренгой стоят у него за спиной.

Безумный философ. Не звание – титул!
Любитель еще не исхоженных трасс.
Чужой и свободный. Мыслитель маститый,
На главный вопрос мне ответа не даст.

Теперь ты любим, мой безумный философ!
Расслабься, присядь у реки на бревне...
Не думай, что больше не будет вопросов...
Вот только ответы ясны не вполне...

* * *

Мне чудится в ночи, как будто ветер стих,
И долгожданный штиль
в судьбе моей нескладной.
Свобода и любовь-два идола твоих,
Войну ведешь за них всю жизнь ты беспощадно.

Свобода и любовь-на острие меча.
Меж ними выбирать – жестоко и печально.
Свободу на любовь меняешь сгоряча.
Потом наоборот. И это неслучайно.

Свобода и любовь – что б кто ни говорил –
Две стороны одной-единственной медали,
Как лестница в метро... но, правда, без перил.
И нас с тобой везет в неведомые дали.

* * *

Мой любимый мужчина летит в Катманду,
А потом на денёк он задержится в Дели.
Буду я ему разную слать ерунду,
Вспоминая его поцелуи на теле.

Мой любимый мужчина собрался в Пекин,
Говоря, что там не был давненько –
лет двадцать.

Я скучаю, любя его только таким
И мечтаю до одури с ним целоваться.

Мой любимый мужчина – рюкзак за спиной,
Стекла старых очков его – в солнечных бликах.
Я б судьбы для себя не хотела иной:
Лишь писать о его похождениях великих.

9

Наш роман был лишен ссор, споров, выяснения отношений, ревности и прочих «радостей». Мы торопились узнать друг друга получше и в пятьсот сорок пятый раз признаться друг другу в любви. И не мудрено: большая часть наших встреч, особенно в последнее время, проходила в больницах и лабораториях. Стефан Цвейг сказал когда-то, что между здоровым и больным никогда не может быть равноценных отношений, потому что один только берет, а другой – только дает. И еще – страшно. От того, что вчера Он шел ровно, а сегодня – качаясь, а завтра не может попасть ключом в замочную скважину. И ты думаешь, как страшно Ему. А Он – как страшно тебе. И кому страшнее?

Но все же... все же... в каждой минуте, в каждом мгновении была любовь, и она заполняла собой все ниши и отверстия, и страх улетучивался. Я эротично обнимала Его за спину, прижимаясь к Нему, чтобы Он шел ровно, а Он, отдышавшись в лифте, целовал меня с пылкостью юного и совершенно здорового мужчины. Да-да. Мы были мужчиной и женщиной – до последней минуты. Брали – и отдавали. Отдавали – и брали.

У нас с тобой свиданье на крови –
В буквальном смысле. Пятая палата.
И перышко зеленого салата –
Лишь слабое свидетельство любви.

Крест-накрест пластырь и стерильный бинт,
Рука моя-поверх твоей ладони.
Прочитаны Руссо, Шекспир, Гольдони,
Блок так же, как и в юности, любим.

Зачем-то в них ишу напрасно я
То, что болит, волнует и тревожит...
Твоей руки исколотой дорожке
Нет ничего на свете у меня.

* * *

Целую через прорези бинта
Я вену твою вспухшую. Отныне
Жизнь как струна. Единственная. Та,
Что пела под смычком у Паганини.

Когда с трудом дается каждый вздох,
Уже пренебрегаешь суетою...
С одной струною вместо четырех
Смеешься, плачешь-счастье непростое.

Или-напротив-все как раз легко:
То помнится, то любится, то снится...
А мысли попадают «в молоко»,
И рвется прочь журавль от синицы.

Хоть счастья ключ-не от того замка
И жутко от предчувствия разлуки,
Люблю тебя. И счастлива, пока
Целуют губы. Обнимают руки.

* * *

Лежачих тел холмы пологие
И трубки, словно змей клубок...
Медовый месяц...в онкологии...
Такое счастье дал нам Бог.

10

За окном – давно не Шекспир. Скорее «Вам и не снилось», помните? «Жизнь больше любви».

Оказывается, не всегда. Бывают случаи, когда между тем и другим можно поставить знак равенства. Потому что каждое мгновение любви означало жизнь, а каждый день жизни продлевал любовь... И ощущение «на краю» делало ее невероятной, запредельной, отчаянной. У меня не было соперниц. Кроме одной. Которая оказалась сильнее...

Жизнь в моей парадигме поменялась на Смерть. Не только Его – мою тоже, потому что все мы умираем – в какой-то степени – со своими любимыми. Жизнь – Смерть – Любовь... За окном – Шекспир, не так ли?

По мелкоречью сладко семеня,
Подол несла закрученной косицей,
И в компаньонки к счастью попроситься
Хотелось мне сильней день ото дня.

С годами легче становился брод,
Быстрей река: одна, другая, третья...
Неужто начала мельчать... мудреть я?
А, может быть, как раз наоборот?

Жила, не зная, что мне суждено,
В заботе полусонной, мелкоречной...
Была тобой невстреченной... невстречной...
Но – добрела до моря.
Ты – оно.

* * *

Вероятно, опять неправа я,
Без сомненья сдаваясь судьбе...
Забываю дышать, забываю,
Когда думаю о тебе...
(и до сих пор...)

11

Он внезапно отодвинул стакан с лимонадом и сказал резко и хрипло:
– Слушай... в нашем грёбаном мире (а другого всё равно нет) ... должна же быть какая-то зацепка...

в общем, знай, что я тебя люблю. Просто знай и всё.

А потом добавил:

– Тебе, конечно, хуже, чем мне. Ты останешься... тем более – знай.

Да. Оставаться хуже. Смерть – она же стройнит на пять размеров. Потому что в тебе исчезает пространство, принадлежащее Ему. И душа провисает складками, как тело у стихийно похудевшей модели, и неясно, какими косметическими операциями от них избавиться... или – чем наполнить эту пустоту...

Размыслив о превратностях судьбы,
Одним глотком вино из tetrapack
Допью. Ругну соседскую собаку,
Что лает целый вечер. Не забыть
Вчерашнего дождя, который шёл,
Потом бежал, дорог не разбирая,
Как я... вот так же... ни конца ни края...
А вечер был нахмурен и тяжёл...

Но эту тяжесть я перенесу
Легко и просто, солнечно и нежно,
Любовь свою – нежданную, конечно,
Держа в дрожащем сердце на весу.

12

А я нашла в архиве стихи, не вошедшие в основной реестр. Коротко их прокомментирую.

Это было одним из первых, посвященных Ему. Просто любовь для меня начинается со стихов. Утром – деньги, вечером – стулья... А у меня: вечером – стихи, утром – любовь...

Что мне сказать Вам в утешенье?
Я просто женщина. Аминь.
Неотвратимое решение –
Среди зимы зажечь камин,
Чтоб занялось и затрещало,
Согрев, сгорело – все дотла...
Я без надежды обнищала
И обмелела без тепла.

А Вы? Что Вы? Ваш легкий шепот
Я слышу явственно вполне,
И сквозь каминную решетку
Вы тоже тянетесь ко мне.
Нам скрывается некуда от мира,
А он, боюсь, неизлечим...

Вот разве только у камина
Мы сладко вместе помолчим.

Второе – когда мы уже были на «ты» и разговаривали о том, как, почему и когда встретились. Сойдясь на том, что любовь – это когда А и Б встречаются в определенный час в определенной точке. А до того могли ходить друг мимо друга много лет...

На разных обитали этажах:
На первом ты, а я – на двадцать третьем,
И ты меня, конечно, не заметил,

Когда тяжелой сумкой впопыхах
Тебя задела я, ползя наверх
Без лифта(он ведь ехал до шестого),
В один неприспомятый четверг,
В компании Болконского с Ростовым.

А ты на «Мерседесе» уезжал,
Закованный в успех, как рыцарь в латы...
Бродили мы по разным этажам:
Я – где рубли считали до зарплаты,
Ты – там, где миллионные долги,
Разборки и смертельные враги.

Откуда б знали мы, что век спустя
Обоих нас, как бабочек, нанижут
На строчку опоздавшего дождя:
Тебя – повыше, а меня – пониже?
И будущего черную дыру
Пронзит тоска последнего абзаца:
Мы будем трепыхаться на ветру
И крыльями слегка соприкасаемся.

А последнее и не прокомментируешь даже...
Написано тогда, в разгар нашей любви, а читается сейчас... только иначе, конечно...

В безумной сутолоке дня,
В рассеянной толпе
Теперь есть время у меня
Подумать о тебе:
И о плечах, и о руках,
Укрывших от тоски,
Сквозной улыбке в уголках
Любимых губ таких...

Что нам судьба и не судьба?
В рассветной тишине
Теперь есть время у тебя
Подумать обо мне.

13

...Узнаваемыми у Него оставались только руки: большие, с длинными, тонкими пальцами, хотя и распухшие и исколотые. А сам Он с каждым днем все меньше и меньше походил на себя. И если вчера Он касался пальцами моей руки, то сегодня еле-еле шевелил ими под моей ладонью... и очень тяжело дышал...

Меня остановила монашка (хоспис был при монастыре).

– Почему он не умирает? – спросила она.

– Не хочет, – ответила я коротко. А что еще сказать? Что у Него молодое здоровое сердце, полно планов на жизнь и ненаписанный роман, который Он собирался мне диктовать, как Лев Николаич Софье Андревне?

...Я уходила от Него, не понимая, как буду жить дальше, когда время начнет обратный отсчет...

...Последнюю нашу встречу мне не забыть никогда. Мы долго смотрели друг на друга. Он был в сознании, но говорить уже не мог. А если бы мог... что бы Он сказал?... «Отпусти...»?

...Я взяла салфетку и написала на ней: «Спасибо тебе. Я отпускаю тебя. Люби меня – оттуда»... и подсунула Ему под ладонь...

На дне судьбы пошарь,
Коль счастье – стороною.

Любви хрустальный шар
Качался надо мною:
Парил, блестел, искрил,
Когда его задела...
И будто пара крыл
За ним виднелась белых.

Любимый, я и ты
Под крылышком у Бога
Хрустальный шар мечты
Раскачивали оба.

Но всё теперь прошло.
Осталось этой ночью
Полшара. И крыло –
Единственное. В клочья.

Из Его письма: «...Даже когда меня не будет,
моя любовь к тебе сохранится полностью, и никто
не будет понимать, кто и кого так любит, лишь ты
одна будешь понимать, что это я люблю тебя!!!»
Аминь...

* * *

Я теперь на скамье – запасной,
И душа – как пустая бутылка...
Ты стоишь у меня за спиной,
Осторожно касаясь затылка.

Оглянуться? Дотронуться? Но
Это будет навек – святотатство...
Эвридике теперь суждено
Без Орфея по свету шататься.

Кто ответит: к чему, почему
Мне лесами бродить и полями
И смотреть в непроглядную тьму,
Не боясь поменяться ролями?..

14

Месяц без Него

Июль не доживает до седин: до желтых прядей в
зелени роскошной. Мы с осенью вдвоем, а ты один,
что осознать покуда невозможно. Ведь было счастье
– пять недель назад, когда ты просто ЖИЛ и улыбал-
ся. Теперь навеки – выбыл адресат, и наш дуэт изы-
сканный распался. Не спрашивай меня, как я живу:
по улицам хожу, как по карнизам, сплю на работе,
грежу наяву, бросаю хлеб – смешным, пернатым,
сизым... Я нищих стала больше замечать и мучиться
неведомой виною. Хоть смерти факсимильная пе-
чать на осени поставлена – не мною.

Не мучайся, что недоцеловал. Не думай, не жа-
лей и не печалься. Наоборот: небесное начальство
должно тебе поставить высший балл за ценность
мига, прожитого НЕ по правилам всеобщего мараз-
ма, за то, что я с тобой бывала разной – но каждый
раз счастливее вдвойне.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Ольга ДАРАНОВА

«МЫ С ТОБОЙ НА ЗЕМЛЕ НЕ СЛУЧАЙНЫ...»

Людмила Бурлакова
(Егорова) (1953 – 1994)

вечер памяти поэта Людмилы Бурлаковой

26 октября 2018 года в Каминном зале Дворца книги состоялся вечер памяти замечательного поэта, инициатора и первого редактора альманаха «Карамзинский сад» Людмилы Бурлаковой. В этом году ей исполнилось бы 65 лет...

Этот вечер стал данью её памяти. Многие из тех, кто пришёл, знали Людмилу, общались, для многих она стала учителем в познании литературного мастерства, помогла в поэтическом становлении, взрослении, поддержала в трудное время. У каждого из тех, кто пришёл, была своя Людмила Бурлакова, и каждому было, что сказать о ней.

Вечер начался со вступительного слова ведущей Ольги Дарановой.

Человеку немного надо.
Горсть осеннего звездопада
Жизнь без зависти и беды
Да глоток ключевой воды
Чтобы долг – не простой привычкой,
Чтоб любовь не была обычной,
Вместо ста золотых рублей

Ровно сто дорогих друзей.
Человеку немного надо,
Слово доброе вместо награды,
Верность щедрой родной земле
Да горячий хлеб на столе.
...Счастье целое, а не долька,
Жизнь по совести, да и только.

Людмила Бурлакова – поэт советского времени и советской страны, страны с объединяющей идеологией, родителями-фронтовиками, бескорыстной дружбой и неистребимым желанием мира и добра всем людям на земле. Её детство, юность, её становление пришлось на это время. Отсюда цельность её натуры, стремление объединить людей. Она – поэт с широким взглядом на

мир. Есть в стихотворении «Родословная» такие вот строки: *«Похожа родословная моя на тысячи других! / Но вопреки железу и огню, Мы строим на планете город Солнца! / Пускай частица моего тепла / В него вольётся и тогда – / Продлится родословная моя».*

Она приехала в Ульяновск в 1990-е годы из Узбекистана с хорошим поэтическим багажом, уже членом Союза писателей СССР, имея публикации, изданные сборники стихов, участвуя во всесоюзных совещаниях молодых поэтов, то есть пройдя хорошую поэтическую школу. К тому времени у неё вышли сборники поэзии «Чтобы стать молодым», «Янтарное зерно», «Семь озёр», «Яблони на проспекте». Приехала, как тогда говорили, «...на усиление писательской организации». В то время писатели были гордостью любого провинциального города, его духовной опорой. Людмиле хотелось объединить ульяновскую словесность, помочь ей обрести свой голос в многоголосии российской литературы. Нужен, необходим был журнал, в котором душа и мысли ульяновских авторов обрели бы словесную оболочку и дошли до сердец читателей. Времена были трудные, перестроечные, холодные времена. К сожалению, её стремление, её убежденность не всеми были поняты и услышаны. Но Людмила верила в отзывчивость и бескорыстие людей, поэтому не гнушалась и ходила к спонсорам, просила помощи в издании журнала. И находились люди, помогали.

Что на судьбу пенять –

Кто плачет, кто поёт.

Нам эта жизнь – понять

Ничтожество своё.

Не убивать, не красть,

Взгляд ласковый – на храм!

Нам эта жизнь – упасть

Хоть к чьим-нибудь ногам...

Главное, что было в ней и осталось в её стихах: я – частица всего, что есть на земле доброго. Частица... И ещё дальше мы прочтём – сестрица... Всем нам сестрица.

Счастлива тем,

что мне вырасти здесь довелось,

В мир Навои отворить драгоценную дверцу.

Здравствуй, мой город,

пронизанный солнцем насквозь!

В общем аккорде моё покорённое сердце.

Людмила Бурлакова – поэт очень яркий, живописующий. Узбекистан, её солнечный родной Навои, «вдохновенный и смуглолицый», в котором прошла юность и годы учёбы, Грузия, Абхазия, Греция, Колхида... Мы слышим их мотивы в её стихах,

любujemy пейзажами и памятниками. Очень живописно! История реальная и мифы – всё переплелось. И этот мир – одна родина для всех людей. «Как современники – нет, словно кровные братья встретились улицы Горького и Навои» (Из поэмы «Яблони на проспекте»), «Степь моя древняя, боль да ковыль / Вечных дорог драгоценная пыль». Из цикла «Золотое руно».

**На дастархане под открытым небом
Хозяин, щедро разломив халву,
Нас угощает золотистым хлебом
и разливает чай по старшинству.**

**В руках его, как редкие планеты,
Мерцают полушария пиал
И льётся чай наполовину с лунным светом,
Свершается священный ритуал.
Хранителем Сармышского ущелья
Зовут хозяина, он сед, как лунь,
А его сабле – миллионы лун.
Тот курбаши не вымолил прощенья,
Мой дед на Волге воевал за хлеб,
Твой – на Кубани, в Бухаре, в Сибири,
Чтоб миновало шесть десятков лет,
И мы вдруг встретились
В огромном мире
И умудрённый жизнью аксакал
Вёл разговор о добром урожае,
Чтобы на шёлковом узбекском дастархане,
Мерцали звёзды в глубине пиал.**

Стихи Людмилы Бурлаковой очень зрелые, не смотря на её молодой возраст. В них много боли. Боли личной и боли вселенской. Читаешь, и такое чувство, что ей много лет, она прожила очень тяжёлую жизнь, и каждый новый день проживает в борьбе.

Люди, с чем приду я к вам?

С надеждой налегке

или с горечью, зажатой в кулаке?

Речкою глубокой обернусь,

На асфальте каплей разобьюсь?

Люди, что отвечу вам в свой короткий час?

Что за правдой шла, не смыкая глаз,

Да, отдавшись судьбе на милость,

Испугалась, споткнулась, сбилась?

Люди, как оставлю вам груз последних лет,

Где сражений больше, чем побед,

Их не втиснуть в сундуки удобные,

Не судите наспех, люди добрые!

Край Симбирский, край Ульяновский стал для Людмилы Бурлаковой не менее дорогим, чем родные края. Волга, Венец, старый Симбирск, поля и луга, лес и недра – всё вызывало в ней сострадание.

**Разбились церкви в морскую пену,
Бессчетны жертвы плотиной моды.**

Мне – рукотворному манекену –

По кабинетам слагают оды.

Ложится ложь – или нож? – на души,

Ведут этап на закланье долгу.

Мольба о помощи глуше, глуше...

Вер-ни-те Вол-гу!

Её главное детище – альманах «Карамзинский сад». Её кровь и боль, обиваемые ею пороги, хула и награда людская. Первый номер альманаха вы-

шел в 1991 году. Его лейтмотивом стали слова: «Он создаётся, чтобы разбудить уставшую и бескрылую человеческую душу, возродить утраченные нами традиции, вернуть Симбирску-Ульяновску былую славу отчизны поэтов». На страницах «Карамзинского сада» 1990-х мы встречаемся с молодыми Светланой Матлиной, Еленой Кувшинниковой, Ольгой Шейпак, Александром Лайковым, Лидолией Никитиной, Сергеем Юрьевым, Евгением Мельниковым, Анатолием Марасовым, Юрием Соколовым, Виталием Масюковым, Владимиром Мироновым, Александром Никоновым, Людмилой Евдокимовой, Александром Андрухиным.

**Карамзинский сад расцветал
зимой –
Невозможный мой, ненаглядный
мой!
Семь ветров симбирских –
круты, смелы,
Молодецки гнули его стволы.**

На вечере, посвящённом Людмиле Бурлаковой, выступили Ольга Шейпак, Николай Марянин, Александр Лайков, Елена Кувшинникова. Все они отметили несправедливость и несвоевременность ухода из жизни Людмилы Бурлаковой, её уникальный талант и душевную щедрость. Воскресить в памяти её образ, приблизить, вновь встретить помогли фотографии на экране.

Выступает А. Лайков. Ведущая – О.Н. Даранова

Архивная фотография. Участники вечера памяти Л.А. Бурлаковой 1994 года. Слева направо: Е. Кувшинникова, О. Шейпак, А. Лайков, З.Ф. Егорова (мама поэтессы), В.А. Хмарская (сестра), Л. Никитина, Л. Фомин, Н. Васильева. В первом ряду: Е. Мельников, Н. Бурдина (вдова поэта Л.А. Бурдина). Областная библиотека для детей и юношества

Выступает Н.Д. Васильева. На встречах в библиотеке Л. Бурлакова дарила участникам фигурку Пегаса

Облик и голос Людмилы Бурлаковой, интервью с поэтессой зрители увидели и услышали в фильме студии «Канал 2», снятом в 1994 году.

Наталья Дмитриевна Васильева, сотрудник Ульяновской областной библиотеки для детей и юношества имени С.Т. Аксакова, рассказала о своём сотрудничестве с Людмилой Бурлаковой в клубе «Возьми поэта в собеседники».

Стихи, посвящённые своей матери, прочитал сын Людмилы Алексей.

Стихи поэта словно море,
Как звёздами усыпанный июль.
Они рождаются и в радости, и в горе,
И под лучами солнца, и под грохот пуль...
И матушка моя, а лучше просто мама,
Пыталась объяснить, стихами передать –
Под тютчевский напев, под рубаи Хайяма –
Что лучше – всех любить, отнюдь не презирать.
И в наш безумный век с открытою душою
Старалась всех понять, безудержно любя,
(Не каждый человек способен на такое).
А вот она могла и жить не для себя...
Хоть чуточку тепла,

общаясь с каждым встречным,

Старалась отдавать, на слёзы не смотря.
И этот трудный путь остался бесконечным.
И будет вечно жить, пока жива Земля.

Воспоминаниями поделилась её сестра Валентина Алексева.

Листаю журналы «Мономах», «Симбирск», «Карамзинский сад». Вижу опубликованные стихи Людмилы Бурлаковой. Здесь она рядом с Николаем Благовым, Анатолием Чесноковым, Светланой Матлиной, Евгением Мельниковым, Андреем Пчелкиным. Хорошее, проникновенное стихотворение посвятил Людмиле поэт Пётр Мельников.

...Была она хрупкой, изящной женщиной, страстно желающей любви. И любила и сына, и мужа. И людей любила, хотела, чтобы в мире было меньше горя, душевной чёрствости, злобы и корысти. И сердце не выдержало...

Ковш золота в воде разлит.

Нырнуть – до счастья, до предела.

**...И грудь болит не от прострела –
За человечество болит.**

Людмила БУРЛАКОВА

«ВСЮ ВСЕЛЕННУЮ ВИДНО С КРЕСТА...»

* * *

Доживаем век без чудес,
вдоволь идиолов и зверья...
Но на каждый муромский лес
да отыщется свой Илья!

Что и князю челом не бьёт,
а объявится злыдень-вор –
на ладонь посадит, другой прижмёт –
вот с поганцем и весь разговор.

Что за Родина, коль – ничья?
Что за храмы, когда – ничьи?
Подсоби, богатырь Илья,
залежался ты на печи!..

ПОЛОНЯНКА

Пустой океан обгоревших пустынь –
великая милость для беглых рабынь:
то – ящеркой лёгкою цвета песка,
то – смерчем. Дорога моя далека.
Из века истлевшего жадно тянусь:
за цепкой пустыней распахнута Русь!
Под снегом молчит покосившийся крест,
ведут под венец белокрылых невест...
Но беркут-камча настигает меня,
и топчут копыта лихого коня.
Разгневан владыка, суров и скуласт.
Захочет – убьёт, а захочет – продаст.
Потоплены косы в горячем песке...
Я Бога зову – на каком языке?

* * *

Голову церкви снесли вместе с куполом-шапкой:
не угодила кому-то, уж слишком была хороша...
Денно и ночью моя сиротинушка-бабка
за супостата молилась, святая душа.

Но покатился над городом вопль колокольный.
Вслед, друг за дружкой казнили все сорок церквей.
Кинулась к людям заступница тропкой окольной –
двое с собаками весело гнались за ней.

Местный нерон открестился потом прибауткой,
утихомирились все прихожане окрест.
Только в музее доньне распятой голубкой
бьётся над куполом миру протянутый крест.

* * *

Прочь – из города, от учёных сирен
(как голодные псы, нас преследуют, травят).
Завершается мой урбанический плен –
обнимает волна и зовут поцелуйные травы.

Среди леса отшельницей глянет сосна,
устремлённая в небо, наивно-сквозная.
Уведёт к заплутавшему сердцу она,
мне кого-то из близких напоминая.

В непродажной листве, в неразменном шатре
затеряюсь никем не замеченной птахой.
Я увижу свой город: на певчей заре
поднимается солнца кровавая плаха...

* * *

Я останусь молодой
пересудам на беду.
В золото твоей ладони
руку правую кладу.

По барханам, по болотам
в непогоду – снег и грязь –
неизменным пешим ходом,
бездорожья не страшась.

Милый, сколько нам осталось
без оглядки петть и жить?
Дряхлую оставим старость
дверь от дома сторожить.

Перегрузки. Перекаты
спешных дней, былинных рек.
Там, на взлёте эстакады,
мчит космический наш век.

Под его державной властью –
алый парус на волнах.
...Там с обрыва машет счастье –
город на семи ветрах.

* * *

Разлетаются в страхе
княжата небесных кровей:
в Соловьёвом овраге
не выжил ни один соловей!

В дебрях падшего рая
бродит стая облезлых собак,
и вожак этой стаи
помойною гнилью пропах.

Здесь – овражья обитель,
нескончаемый пир воронья.
...Чей же ангел-хранитель
с певчей ветки окликнул меня?

* * *

Греем душу, горбим спину,
на земле наполовину...
Нам от хамов и паяцев

в небеса легко сорваться,
на ладонь самоубийцы
утешеньем опуститься...
Мы неслыханно богаты,
не красивы – но крылаты!
И пока владеет нами
зёрнышко за облаками,
за обиженную птаху
поднимаемся на плаху.
Царские не хмурьте брови –
мы из плоти. Мы из крови.

ДУБРОВКА

Живу за пазухой дубравы
под ландышевый перезвон...
Ни слова чёрного, ни славы –
лишь вечность с четырёх сторон
и грубые пожатья терний,
и дружество на полчаса...
Дремучая душа губернный
всё тянется под небеса,
с упорством малого ребёнка
зовёт желанную судьбу.
Веками стережёт иконка
от горя каждую избу.
Вершат чащоба и дорога
благие помыслы вразброс.
Живу за пазуху Бога:
сиротство, слякоть да мороз.

* * *

Человеку немного надо –
горсть осеннего звездопада,
жизнь без зависти и беды
да глоток ключевой воды.
Чтобы долг – не простой привычкой,
чтоб любовь не была обычной.
Верность щедрой родной земле
да горячий хлеб на столе.
Человеку немного надо –
слово доброе вместо награды,
вместо ста золотых рублей –
ровно сто дорогих друзей.
Чтобы тем, кто его услышит,
небо стало немного выше...

ПРИДОРОЖНЫЙ ЦВЕТOK

В мире всё необратимо:
латы снега, гнев огня...
Что же ты проходишь мимо,
сапогом задев меня?

Безымянный, бескарманный –
так меня задумал Бог –
одаряющий дурманом
растревоженный цветок.

Ни волнения, ни цвета
не заметил?
Гаснет свет...
Под тугой ладонью ветра
я клонюсь тебе вослед.

* * *

У меня ни долгов, ни казны,
ни шалашика – обогреться.
Я пришла из страны
под названием Сердце.

Там ольха расцветает зимой,
соловьи распевают в осень.
Там раздорное слово «мой»
кто-то камешком в омут бросил.

Хлеб насущный, что «даждь нам днесь»,
обращаю в молитву, в строчку.
Мне светло и напевно здесь,
и немислимо – в одиночку.

* * *

Не дворец поднебесный – мазанка,
и зазывного нет крыльца.
Что, Поэзия, ходишь в пасынках,
не показывая лица?

По расстрелянной колоколенке –
рот зажатый и чёрный плат?
Как горит твоя горе-горенка
посреди грановитых палат!

Стынет траурная процессия –
сердце заперто изнутри.
Нет пощады тебе, Поэзия.
Шаг в толпу – твой шанс. Говори!

* * *

Что на судьбу пенять –
кто плачет, кто поёт.
Нам эта жизнь – понять
ничтожество своё.

Не убивать, не красть,
взгляд ласковый – на храм!
Нам эта жизнь – упасть
хоть к чьим-нибудь ногам...

* * *

Дубовый крест, и полудетский профиль...
Весь город предстоящей казни рад.
Народ уже толпится на Голгофе,
и нет пути... и нет пути назад!

Пытают плоть копьём, а душу – плетью.
Во всей вселенной мы сейчас одни.
...На эшафот идёт тысячелетье
под рёв толпы: «Распни его, распни!».

* * *

Всю вселенную видно с креста –
по верхушкам забиты места.
Все раскуплены суперпосты,
только души темны и пусты,
в них спускаюсь покорно, как в ад,
я с тобою, ослепший мой брат,
даже если вся вера твоя
вскормлена дикой сталью копыя.
...Пощади своё чрево, палач –
обо мне хорошенько поплачь...

* * *

Мы – ветви одного дерева.
Мы – перья одной птицы.
Богу – Богово, зверю – звереву?
В кого же мне воплотиться?

Стая рыщет, сбивая ноги,
Отче тянет ко мне ладонь.
Нет, ещё не посмеют боги
бросить глину свою в огонь...

* * *

Господи бросил кость –
руки лизать готова.
Только б людская злость
не растоптала снова.

Отче! Возьми – не дай!
Разом возьми, горстями.
...Знаю, дорога в рай
вымощена гвоздями.

* * *

Ангел смерти готовит телегу,
стынет солнце, и трубы трубят.
Ты ступаешь по первенцу-снегу
и считаешь несчастным себя?

Все когда-нибудь (Боже, как просто!)
против воли шагнём за черту.
...Но рождается радости остов
в обитаемом новом году!

С неба шарик рождественский виснет,
осыпая надеждами путь.
Вдох и выдох – вот формула жизни.
Выдох – после. Попробуй вдохнуть...

* * *

Спускается ущербная ладья –
не заплутала? – к моему порогу.
Печальный ритуал... Пора в дорогу!
Небесных рыб блистает чешуя.

С каким усердьем выметают сор
из дома моего – не накричатся!
И надо мне на землю возвращаться,
чтоб выслушать последний приговор.

Ещё на плаху подниматься мне...
По звёздной синеве плесну ладонью
и отражусь беспечно-молодою
в небесно-убегающей волне.

* * *

Бессмертием торгующий вразнос,
скажи, отверженный, кому ты нужен?
Вот солнце – золотой лохматый пёс
лакает время из прохладной лужи.

Гуляет город, пьяный и босой -
чем цены выше, тем народ смелее.
Гляди! Процессии за колбасой
уже длинней процессий к Мавзолею.

Что ты в своих руладах воспоёшь –
союз мешков, налогов, крыс и крынок?
Нас жирным брюхом подминает рынок,
всё остальное – блажь и ложь.

А ты, блаженный, по небу идёшь?

* * *

Надежда течёт до предела,
а там... грузно падает ночь,
и всадник на лошади белой
торопится горю помочь.

Парит облаковая грива.
Браток, не робей, всё путём.
Уйдём навсегда и красиво,
земли не касаясь, уйдём.

*Подборку составил
Николай Марянин*

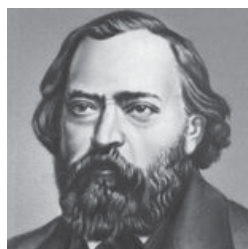

ДЕКАБРЬ 2018

5 декабря – 215 лет назад родился поэт Фёдор Иванович Тютчев (5.12.1803, с. Овстуг Орловской губ., ныне Брянской обл. – 27.07.1873, Царское Село, ныне г. Пушкин). Служил дипломатом в Мюнхене и Турине (1822 – 1839). Первый сборник стихов выпустил в 1854 году. По неподтверждённым данным, заезжал в село Ундоры Симбирской губернии к декабристу В.П. Ивашеву, своему троюродному брату. Был близко знаком с симбирским поэтом Д.П. Ознобишиным. У родни в Симбирске жил его двоюродный племянник Н.С. Тютчев.

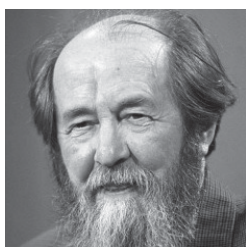

6 декабря – 205 лет со дня рождения поэта и публициста Николая Платоновича Огарёва (6.12.1813, г. С.-Петербург – 12.06.1877, г. Гринвич, Великобритания). Осенью 1847 года приобрёл Тальскую фабрику в с. Проломеха Симбирской губ. (ныне Инзенского р-на Ульяновской обл.); жил здесь в 1850 – 1855 гг. после ареста в Симбирске по доносу местных помещиков. С 1856 года жил в Лондоне и Женеве. Автор книг «Стихотворения» (1904), «Избранные социально-политические и философские произведения» (1952 – 1956) и др.

6 декабря – 20-летний юбилей отмечает поэт Вадим Михайлович Яруткин (р. 6.12.1998, г. Октябрьск Самарской обл.). В 2012 году после окончания 6-го класса переехал в Ульяновск. Окончил Ульяновское гвардейское суворовское военное училище (2017).

Участвовал в работе литературного объединения суворовцев «Библиофил», стихи публиковались в журнале «Гвардеец». Автор поэтических сборников «Долгий роман судьбы» (2016), «Шанс» (2017).

11 декабря – 100 лет со дня рождения писателя, публициста, поэта Александра Исаевича Солженицына (11.12.1918, г. Кисловодск Терской обл., ныне Ставропольского края – 3.08.2008, г. Москва). Будучи студентом, в августе 1939 года путешествовал на лодке по Вол-

ге из Казани в Куйбышев, прожил три дня в Ульяновске, посетил Сенгилей. В университетской стенгазете опубликовал стихотворение «Ульяновск». Был также в Ульяновской области проездом в Самару в 1950 и 1995 годах. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1970).

12 декабря – 100 лет назад родился поэт Николай Романович Сидоров, творческий псевдоним – Николай Рябинин (12.12.1918, с. Ермоловка Саранского у. Пензенской губ., ныне не существует – 10.10.1985, г. Ульяновск). Окончил Ульяновский пединститут (1947).

Более 30 лет преподавал в Красноборской и Тетюшской средних школах Ульяновской области. Автор поэтических книг «Журавли» (1960), «Полдень» (1963), «Ласточки под дождём» (1968), «Запах земли» (1973), «Голос во ржи» (1977), «Озимь» (1982). Член Союза писателей РСФСР.

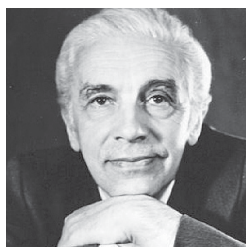
14 декабря – 110 лет со дня рождения драматурга Анастасии Дмитриевны Чеховской (14.12.1908, ? – 25.02.1995, г. Ульяновск). В 1948 году вместе с мужем Д.К. Дудкиным была выслана из Москвы в г. Сталинабад (ныне Душанбе). Член Союза писателей СССР.

Автор пьес «У нас в кишлаке», «Мирное время», «Дорогие гости», «Глава семьи», «Если люди узнают» и др. Ряд из них поставлены на сцене Русского театра им. В. Маяковского, а также в Таджикистане. Издавалась в Душанбе и Москве. С конца 1960-х гг. семья жила в Ульяновске.

14 декабря – 70-летний юбилей отмечает поэтесса Нина Михайловна Давыдова (р. 14.12.1948, г. Беговат, ныне Бекабад Ташкентской обл. Узбекистана). Окончила Казанский университет (1973). Работала в Ульяновском НИИ «Марс» (1974 – 1998). Автор изданных в Улья-

новске поэтических сборников «Марсианские стихи» (1998), «Взгляд назад» (1998), «Синее кимоно» (2007), «Позабытые острова» (2008), книги стихов и прозы «Слёзы цветов моего дерева» (2011). Член Российского союза профессиональных литераторов (2007).

15 декабря – 95 лет назад родился детский писатель Яков Лазаревич Аким (15.12.1923, г. Галич Костромской губ., ныне Костромской обл. – 21.10.2013, г. Москва). В 1941 году с матерью и младшим братом был эвакуирован в Ульяновск, на фронт призван Ульяновским

РВК. В 1970 году провёл творческие встречи в Ульяновске. Член Союза писателей СССР (1956). Автор книг стихов и сказок «Неумейка» (1955), «Приключения Гвоздичкина» (1961), «Иван и барабан» (1968), «Мой верный чиж» (1971), «Разноцветные дома» (1989) и др.

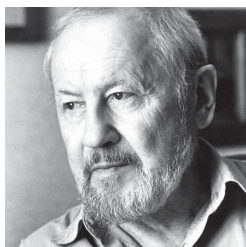
19 декабря – 100 лет со дня рождения поэта Николая Ивановича Тряпкина (19.12.1918, д. Саблино Зубцовского у. Тверской губ., ныне не существует – 20.02.1999, г. Москва). Член Союза писателей СССР (1955). Окончил Высшие литературные курсы (1958). Автор сборников стихов «Первая борозда»

(1953), «Перекрёстки» (1962), «Златоуст» (1971), «Излучки» (1987) и др. Лауреат Государственной премии РФ за книгу стихов «Разговор по душам» (1992). В 1977 году приехал в Ульяновск, выступал на местном телевидении.

20 декабря – 80 лет назад родился педагог и краевед Ханьяфи Ахмеджанович Насыров (р. 20.12.1938, с. Старая Кулатка Куйбышевской обл., ныне посёлок Ульяновской обл.). Окончил Ульяновский педагогический институт (1965). Работал директором школы, заслуженный учитель РФ. В 2001 – 2009 гг.

возглавлял районный краеведческий музей. Автор книг «История Старокулаткинского района с 1700 по 2000 гг.», «Старокулаткинцы в боях за Родину», «Знаменитые люди Старокулаткинского района», «Детство, опалённое войной» и др.

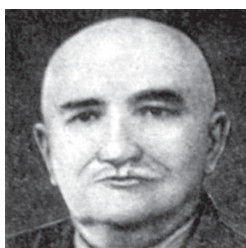
21 декабря – 80-летний юбилей отмечает писатель и литературовед Юрий Михайлович Лошиц (р. 21.12.1938, с. Валегоцулово, ныне с. Долинское Одесской обл.). Автор многих книг прозы и публицистики. Был в Ульяновске в 1978 году. Член Союза писателей СССР

(1980). Лауреат литературной премии им. И.А. Гончарова за книгу «Гончаров» из серии «ЖЗЛ» (2006); приезжал 17-18 июня на вручение премии в Ульяновск, где посетил Дворец книги, храм во имя Всех Святых, праздник писателя в Винновской роще. Живёт в Москве.

26 декабря – 120 лет назад родился татарский драматург, прозаик Шамиль Хайруллович Усманов (Госманов) (26.12.1898, с. Пенделка Кузнецкого у. Саратовской губ., ныне Кузнецкого р-на Пензенской обл. – 3.12.1937, г. Казань). До 1917

года работал слесарем на фабриках сёл Гурьевка и Старотимошкино Симбирской губ. (ныне Барышский р-н Ульяновской обл.). Член Союза писателей СССР (1934). Автор пьес «В кровавые дни» (1919), «Дочь бая» (1923), «Страна родная» (1935); повестей «Радио с Памира» (1925), «Путь легиона» (1936) и др.

23 декабря – 120 лет назад родился ингушский писатель, литературный критик Дошлуко Дохович Мальсагов (23.12.1898, с. Гамурзиево Терской обл., ныне в черте г. Назрань – 9.07.1966, г. Грозный). Несколько лет учился в Симбирском кадетском корпусе, был исключён за то, что отказался назвать

имя провинившегося однокурсника. Автор драмы «Перелом» (1931), поэмы «Поток Армхи» (1934), переводов на ингушский произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, И.А. Крылова, А.М. Горького. Член Союза писателей СССР.

27 декабря – 170 лет назад родился этнограф, поэт и журналист Дмитрий Александрович Клеменц (27.12.1848, с. Горайновка Николаевского у. Самарской губ., ныне Духовницкого р-на Саратовской обл. – 21.01.1914, г. Москва). Один из инициаторов «хождения в народ», в мае-июне 1874 года

провёл пропагандистские рейды по деревням Симбирской и ещё нескольких губерний. Автор стихов «Дума кузнеца», «Когда я был царём российским», сатирического «Письма к графу Д.А. Толстому», песен и сказок, мемуаров «Из прошлого» (1925) и др.

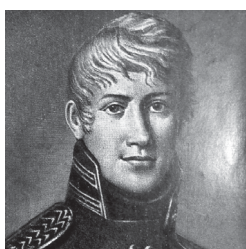

23 декабря – 95 лет со дня рождения писателя Виктора Александровича Курочкина (23.12.1923, д. Кушниково, ныне Старицкого р-на Тверской обл. – 10.11.1976, г. Ленинград). В 1942 – 1943 гг. учился в Ульяновском гвардейском танковом училище. Дружил с В. Пиккулем. Заочно окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1959). Член Союза писателей СССР (1965). Автор книг прозы «Заключенный дом» (1958), «Железный дождь» (1967), «На войне как на войне» (1979), «Записки народного судьи Семёна Бузыкина» (1990) и др.

27 декабря – 125 лет со дня рождения писательницы Анны Александровны Каравевой (27.12.1893, г. Пермь – 21.05.1979, г. Москва). С августа 1925 по 1928 годы жила в Ульяновске, заведовала Дворцом книги им. В.И. Ленина, преподавала в совпартшколе.

Из литературного объединения при газете «Пролетарский путь» организовала местное отделение Ассоциации пролетарских писателей. Написала за это время роман «Юность на Грязной», цикл рассказов «Её лучшая роль», «Дымная межа», «Гость», «Калёная земля», закончила повесть «Двор».

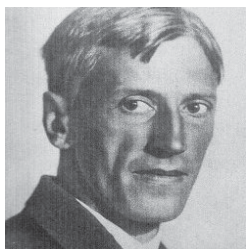
26 декабря – 240 лет со дня рождения писателя и переводчика Аркадия Алексеевича Столыпина (26.12.1778, ? – 19.05.1825, г. С.-Петербург). Сын помещика, владевшего имением в д. Линёвка Симбирского у., брат бабушки М.Ю. Лермонтова. Братья Александр и Афанасий тоже были

симбирскими помещиками. Тайный советник, обер-прокурор, сенатор. В 1794 – 1795 гг. опубликовал произведения «Восточный моралист», «Благодетельный государь», «Отрывок». Был знаком с Н. Карамзиным, А. Грибоедовым, В. Кюхельбекером, К. Рылевым.

27 декабря – 90 лет назад родилась поэтесса Майя Александровна Румянцева (27.12.1928, г. Москва – 21.03.1980, г. Тамбов). Во время войны находилась в эвакуации в Куйбышеве и Мелекессе (ныне г. Димитровград Ульяновской обл.). Член Союза писателей

СССР (1964). Ответственный секретарь Тамбовской писательской организации (1969 – 1980). Автор сборников стихов «Грузчица» (1962), «Девичья фамилия» (1964), «Размах» (1971), «Война» (1972) и др. Лауреат премии им. З. Космодемьянской за книгу «Твоё имя» (1970).

31 декабря – 120 лет со дня рождения писателя Георгия Давыдовича Венуса (31.12.1898, г. С.-Петербург – 8.07.1939, г. Сызрань Куйбышевской обл.). По другим данным, родился в 1897 году. Автор романа «Война и люди» (1926). Член Союза писателей СССР. В 1935 году был

арестован вместе с поэтом Н. Заболоцким. Проезжал через станции Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово по пути в ссылку в г. Куйбышев, где закончил роман «Молочные воды», написал повесть «Солнце этого лета». Умер в Сызрани в тюремной больнице.

31 декабря – 120 лет назад родился чувашский поэт и публицист Иван Евграфович Ундрицов, псевдоним – Иван Ахах (31.12.1898, д. Вторые Ялдры Ядринского у. Казанской губ., ныне Шумерлинского р-на Чувашии – 15.03.1920, там же). В сентябре 1918 года в составе

Красной армии участвовал в освобождении Симбирска от белогвардейцев. Стихи, рассказы, статьи, рецензии, пьесы публиковал в газетах «Канаш» и «Голос бедноты» (1918 – 1920). В 1972 году произведения изданы отдельной книгой «Идёмте в бой за социализм!».

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ ДЕКАБРЯ

Фёдор ТЮТЧЕВ (1803 – 1873)

* * *

Ещё томлюсь тоской желаний,
Ещё стремлюсь к тебе душой –
И в сумраке воспоминаний
Ещё ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

* * *

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора –
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё – простор везде, –
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко ещё до первых зимних бурь –
И льётся чистая и тёплая лазурь
На отдыхающее поле...

* * *

День православного Востока,
Святой, святой, великий день,
Разлей свой благовест широко
И всю Россию им одень!

Но и святой Руси пределом
Её призыва не стесняй:
Пусть слышен будет в мире целом,
Пускай он льётся через край,

Своею дальнею волною
И ту долину захватая,
Где бьётся с немощию злою
Моё родимое дитя, –

Тот светлый край, куда в изгнание
Она судьбой увлечена,
Где неба южного дыханье
Как врачество лишь пьёт она...

О, дай болящей исцеленье,
Отрадой в душу ей полей,
Чтобы в Христово воскресенье
Всецело жизнь воскресла в ней...

1872

1848 **Николай ОГАРЁВ (1813-1877)**

ХАНДРА

Бывают дни, когда душа пуста:
Ни мыслей нет, ни чувств, молчат уста,
Равно печаль и радости постылы,
И в теле лень, и двигаться нет силы.
Напрасно ищешь, чем бы ум занять, –
Противно видеть, слышать, понимать,
И только бесконечно давит скука,
И кажется, что жить – такая мука!
Куда бежать? чем облегчить бы грудь?
Вот ночи ждёшь – в постель! скорей заснуть!
И хорошо, что стало всё беззвучно...
А сон нейдёт, а тьма томит докучно!

Начало 1840-х

1857

* * *

Сторона моя родимая,
Велики твои страдания,
Но есть мощь неодолимая,
И мы полны упования:

Не сгубят указы царские
Руси силы молодецкие, –
Ни помещики татарские,
Ни чиновники немецкие!

Не пойдёт волной обратною
Волга-матушка раздольная,
И стезёю благодатною
Русь вперёд помчится вольная!

1858

* * *

Свисти ты, о ветер, с бессонною силой
Во всю одинокую ночь,
Тоску твоей песни пустынно-унылой
Ещё я берусь превозмочь.

Я стану мечтать величаво и стройно
Про будущность нашей страны, –
В доверчивой мысли светло и спокойно,
Мне делом покажутся сны.

Я вспомню о прошлом, о жизни сердечной,
Таинственном шёпоте дев,
И детской дремотой забудусь беспечно
Под твой похоронный напев.

1859

Вадим ЯРУТКИН (р. 1998)**СКАЗКИ**

Синее, синее, синее, синее море.
Тихая, тихая, тихая, тихая гладь.
Ты не поверишь, как радостно в этом просторе
Сказкам твоим предаваться и с ними дышать.
Ты не поверишь, как сладостно в этих красотах
Вместе подумать с тобой и с тобой помечтать.
Мне полетать в этих горных опасных высотах
Хочется больше, чем просто уснуть и застрять.
Синее, синее, синее, синее небо.
Тихая, тихая, тихая, тихая ночь.
Я в твоих мыслях томлюсь и топлюсь,
где бы не был.

Крыльями сказок гоню все сомнения прочь.
Я растворяюсь в тебе и теряю сознание.
Мысли твои облаками по звёздам плывут.
Нет, я всего лишь читаю твоё заклинание.
Нет, я читаю слова, что мне душу порвут...

* * *

Погаснет солнца луч во дни ненастья.
Его тепло, увы, не будет жечь.
Как жаль, что человеческое счастье
Немного кто сумеет уберечь...

* * *

А океаны тоже ждут весны,
Для всех открытой полевым простором.
Они не верят злым словам и взорам.
И им, как нам, цветные снятся сны.

А в душах их запрятано тепло.
Они, как мы, обманчивы, наивны...
Чтоб описать то, как они взаимны,
Нам никому порой не хватит слов.

А океаны выдохнут огнём...
Они не люди. Люди всё же злее:
Мы губим тех, кто ближе и важнее,
И убиваем тех, кто в нас влюблён.

Они не люди, чтобы не любить...
Они по всем своим гостям скучают.
Но, плача по ночам, они не знают,
Что их гостям так просто их забыть.

В глазах у этих... милых... нет вины.
И океаны в ночь считают звёзды,
Вдыхают лёгкими свежайший воздух...
Тот воздух сна, в который влюблены...

Александр СОЛЖЕНИЦЫН (1918 – 2008)

* * *

Поэты русские! Я с болью одинокой,
В тоске затравленной перебираю вас!
Пришёл и мой – мой ранний, мой жестокий
Час истребления, уничтоженья час.

Не знали мы тех лет, отстоянных и зрелых,
Когда со слов спадёт горячности туман, –
Два наших первенца застрелены в дуэлях,
Растерзан третий в рёве мусульман.

Нас всех, нас всех пред пушкинскою гранью
Многоголово гибель стерегла:
Безумием, гниением, зелёным умираньем,
Мгновенным ли пыланием чела;

Повешен тот, а этот сослан в рудник,
Иных подбил догадливый черкес, –
Санкт-петербургские нахмуренные будни
Да желть бензинная лубянская небес...

Чума на нас, российские поэты!
Текучим воском вылиты каким? –
Один – в петлю, другой – из пистолета,
К расстрелу – третьего, четвёртого – в Нарым.

Да счесть ли всех? Да кто сберёт алмазы
В рассеянных, разбитых черепах?..
Безумный я! – пополз подземным лазом
Сберечь их горсть в невидимых стихах, –

И вынес их! – но пальцы слабые разжаты:
Мне – смерть! Мне – смерть!
– кто эту грань нарушит? –
Она взросла в груди тарантулом мохнатым
И щупальцами душит...

1953

* * *

Смерть – не как про́пасть,
а смерть – как грёбень,
Кряж, на который взнеслась дорога.
Блещет на чёрном предсмертном небе
Белое Солнце Бога.

И, обернувшись, в лучах его белых
Вижу Россию до ледяных венцов –
Взглядом, какой высекали на стелах
Мудрые эллины у мертвецов.

Вижу прозрачно – без гнева, без клятвы:
В низостях. В славе. В житье-колотье...

Больше не видеть тебя мне распятой,
Больше не звать Воскресенья тебе...

Декабрь 1953

Николай РЯБИНИН (1918 – 1985)

В ЗЕМЛЯНКЕ

Так и осталась в памяти она,
в степи, в снегах затерянная где-то,
коптилкой едва освещена,
походною времячкою согрета.
Сидят бойцы на нарах в полутьме,
цигарки тускло тлеют в полумраке.
Метель, метель! И нет конца зиме,
весна не скоро перейдёт к атаке.
И, как всегда, о доме разговор,
о том, как жили до войны когда-то:
начнёт гармошка тихий перебор
в руках затосковавшего солдата.

* * *

Где был когда-то город шумный,
теперь лишь камни да зола...
С улыбкой дикой и безумной
по камням женщина брела.
Кого-то нежно называла,
кого-то взорами искала
среди столбов и чёрных труб –
вдруг закричала и упала
на изуродованный труп.
Ты шёл и думал о привале
(мы много дней не отдыхали),
но вот, свидетель страшных мук,
вперёд, в грохочащие дали,
ты зашагал быстрее вдруг.

* * *

Август – благодатная пора.
Если смерть тогда придёт за мною,
Постоит у моего двора
И махнёт, бессильная, рукою.

Скажет: загляну сюда потом,
В августе бессмертно всё живое.
Ишь как хлебом пахнет этот дом,
Дынями и скошенной травой!

И пойдёт, весёлый день кляня,
Солнце, ветер, птиц в небесной сини...
И в окне заметит смерть меня
За столом с ломтём янтарной дыни.

Нина ДАВЫДОВА (р. 1948)

СНОВА ОСЕНЬ

Снова осень, грустная волшебница,
Раздарила деревьям слова.
До рассвета под окошком шепчутся
Золотые листьев кружева.
И который раз, тая страдание,
Свято веря в то, что ты придёшь,
Одиноко тихие признания
По стеклу вызванивает дождь.

МНЕ ПОВЕЗЛО

Мне повезло родиться,
Я живу.
Один из многих миллионов клеток.
И радуюсь везенью своему
И мне судьбой отмерянному веку.
Я не хожу,
Но я могу дышать.
Я не могу сидеть,
Но что-то вижу.
Не говорю,
Но в силах ощущать
Тех, кто порой ко мне подходит ближе.
Я не один.
И я не одинок.
Согретая любовью и служеньем,
Душа очередной вершит виток
И к новому готовится рождению.

* * *

Решиться и узнать свой срок,
Второстепенное отбросить,
Не ждать, пока наступит осень,
Последний рассчитав глоток.
Успеть, пока не скован взгляд
Биением секундной стрелки,
Пока лекарства на тарелке
Мои желанья не съедят.
И всё отдать, и взять в ответ –
Любовь, печаль, непониманье,
И, сокращая угасанье,
Гореть, раздаривая свет.
Что будет там, к чему гадать, –
Ведь изменить не в наших силах.
Судьба завесу приоткрыла...
Решусь ли дар её принять?

Яков АКИМ (1923 – 2013)

АПРЕЛЬ

Долго шла весна тайком
От ветров и стужи,
А сегодня прямоком
Шлёпает по лужам.

Гонит талые снега
С гомоном и звоном,
Чтобы выстелить луга
Бархатом зелёным.

«Скоро, скоро быть теплу!» –
Эту новость первой
Барабанит по стеклу
Серой лапкой верба.

Скоро тысячи скворцов
С домиком подружат,
Скоро множество птенцов
Выглянет наружу.

Тучи по небу пройдут.
И тебе впервые
На ладошку упадут
Капли дождевые...

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Утром кот принёс на лапах
Первый снег!
Первый снег!
Он имеет вкус и запах,
Первый снег!
Первый снег!
Он кружится, лёгкий, новый,
У ребят над головой,
Он успел платок пуховый
Расстелить на мостовой,
Он белеет вдоль забора,
Прикорнул на фонаре –
Значит, скоро, очень скоро
Полетят салазки с горок,
Значит, можно будет снова
Строить крепость во дворе!

Николай ТРЯПКИН (1918-1999)

* * *

Памяти В.И. Даля

Где-то там, в полуночном свеченье,
Над землёй, промерцавшей на миг,
Поднимается древним виденьем
Необъятный, как небо, старик.

И над грохотом рек многоводных
Исполинская держит рука
Хатулище понятий народных
И державный кошель языка.

* * *

За великий Советский Союз!
За святейшее братство людское!
О Господь! Всеблагой Иисус!
Воскреси наше счастье земное.

О Господь! Наклонись надо мной.
Задичали мы в прорве кромешной.
Окропи Ты нас вербной водой,
Осени голосистой скворешней.

Не держи Ты всевышнего зла
За срамные мои вавилоны –
Что срывал я Твои купола,
Что кромсал я святые иконы!

Огради! Упаси! Защити!
Подними из кровавых узилищ!
Что за гной в моей старой кости,
Что за смрад от бесовских блудилищ!

О Господь! Всеблагой Иисус!
Воскреси моё счастье земное.
Подними Ты мой красный Союз
До Креста Своего аналая.

* * *

А жизнь прошла. Закончены ристанья.
Исправим печь. И встретим холода.
И только смутный гул воспоминанья
Проходит вдруг по жилам иногда.

Он пронесётся там, как в шахтах воды,
Промчится гул – и снова забытьё.
И перед древним сумраком природы
Горит свеча – окошечко моё.

Юрий ЛОЩИЦ (р. 1938)

* * *

Свечка теплится на срубке.
Холодна, темна вода.
Ото всей бредут округи
за глотком её сюда.
Не мелка у них посуда,
да и путь к колодцу глух.
Но легко идут отсюда –
не узнать моих старух.
По тропе спешат коровьей.
В вёдрах блики горячи.
Распылались щёки кровью,
а в глазах – лучи, лучи.
Звонче девушек смеются.
Нет свежей и чище лиц.
Под черёмухой пасутся,
будто стая голубиц.

1970-е

* * *

Вещий ворон летит тяжело,
воздух скриплыми пашет крылами.
Что опять его к нам занесло?
Напророчить всемирное зло?
Но в подробностях знаем и сами.

Ходят около хмурые дни
Круг за кругом. Но мы и не ропщем.
Ворон, братец, и ты не стони.
Эти злые, уйдут и они.
Это нам не впервой, между прочим.

2008

* * *

Зима. Первопуток.
В сосновом подросте
безлюдье дороги.
Пустыня. Покой.
Ни звука.
Ни знака промчавшейся злости.
Ни птичьего скока.
Всё в мире впервой.

Деревья простили полночную схватку,
берёзовых вех искалеченный вид.
И снег то замрёт, то изменит повадку –
стыдобу так истово припорошит...
То шёпот «прости», то приметы разбега...

О, длись, светло-светлая музыка снега!
Ты – шалость,
ты – нежность,
ты – радость,
ты – счастье.
Мы снова в твоей очищающей власти.
Утешь, умири незамиранных нас.
И важно ли знать, что всего лишь на час.

2018

Дошлуко МАЛЬСАГОВ (1898 – 1966)

ПОТОК АРМХИ

отрывок из поэмы

...От поцелуев солнца,
Яростных и горячих,
Снежное покрывало
Таёт и льётся, льётся
Вниз по груди горы...
Вот он, поток летящий,
Взмывленный – в белой пене,
Как оленёнок малый,
На склонах горы резвящийся,
Мчится неудержимо,
Мчится по скалам острым,
Прыгает с камня на камень
И на уступах подскакивает.
Он, ледником рождённый,
Грозный поток Армхи,
Ширится у подножья
Высящейся горы
И, разъярённый, клокочет.
Вот уж рекой течёт он,
Вот перед ним на скалах
Крепость – аул старинный,
Он огибает стены,
Башен суровых шлемы –
И в серебряной пене
Отчаянными прыжками
Дальше летит свирепо,
Как лев, рыча, на добычу.
Он разбивает преграды –
Горные кряжи, скалы
И убегает дальше,
К Тереку, чтобы слиться,
Чтоб перед ним смиренно
Выплакать горе сердца.
Мчится поток в ущельях;
Как и он сам – свободными,
Как и он сам – могучими,
Как и он сам – в ненастье
Гордыми, непреклонными,
С пламенными сердцами
Вынянчил горных соколов,
Тихих в движеньях – соколов,
Быстрых в решеньях – соколов,
Грозных в сраженьях – соколов,
Наших джигитов-соколов!

*Перевёл с ингушского
С. Подделков*

Дмитрий КЛЕМЕНЦ (1848–1914)

ДОЛЯ

Уж ты доля, моя доля,
Доля горькая моя,
Уж за что ж ты, злая доля,
До Сибири довела?

Не за пьянство, за буянство
И не за ночной разбой –
Стороны своей лишился
За крестьянский мир честной.

Год в ту пору был голодный,
Стали подати собирать
И последние пожитки,
Всю скотину продавать.

Я от мира с челобитной
К самому царю пошёл,
Но схватили по дороге,
До царя я не дошёл.

И по царскому велению
За прошение мужиков
Его милости плательщик
Сподобился кандалов.

Далеко село родное,
А хотелось бы узнать,
Удалось ли односельцам
С шеи подати скачать?

1873

Майя РУМЯНЦЕВА (1928-1980)

БЕССОННИЦА

Я до кончиков пальцев – не злая,
Очень добрая я с тобой.
Я до муки, до боли не знаю –
Есть ли ты или выдуман мной?..

И приходят рассветы в город,
Очень трезвые, с третьими лишними.
И теряется что-то гордое
Каждым утром под этими крышами.

Почему ты прощаешься молча
Здесь, на улице неуютной?
Хоть два слова, из сказанных ночью,
Повторить бы тебе в это утро.

Я бы трижды назад оглянулась,
Наизусть запомнив, навечно.
Но молчанье рождает грубость,
И во мне умирает женщина...

Я бровями сейчас зачеркну
Всё, что связано было с тобой.
Я уйду и опять не пойму –
Есть ли ты... или выдуман мной?

Я уйду по-мужски, без слов.
Под нелёгкий стук каблуков.
Не грустить.
Не плакать.
Не каяться.
Я в любви бываю царицей...
Прикажу – и не вспомнят пальцы!
Прикажу – и забудут ресницы!

Только где-то, в какой-то бессоннице
Всё до мелочи вдруг припомнится.
И подушка белой медведицей
С боку на бок нескладно завертится.

Затоскуется.
Где ты? Где ты?...
...Может, нашу большую планету
Так ворочает днём и ночью,
Что кого-то она все рассветы
Ожидает и любит очень...

Подборку составил Н. Марьянин